НОВАЯ ПОЛЬША

№5(64) 2005

СВЕТЛАЯ ТЕНЬ ПАПЫ

Переписка Яцека и Гаи Куроней

К истории дезинформации

Письма российского и польского ПЕН-клубов

Стихи Тимотеуша Карповича

КТО РАССТРЕЛИВАЛ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН?

Беседа с отцом Яном Анджеем Клочовским

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 5(64)
2005
МАЙ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Виктор Кулерский 4
ПОЛЬША В СЛЕЗАХ

Селим Хазбиевич 7
ЗНАЧЕНИЕ ИОАННА ПАВЛА II ДЛЯ МУСУЛЬМАН

Станислав Краевский 8
ГРУЗ ИСТОРИИ, НАДЕЖДА БРАТСТВА

Виталий Портников 9
ДНЕВНИК (ЗЕРКАЛО НЕДЕЛИ)
Апрель. Иоанн Павел II

Иоанна Щепковская 10
ВСТРЕЧА

Виктор Кулерский 11
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ПИСЬМО РОССИЙСКОГО ПЕН-ЦЕНТРА 18
ПОЛЬСКОМУ ПЕН-КЛУБУ

ОТВЕТ ПОЛЬСКОГО ПЕН-КЛУБА 19

Сергей Бирюков 19
КАТЫНЬ

НАШИ ЛЮДИ

Влодзимеж Новак 20
РЯДОМ С НИМИ Я МУРАВЬИШКА

Пшемыслав Делес 24
СИЛЕЗСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Яцек и Гражина Куронь 27
ПИСЬМА КАК ПРИКОСНОВЕНИЕ

Александр Яцковский 35
БАРТОШИЦЕ

БЕЛЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ

Александр Гогун 37
КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Казимеж Краевский 41
КТО РАССТРЕЛИВАЛ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН?

Ежи Помяновский 44
К ИСТОРИИ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Тадеуш Новаковский 46
ПЕТЯ

Алина Перт-Грабовская 53
ИЗ ИСТОРИИ РАДИО «СВОБОДНАЯ ЕВРОПА»

ЧЕЛОВЕК, ПОСТИГШИЙ ПИСАНИЕ 55
Беседа с Матеушем Сродонем

Тимотеуш Карпович 58
СТИХОТВОРЕНИЯ

Иоанна Мюллер 61
ПЕРВОРОДНЫЙ СЫН МИРА НА ULTIMA THULE

Тадеуш Зенкевич 63
СЕРГЕЙ КУЛАКОВСКИЙ
— ПОПУЛЯРИЗАТОР ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тадеуш Зелиховский-Войниллович 67
ИОСИФ БРОДСКИЙ В ПЕРЕИМЕНОВАННОМ ГОРОДЕ

Лешек Шаруга 71
ПРОЧТЕНИЕ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Томаш Фиалковский 73
ВЗГЛЯД НА РОССИЮ

Лешек Шаруга 75
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 78
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

АНГЕЛЬСКИЙ ЛИК РОССИИ 81
Беседа с о. Яном Анджеем Клочовским

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих ***(зам. гл. редактора)***
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Переводчики: А. Базилевский, А.Бондарев, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, Е. Шиманская
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 20,22,55,61), Archiwum (стр. 3,4,5,7), Archiwum «Karta» (стр. 56,57), К. (стр.81)

Виктор Кулерский

ПОЛЬША В СЛЕЗАХ

• Лех Валенса: «Без Святейшего отца, без его слова в Польше царили застой, отчаяние и безнадежность. Никто не верил, что все может быть иначе. Когда Иоанн Павел II приехал к нам в 1979 г., он засеял слово свободы, которое стало плотью уже на следующий год. Он разбудил нас, поляков, и мы поверили его слову, поверили, что есть надежда на перемены. Так родился август 80-го, так родилась „Солидарность", изменившая лицо Европы. Это заслуга Иоанна Павла II». (*«Жечпосполита», 2-3 апр.*)

• Президент Александр Квасневский: «Ушел великий Папа, наш самый выдающийся соотечественник. Польша и поляки в особенном долгу перед Иоанном Павлом II. Без Папы не было бы польской свободы». (*«Жечпосполита», 4 апр.*)

• Михаил Горбачев: «Умер великий гуманист. Без его участия берлинская стена никогда бы не рухнула». (*«Жечпосполита», 4 апр.*)

• Президент Джордж У. Буш: «Мы благодарим Бога за то, что Он послал такого человека, сына Польши, который стал епископом Рима и героем на века. С его кончиной мир потерял защитника свободы». (*«Жечпосполита», 4 апр.*)

• Президент Виктор Ющенко: «Это святой человек, великая гордость поляков. Но в нем текла и капля украинской крови, а свою жизнь, свои труды он связал и с Украиной. Наши отцы не знали столь великого представителя славянских народов». (*«Газета выборча», 4 апр.*)

• Александр Солженицын: «Иоанн Павел II повлиял на ход всей мировой истории. Уникальность польского Папы состоит в том, что его популярность отвечает тому колоссальному вкладу, который он внес в церковные дела и в ход всей истории человечества. России это касается напрямую, ибо роль Папы в свержении коммунистической системы была огромна». (*«Жечпосполита», 9-10 апр.*)

• Главный раввин Польши Михаэль Шудрих: «За последние две тысячи лет никто не сделал для иудейско-католического диалога и примирения столько, сколько Иоанн Павел II. Он научил нас, что значит любить всех людей, все творения Божие (...) Он показал нам, как жить и даже — как умирать. Мир лишился великого морального авторитета, своего нравственного компаса. Польша потеряла величайшего учителя и героя. Евреи потеряли своего лучшего друга и защитника». (*«Тыгодник повшехный», 10 апр.*)

• «В репортаже из Москвы после смерти Иоанна Павла II корреспондент сказал, что, по мнению патриарха Русской Православной Церкви Алексия II, только теперь могут возникнуть условия для диалога с католической Церковью. Эти слова настолько шокируют, что трудно в них поверить (...) Сейчас заплаканная Польша не обращает внимания на российскую бестактность и комплексы. Она прощается со своим покровителем, духовным предводителем, Святейшим отцом...» (*Ян Петшак, «Газета польска», 6 апр.*)

• «Приспущены флаги, отменены культурные мероприятия, изменены программы телевидения. Каждый день в 7.45 утра бьет вавельский колокол Зигмунта. Общенациональный траур будет продолжаться до дня похорон Папы (...) Кинотеатры отменили сеансы, а театры — спектакли. По всей Польше открыты книги соболезнований (...) В воскресный полдень в Варшаве завыли сирены. На три минуты стали машины и автобусы, остановились пешеходы. Люди взялись за руки, некоторые плакали (...) Над посольствами, консульствами и резиденциями послов были приспу-

щены флаги. Флаг не приспустило лишь посольство Российской Федерации». (*«Газета выборча», 4 апр.*)

● «Больше всего народу пришло на литургию в Кракове и в Варшаве (...) Более 100 тысяч человек — до сих пор такие толпы собирались на варшавской площади [Пилсудского] только когда литургию там служил сам Папа во время своих апостольских визитов. Не все уместились вокруг могилы Неизвестного солдата. До краев были заполнены прилегающие улицы и половина Саксонского парка». (*«Жечпосполита», 4 апр.*)

● «Власти многих польских городов объявили пятницу [день похорон Папы] выходным днем (...) На следующую неделю перенесены (...) заседания Сейма и Сената (...) Каждый день (вплоть до пятницы) в 12 часов в Варшаве будут включаться сирены. Вой сирен будет сопровождать также начало похоронной церемонии в Ватикане. Во многих населенных пунктах в 21.37 (в это время умер Иоанн Павел II) будут всю неделю бить колокола. Местные власти и общественность организуют „белые марши" в знак благодарности за понтификат (...) Польский футбольный союз отменил матчи всех уровней вплоть до особого распоряжения (...) Отменено также большинство концертов и других культурных мероприятий». (*«Жечпосполита», 5 апр.*)

● «Иоанн Павел II Великий (...) „Почему Великий?" — спрашиваю я владельца газетного киоска неподалеку от Ватикана. „Потому что это прилагательное, в котором каждый находит то, что хочет сказать об этом Папе", — отвечает тот. „Потому что даже китайцы прислали письмо с соболезнованиями", — добавляет таксист. „Даже Фидель Кастро", — говорит комментатор государственного телевидения. „Потому что он разрушил берлинскую стену и соединил Восток с Западом", — объясняет Орацио Петросилло из газеты «Мессаджеро». (*Ярослав Миколаевский, «Газета выборча», 5 апр.*)

● «Вчера на здании посольства Российской Федерации в Варшаве был приспущен флаг (...) Российское посольство было единственным в Варшаве дипломатическим представительством, не почтившим смерть Иоанна Павла II. Однако вчера около полудня флаг был приспущен, причем не только на здании посольства в Варшаве, но и на российских консульствах в Гданьске, Познани и Кракове». (*«Газета выборча», 5 апр.*)

● «В пятницу 8 апреля не будут работать министерства, а также центральные, воеводские и другие правительственные учреждения (...) Совет министров призвал всех предпринимателей позволить своим подчиненным в ближайшую пятницу „достойно почтить память нашего величайшего соотечественника" и „вместе попрощаться с ним". С аналогичным призывом правительство обратилось к начальству служащих, солдат, школьников и студентов». (*«Жечпосполита», 6 апр.*)

● «Торговые центры единогласно приняли решение не работать в день похорон Папы Иоанна Павла II». (*«Жечпосполита», 6 апр.*)

● «Вчера на общенациональную заупокойную мессу пришли почти 250 тыс. человек. С самого утра на площадь Пилсудского стекались люди со всей Польши. Первые из них появились уже в 7 утра. Они приносили свечи и цветы, из которых на земле был уложен крест, обращенный к могиле Неизвестного солдата (...) В 1979 г. на этой самой площади Папа произнес достопамятные слова: „Да снизойдет Дух Твой и обновит лицо земли! Этой земли!" В мессе участвовали президент, премьер-министр, маршалы Сейма и Сената, члены Епископата, апостольский нунций и дипломатический корпус (...) Над площадью развевались сотни украшенных траурными лентами флагов Польши и Ватикана, военных и харцерских [скаутских] знамен. Вместе молились обычно враждующие между собой болельщики варшавских [спортивных] клубов „Легия" и „Полония"». (*«Жечпосполита», 6 апр.*)

● Подпись под фотографией: «Одна из самых длинных улиц Варшавы, четырехкилометровая аллея Иоанна Павла II озарилась светом тысяч лампадок. Тысячи людей пришли сюда, чтобы символически попрощаться с Папой. Они зажигали лампадки на газонах, тротуарах, остановках, в окнах домов. Около 21.30 людей было уже так много, что они не помещались на тротуарах и блокировали проезжую

часть. В тишине они сосредоточенно ожидали наступления 21.37 — часа, когда умер Папа. На снимке — столб с названием улицы, украшенный цветочниками из Мировских торговых рядов». (*«Газета выборча», 8 апр.*)

● «Весь Краков оделся в белое (...) Во вчерашнем „Белом марше благодарности" приняли участие почти полмиллиона человек (...) Вечером на молебне, отслуженном на Блонях [огромный луг почти в самом центре города], их было уже больше миллиона (...) Свои национальные флаги и фотографии Папы, жмущего руку Ясиру Арафату, несли палестинцы. Группу из 50 студентов и предпринимателей вел Омар Фарис, председатель краковского Общества польско-палестинской дружбы. „Для нас Папа — это свет. Он хотел мира между религиями и народами", — говорил Фарис (...) Были и цыгане (...) Комментировавший события в Кракове корреспондент немецкого телевидения ARD Робин Лаутенбах стоял и качал головой: „Невероятное впечатление. Неудивительно, что у вас говорят о поколении Иоанна Павла II" (...) О Святейшем отце напоминало стоящее за алтарем пустое кресло, на котором он сидел во время приездов в Краков». (*Войцех Пелевский и Ивона Хайнош, «Газета выборча», 8 апр.*)

● Председатель Конференции Епископата Польши архиепископ Юзеф Михалик поблагодарил соотечественников за «поразительное свидетельство», которое столица и вся Польша дали после смерти Иоанна Павла II. «То, как мир и наша родина переживают в эти дни болезнь и смерть Иоанна Павла II, говорит всем нам, что стóит надеяться, стóит любить людей, что человек и сегодня безошибочно распознает [добро], умеет быть благодарным и отвечать любовью на любовь», — сказал архиепископ. (*«Жечпосполита», 6 апр.*)

● «В 10 часов, когда в Риме начнется похоронная церемония, во многих городах будут бить колокола. Благодаря большим экранам поляки смогут участвовать в ватиканском богослужении». (*«Газета выборча», 7 апр.*)

● «Польская официальная делегация, направляющаяся в Рим, состоит из десяти человек (...) Польшу будут представлять президент Александр Квасневский с супругой, премьер-министр Марек Белька, маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич, маршал Сената Лонгин Пастусяк, бывший президент Лех Валенса с супругой, бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, бывший маршал Сейма Веслав Хшановский и бывший премьер-министр, ныне посол Польши в Ватикане Ханна Сухоцкая». (*«Газета выборча», 7 апр.*)

● «Два вторых лица на похоронах. Путин не едет в Ватикан. Россию на похоронах Святейшего отца будет представлять премьер-министр Михаил Фрадков, а Русскую Православную Церковь — митрополит Кирилл, второе лицо после патриарха. Почему на церемонию не едет сам Владимир Путин — ведь большинство других государств представлено на высшем уровне?» (*«Жечпосполита», 7-8 апр.*)

● «Это была необычная сессия парламента — она прошла в темноте и в полном молчании. Председательствовали маршалы Сейма и Сената, а кроме них выступал только... Иоанн Павел II. На сессию прибыли президент, премьер-министр, дипломатический корпус, представители Церквей, а также судов и других конституционных органов (...) Под мемориальными досками, увековечившими визит Иоанна Павла II в польский парламент в 1999 г., горели свечи и лежали цветы (...) На украшенном цветами возвышении стояло обвитое траурной лентой кресло, на котором Иоанн Павел II сидел в 1999 году. Кроме портрета Папы, это было единственное освещенное место в зале заседаний. В кулуарах Сейма стояли корзинки с белыми и черными ленточками, которые парламентарии прикалывали на грудь в знак траура. Депутаты и сенаторы в темноте просмотрели видеозапись исторического выступления Иоанна Павла II в польском парламенте. Затем маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич прочел текст резолюции, которую собравшиеся в молчании приняли». (*Элиза Ольчик, «Жечпосполита», 7-8 апр.*)

● Из резолюции «Акт увековечения памяти Святейшего отца Иоанна Павла II Сеймом и Сенатом Республики Польша»: «Он учил нас, как непоколебимо хранить свою веру и в то же время испытывать глубокое уважение к приверженцам других религий и неверующим. Он учил нас, как не отрекаться от принадлежности и любви к своему народу и в то же время открывать свое сердце другим народам (...) Иоанн Павел II никого не считал своим врагом, хотя были и такие, кто считал врагом его (...) Его учение о праве нашей отчизны на свободу среди европейских народов, о ее праве на любовь и солидарность, его практическая защита прав нашего народа сделали Иоанна Павла II величайшим отцом польской независимости». (*«Газета выборча», 7 апр.*)

● **«Папа повсюду. Трудно найти даже спортивные новости или прогноз погоды без него. Мирящиеся болельщики, рассказ Папы о плавании по Эльблонгскому каналу, журналистка, говорящая, что Папа послал нам хорошую погоду. На канале „Польсат" идет фильм, но в углу надпись: „Польша в трауре". Когда на этой неделе человек пытается поймать любимую радиостанцию, у него возникают трудности: все программы сделались похожими друг на друга, везде звучит один и тот же голос Папы (...) С телевидения, радио и из газет исчезли политики. Они не комментируют смерть Папы, хотя до сих пор комментировали практически все, что происходило в Польше (...) Теперь на радио и телевидении появились т.н. рядовые люди. Они звонят и говорят об услышанном, вспоминают свои встречи с Папой, даже если он стоял в двухстах метрах от них. Что характерно, они не жалуются. Они восхищены журналистами, программами, душевной атмосферой на улицах (...) „Что с нами происходит?" — спрашивает журналист. „Дух Святой дышит", — отвечает его гость». (*Эва Милевич, «Газета выборча», 8 апр.*)**

● «В пятницу с раннего утра широкая человеческая река снова заливает Блони (...) По данным полиции, в пятницу на Блони пришло 800 тыс. человек (...) На время похорон закрылись магазины и рестораны. В 10, 11 и 12 часов с башни Мариацкого собора вместо традиционного хейнала полилась скорбная мелодия „Слезы матери". Целый год оркестр пожарников будет играть эту мелодию в час смерти Святейшего отца. Спустя год и, как обещают пожарники, „до скончанья веков" в 21.37 с Мариацкой башни будет звучать любимая песня Иоанна Павла II — „Лодка"». (*Ежи Садецкий, «Жечпосполита», 9-10 апр.*)

● **«На варшавской площади Пилсудского земля дрожала от грома пушечного салюта. Колокола, сирены и клаксоны были слышны во всех польских городах. Когда гроб с телом Иоанна Павла II вносили в базилику св. Петра, сотни тысяч людей плакали (...) В это время город замер». (*«Жечпосполита», 9-10 апр.*)**

● «Несколько сот человек молились в пятницу вечером за душу Иоанна Павла II в синагоге на Твердой улице в Варшаве. „На похоронах Папы я видел миллионы человек — католиков, евреев, мусульман. Все мы были вместе", — сказал раввин Михаэль Шудрих, приехавший в синагогу прямо из аэропорта». (*Мариуш Ялошевский, «Газета выборча», 9-10 апр.*)

● **«Итальянцы оценивают число паломников в 4-5 млн. человек, в том числе 1-2 млн. поляков. В телефонном разговоре с президентом Александром Квасневским Берлускони подчеркнул, что, несмотря на усилия властей, в городе, на дорогах и в аэропортах возникают все новые трудности». (*«Политика», 9 апр.*)**

● «„Валенса разговаривает с Квасневским", — сообщил нам по телефону сразу же после церемонии возбужденный Ежи Боровчак, один из лидеров „Солидарности", которого бывший президент взял с собой в Ватикан (...) Валенса и Квасневский пожали друг другу руки еще перед заупокойной мессой (...) „Как тут не сказать, что Святейший отец творит чудеса", — прокомментировал эту ситуацию Валенса. „«Мы оба чувствовали, что этого требует от нас серьезность момента, что это наш долг перед ним, перед Святейшим отцом", — добавил Александр Квасневский». (*«Жечпосполита», 9-10 апр.*)

● **Данута Валенса: «Мы, современные поляки, обязаны Папе чуть ли не всем (...) Теперь, когда глаза Святейшего отца закрылись, может быть, мы, наконец, откроем наши глаза? (...) Может, начнут приносить плоды все его усилия, все его труды на благо человечества, а особенно на благо поляков? А может, это только моя наивная мечта?» (*«Жечпосполита», 9-10 апр.*)**

● Из завещания Иоанна Павла II: «Как же не охватить благодарным мысленным взором все Епископаты мира, с которыми я встречался в ритме визитов? (...) Как же не вспомнить стольких братьев-христиан не католиков? А раввина Рима? И стольких представителей нехристианских религий? (...) Всем я хочу сказать одно: „Спаси вас Господь". Иоанн Павел II, Папа». (*«Газета выборча», 8 апр.*)

Селим Хазбиевич

ЗНАЧЕНИЕ ИОАННА ПАВЛА II ДЛЯ МУСУЛЬМАН

Иоанн Павел II целует Коран

«С великой радостью приветствую вас, мусульмане, наши братья в вере в единого Бога». Это слова Иоанна Павла II, сказанные представителям мусульманской общины во Франции 31 мая 1980 года. А в Найроби, обращаясь к мусульманским лидерам 7 мая того же года, Иоанн Павел II сказал: «По разным случаям я говорил о религиозном наследии ислама и его духовных ценностях. Католическая Церковь отдает себе отчет в том, что поклонение единому, живому, сущему, милосердному и всемогущему Творцу неба и земли — общее у нее с исламом. С величайшим удовлетворением она также констатирует, что один из связующих ее с исламом элементов — честь, воздаваемая Иисусу Христу и Его Непорочной Матери. Католическая Церковь предпринимает все усилия для поддержания политического диалога с исламом, опираясь на существующие связи, которые она стремится все более упрочить, — поэтому она призывает всех познать его наследие во всей его полноте, особенно тех, кто духовно связан с Авраамом и исповедует единобожие».

Слова, произнесенные 25 лет назад, определяли отношение Иоанна Павла II и католической Церкви к исламу — это было приглашение к диалогу. Приглашение было принято — хотя, разумеется, не всеми мусульманскими кругами. Мусульманское сообщество в отличие от католической Церкви не представляет собой иерархизованного единства, что видно даже при поверхностном наблюдении современной политической жизни всего мира.

В вероучительном смысле ислам тоже рекомендует диалог, о чем красноречиво говорится в Коране: «Действительно, среди обладателей Писания есть такие, что веруют в Аллаха и в то, что ниспослано вам и что ниспослано им, смиряясь пред Аллахом; они не покупают за знамения Аллаха малую цену. Эти — для них награда их у их Господа. Поистине, Аллах быстр в расчете!» (здесь и далее в переводе Ю.И.Крачковского). Другая сура Корана говорит: «Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, — им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны».

Если проанализировать отношение мусульманской цивилизации к христианскому миру, то наряду с враждебностью и агрессией мы найдем также восхищение, уважение и интерес. Следует отметить, что те мусульманские общины, которые глубже соприкоснулись с христианской культурой, переняли многие из ее ценностей, отнюдь не утрачивая своего исламского самосознания. Пример тому — крохотная община польских мусульман-татар, живущая в «христианском море» вот уже шестьсот лет.

В 1999 г., во время тогдашнего паломничества Иоанна Павла II, на встрече в Дрогичине представители польских татар-мусульман передали Папе дар — гравюры с изображением 17 мечетей былой Речи Посполитой и надписью «Польские мусульмане благодарят католическую Церковь, воплощаемую Вашим Святейшеством, за шестьсот лет терпимости к мусульманам в христианском государстве». Можно сказать, что эти слова под изображениями старопольских мечетей символизировали и полностью передавали отношение польских мусульман к польскому Папе.

В более широком, глобальном смысле значение понтификата Иоанна Павла II для мусульманского сообщества — это переход с позиций конфронтации на позиции разговора, диалога, шансы на мирное сосуществование двух религий несмотря на продолжающиеся горькие и кровавые конфликты, втягивающие мусульман и христиан в Ираке, Боснии, Ливане, Нигерии, Судане. Покойный Папа предлагал почетный выход из извечного конфликта — диалог и взаимное уважение. Это уважение к исламу в Церкви, зачастую глубоко ощущаемое мусульманской диаспорой, хотя бы в Польше, — прочная ценность, дающая Иоанну Павлу II любовь и уважение мусульманского сообщества, а также каждого мусульманина (и лично пишущего эти слова).

Да будет милостив к нему Господь Всемогущий.

Селим Хазбиевич *— поэт, имам мусульманской общины в Гданьске.*

Станислав Краевский

ГРУЗ ИСТОРИИ, НАДЕЖДА БРАТСТВА

Об Иоанне Павле II давно уже говорили, что для улучшения христианско-еврейских отношений он сделал больше, чем какой бы то ни было другой Папа — и даже чем все Папы вместе взятые.

Во время его понтификата развивался и углублялся исключительно интересный фрагмент всего комплекса отношений между христианами и евреями — межрелигиозный христианско-иудейский диалог.

Есть свидетельство о том, что в молодости будущий Папа побывал в вадовицкой синагоге, чтобы послушать, как управляет субботними молитвами знаменитый кантор Мойше Кусевицкий, который оказался в Вадовице на армейской службе. Трудно не видеть в этом приготовления к историческому официальному посещению римской синагоги, состоявшемуся полувеком позже. Это посещение остается высочайшим достижением Иоанна Павла II в сфере отношений с евреями. До него это было попросту немыслимо. Я считаю, что 13 апреля 1986 г. навсегда останется в анналах истории. Папа зримо и ощутимо признал в иудаизме достойного уважения партнера и даже более того — признал его старшинство. Тогда он произнес знаменитые — и с тех пор ставшие широко известными — слова: «Вы — наши возлюбленные братья и, можно сказать, наши старшие братья». Спустя годы он упомянул, что эти слова о «старших братьях по вере» сжато выражают то, что сказал об этом II Ватиканский Собор.

Почти все темы нового церковного учительства о евреях и иудаизме появились именно в документах Собора, особенно в декларации «Nostra Aetati». Они положили начало новой эпохе. Иоанн Павел II был одним из ее творцов. Не нанесет, думаю, ущерба нынешнему трауру, если я добавлю, что эти новые темы церковного учительства в основном заложены не им. Он придал им более глубокий, более выразительный вид, а главное — умел передать их простым людям. Некоторые идеи, заключенные в богословских трудах и церковных документах, благодаря Папе стали всеобщим достоянием. Более давняя история и у слов о том, что антисемитизм — это «грех против Бога и людей», ибо такая формулировка появилась в заявлении Всемирного совета Церквей (в состав которого Римская Церковь не входит) в 1948 году. Однако лишь после выступлений Иоанна Павла II появились случаи признаний в грехе антисемитизма на исповеди.

Именно Папа из Польши, которого поначалу многие из-за его происхождения подозревали в податливости на антисемитизм, внес в католическую Церковь особую чувствительность к еврейской проблематике. О том, что антисемитизм — это грех, он сказал так ясно, что в настоящее время довольно трудно быть и католиком, и антисемитом и вдобавок гордиться этим.

Больше всего Иоанн Павел II влиял на людей жестами и всем своим поведением. У него было очень много встреч с евреями. Последний раз, в январе 2005 г., он встретился со 160 раввинами. Тем самым он создал новую норму — в том числе и в Польше, где трижды встречался с делегацией польских евреев. Есть несколько легко узнаваемых образов Папы в СМИ, и один из них — тот, где Иоанн Павел II вкладывает листок с молитвой в щель Стены плача (западной стены, оставшейся от Иерусалимского храма).

Текст этой молитвы содержал просьбу к Господу Богу о прощении за страдания, причиненные евреям. Еще драматичней это прозвучало во время покаянного молебна в том же году в Риме, который я считаю самым необычайным достижением Иоанна Павла II. Беспрецедентным. Ни один иерарх, возглавлявший ту или иную Церковь или религиозную организацию, не совершил подобного жеста: указать зло, причиненное людьми его вероисповедания. Я убежден, что этот пророческий жест в долгосрочной перспективе принесет великие плоды. Папа стал учителем всех людей доброй воли.

Станислав Краевский *— научный сотрудник Института философии при Варшавском университете и сопредседатель Польского совета христиан и иудеев, а также член правления Союза еврейских общин в Польше.*

Печатается с сокращениями

RZECZPOSPOLITA

Виталий Портников

ДНЕВНИК (ЗЕРКАЛО НЕДЕЛИ)
Апрель. Иоанн Павел II

Когда оставляет мир такой человек, как Папа Иоанн Павел II, начинаешь лучше осознавать, что означало его присутствие в твоей собственной жизни. Вот говорят: перед смертью у человека перед глазами проходит вся его жизнь. Когда умирает близкий тебе человек, ты тоже вспоминаешь себя рядом с ним — от первой до последней минуты. Но для того чтобы такое ощущение возникло во время прощания с незнакомым человеком, нужно, чтобы этот человек стал частью тебя самого — то есть перестал быть чужим. Когда такое происходит с миллионами людей — это действительно наилучшее свидетельство величия. Помню, в последний раз такое чувство пережил много лет назад, когда вместе с членами украинской делегации подходил к московскому Дому молодежи прощаться с академиком Андреем Сахаровым... Все-таки это, очевидно, было иначе: с Андреем Дмитриевичем я был знаком, несколько раз общался... И к тому же был еще очень молодым и эмоциональным. Сейчас, в зрелом возрасте, я почувствовал, как сжимается горло при сообщении о смерти человека, которого только несколько раз видел на расстоянии. Я решил разобраться в своих чувствах. Всегда понимал, насколько Папа-политик отличается от Папы-богослова, насколько сложная и противоречивая эта личность. Мог спокойно анализировать его деятельность — в конце концов, я не относился к его пастве. И вместе с тем — это я тоже знал — я всегда любил его. Мог бы сказать — уважал за все, им сделанное. Но нет, это было иное чувство. И ответ на него — именно в воспоминаниях.

Вот я, еще школьником, покупаю в киоске на площади Победы почти свежий номер «Трибуны люду» с портретом и биографией Папы на первой странице. Ожидается первое путешествие нового понтифика на родину. И хотя мне трудно осознавать, к каким последствиям приведет этот визит, сам факт большого портрета Папы-поляка на первой полосе главной коммунистической газеты ПНР вынуждает задуматься: что-то в нашем мире начинает меняться... А вот уже изменилось — почти сразу по окончании университета покупаю на краковском Рынке большой серебристый шарик с портретом Папы. Краков снова готовится к свиданию с первосвященником. А шарик еще долго будет летать под потолком моей московской квартиры, напоминая о краковском путешествии... А вот я в Ватикане, за несколько недель до записи своей телепрограммы, посвященной Папе, наблюдаю за тем, как он служит на площади перед собором святого Петра... А это уже Вадовице. Я приехал сюда на часок, посетить родной дом Кароля Войтылы и попробовать его любимых «кремувок» в кофейне рядом с музеем. Когда я уже собираюсь уйти из уютного кафе, начинается дождь — да какой! Большие серебристые шарики, похожие на елочные украшения, быстро тают на мостовой родного города Папы. Я решаю переждать — хороший случай, чтобы вспомнить именно здесь всю жизнь польского Папы, от Вадовице и Кракова до Рима... Сейчас у меня складывается почти целостная картина, но в ней не хватает одного фрагмента — Украины. Ведь были и эти особые дни, когда я впервые в жизни увидел, насколько Украина может не на словах, не в декларациях, не в желаниях, а в самом своем мировосприятии отличаться от страны, в которой я пишу теперь этот дневник и в которой Папе так и не удалось побывать...

Я вспоминаю все эти связанные с Папой эпизоды собственной жизни не только потому, что мне не пришлось долго отыскивать их в ящиках памяти. А почему? Да потому, что в моменты, о которых вспомнил, я был счастлив. Я был счастлив, когда бежал домой с «Трибуной люду» в школьном портфеле, когда покупал себе шарик, когда увидел Папу на ватиканской площади и когда пережидал дождь за столиком кофейни в Вадовице. Я был счастлив, когда Папа приехал на Украину. И это счастье не было следствием уважения — оно рождалось именно любовью.

Человек всегда чувствует, когда его любят — другие люди, города, страны... В особенности сильно ощущается любовь чужих, далеких — поскольку ее не ожидаешь. Каролю Войтыле удалось невозможное. Он состоялся как личность, как религиозный лидер, как политик, как символ нашего времени — и вместе с тем он сохранил в себе умение любить других. Он не просто был верующим — он любил Бога так, что Бог, даже если бы Его вдруг и не было, должен был бы возникнуть в ответ на это чувство простого вадовицкого парня, ставшего римским первосвященником. Он так охотно делился этой любовью с людьми, что они понимали: он любит их просто так, за то, что они есть. И хочет, чтобы они стали лучше. Следовательно, я понял. В своем 26-летнем заочном общении с Иоанном Павлом II я «светил» отраженным светом, просто отзываясь на силу его солнечной влюбленности в Бога и людей. Теперь мне, как и всем нам, будет недоставать атмосферы, которая создавалась присутствием этого удивительного человека. Единственное, что мы можем сделать для того, чтобы почтить его память, — это не стать холодными, не терять эту атмосферу, как теряют ее планеты, лишенные животворного света угасшей звезды. Нужно просто продолжать любить.

После смерти Иоанна Павла II много важных текстов по-русски было опубликовано на сайте www.religare.ru - Ред.

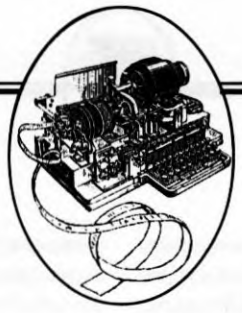
Иоанна Щепковская

ВСТРЕЧА

Сначала я должна описать Стаху — иначе рассказывать не имеет смысла. Собственно говоря, я знала только пол-Стахи, потому что она всегда стояла за прилавком и никто из очереди, толпившейся за лежавшими перед Стахой кусками мяса, от пояса вниз Стаху не видал. К тому же важней всего были у нее глаза. Вся толпа, напиравшая на прилавок, с утра дожидавшаяся открытия магазина, смотрела в ее маленькие, бегающие глазки, спрятанные в пухлых щеках, толстых от ветчины со склада, которую она, кстати, охотно ела у нас на глазах, говоря хриплым голосом: «Ветчины нет». От этой ветчины она, видимо, попала в наркотическую зависимость, так как время от времени выходила на склад; а на лице у нее рисовались признаки высокого давления — вероятно, от всего того мясца, которое королева мясного магазина паковала себе в сетки после работы. Эта работа не была монотонной. Случались скучные дни, пустые крюки для мяса и пустой магазин, куда в этот день «ничего не выбросили». В такие дни иногда лишь кто-нибудь являлся, с умильной улыбкой смотрел Стахе в глаза, иногда клал на прилавок коробку шоколадных сердечек и спрашивал: может, случайно у Стахи под прилавком есть что-нибудь вроде мясца или пары сосисок. Но бывали дни, когда вкус власти, вкус предводительства, вкус руководства эмоциями людей стоил риска жизнью. Потому что чего только из людей не вылезало, когда на прилавке появлялись порубленные Стахой куски мяса с костью! Как толклись, как протискивались друг через друга, как руки тянули, как наступали на пятки и давили пальцы ближнему! И все похожи на Стаху! Те же хитрые глазки, высокое давление, пухлые щеки! А Стаха одним словом способна была успокоить эту чернь, одним жестом заставить их замереть в полной тишине. У нее были свои любимчики, им она давала кусок без жил, а кто-нибудь такой, кого она не любила, потому что с первого раза ей не понравился, мог долго просить, а выходил чаще всего с ошметком, полным жира. Вот и всё о ней.

1979 год. Утро. Жара. Идя на встречу с Папой, я не запаслась ни водой, ни чем-нибудь от солнца. Попросту не подумала, что это ведь несколько добрых часов в толпе, толкучке и что человеческая выдержка имеет свои пределы. Мой сектор был далеко от алтаря и сильно сбоку. Не было возможности что-нибудь толком увидеть, разве что лица людей, теснившихся возле меня. И я не могла избавиться от навязчивой мысли, что все эти люди необычайно красивы. И что это ведь те же самые — из очередей. Однако долго разглядывать не могла: почувствовала слабость. Эта жуткая жара и духота. Кусочек алтаря сбоку, на котором еще ничего не происходит, а я уже в двух шагах от солнечного удара. И вдруг слышу: «Может, сядете на стульчик? — это была Стаха. В руке она держала пляжный складной стульчик. — Я два принесла. Один себе, а другой, подумала, может, пригодится», — и поставила передо мной стульчик. Мы просидели в молчании еще несколько часов. У Стахи были с собой и бутылки с минеральной водой, которой она время от времени поливала людей вокруг себя. Косынку на голову мне дал кто-то сзади, но кто это был — не знаю. Стаха иногда поливала косынку водой. Потом произошло какое-то движение и вся толпа встала. Мы услышали усиленный микрофонами сильный мужской голос, и тогда Стаха взяла меня за руку. И так мы стояли. А потом все протягивали друг другу руки в знак мира. Я почувствовала, что Стаху надо обнять. И так мы стояли обнявшись, и было нам очень хорошо. Такова была моя первая встреча с Папой.

Иоанна Щепковская *— актриса, известная писательница. Ведет постоянную рубрику в еженедельнике «Высоке обцасы».*



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Витольд М. Орловский из Независимого центра экономических исследований: «Думается, что год нашего членства в ЕС должен был разочаровать любителей острых ощущений (...) Ничего не развалилось, но, с другой стороны, Польша не превратилась в мгновение ока в страну с молочными реками и кисельными берегами. И все же надо сказать ясно: результаты перемен в экономике обнадеживают. Производство росло быстрее, чем год назад. Предприятия стали охотнее инвестировать. Изменились к лучшему настроения предпринимателей и ожидания, связанные с будущей экономической конъюнктурой. Постепенно улучшается также образ нашей страны в глазах иностранных инвесторов. После нескольких трудных лет это позволяет надеяться на увеличение притока капитала. Кроме того, оказалось, что Польшу вовсе не залил импорт. Наоборот, наш экспорт достиг небывалых масштабов. Благодаря этому в 2004 г. наш торговый дефицит уменьшился до 4 млрд. евро, хотя еще в 2000 г. он составлял 12 миллиардов. Это лучший результат за последние 10 лет». (*«Ньюсуик-Польша», 28 марта*)

• Согласно опросам польского, чешского, венгерского и словацкого центров исследования общественного мнения, за предоставление иностранцам свободы иммиграции высказываются 62% поляков, 26% чехов, 23% венгров и 34% словаков. (*«Жечпосполита», 31 марта*)

• «Только каждый пятнадцатый поляк выступает против предоставления полных гражданских прав легально пребывающим в нашей стране иммигрантам. Мы входим в число самых терпимых народов Европы». (*«Жечпосполита», 17 марта*)

• Согласно опросу центра «Тейлор Нельсон Софрез», 77% поляков поддерживают вступление в Евросоюз Украины, 55% высказываются за принятие Турции, а 46% готовы принять и Россию. (*«Газета выборча», 24 марта*)

• «Лех Валенса хочет, чтобы в Польше возник центр христианско-мусульманского диалога. Создать такой центр под руководством и покровительством бывшего президента предложил саудовский принц Валид. Сам принц готов финансировать строительство центра. Свое предложение он высказал Леху Валенсе, который несколько дней назад посетил Саудовскую Аравию». (*«Жечпосполита», 26-28 марта*)

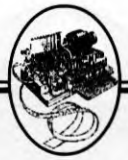
• 69% поляков хотят, чтобы Европа стала мировой сверхдержавой (для сравнения, за это высказываются 82% французов и 72% немцев). 77% выступают за то, чтобы ЕС располагал такими вооруженными силами, которые дали бы ему возможность действовать независимо от США (этого же хочет 71% французов и итальянцев). За увеличение расходов на военные нужды высказывается 41% поляков (28% британцев, 21% немцев и 19% французов). (*«Впрост», 20 марта*)

• С начала года в Кракове и Варшаве пистолеты сдали около 4 тыс. человек (на 41 тыс. владельцев оружия). В Лодзинском воеводстве за последнюю неделю разрешение на оружие вернули более 100 человек (из 21 тыс. владельцев). По мнению пресс-секретаря Главного управления полиции, поляки чувствуют себя все более безопасно. (*«Газета выборча», 15 марта*)

• По данным Главного статистического управления (ГСУ), «в прошлом году чистая прибыль польских фирм перевалила за 60 млрд. злотых — это в 3,3 раза больше, чем в 2003 г., и составляет 7% всего ВВП. Доходы от продажи за это время составили 1,2 млрд. злотых, что на 16,4% больше, чем год назад». (*«Газета выборча», 19-20 марта*)

• Январь стал очередным месяцем роста экспорта продуктов питания. В целом объем экспорта увеличился на 31%, а в страны ЕС — на 37%. Главными потребителями остаются Германия и Голландия. Несмотря на дипломатические и торговые проблемы с Россией, объем экспорта продуктов питания в эту страну в прошлом году не только не уменьшился, но даже увеличился на 28%. (*«Газета выборча», 24 марта*)

• «Дерево, которого не хватает на мебель, начали сжигать на электростанциях и теплоэлектроцентралях (...) И хотя леса у нас государственные, государство ведет себя в них как грабитель (...) Сжигать дерево и отходы, которые можно переработать на мебель — это самый глупый и нерациональный метод получения возобновляемой энергии. (*Иоанна Сольская, «Политика», 2 апр.*)



• Проф. Эдмунд Внук-Липинский, социолог: «Польша оказалась на распутье. С одной стороны — политики, занимающиеся собой больше, чем делами страны. С другой — раздраженные люди, теряющие веру в справедливое и человечное государство. Что случится, если новая власть не оправдает возлагающихся на нее надежд? Общество обратится к радикальным, националистическим и популистским партиям. Произойдет бегство от свободы. Возникнет атмосфера, благоприятствующая режиму твердой руки». (*«Ньюсуик-Польша», 26 марта*)

• Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 62% поляков, Александру Квасневскому — 56, Тадеушу Мазовецкому и Леху Качинскому — по 46, Ярославу Качинскому — 45, Яну Роките — 43, Влодзимежу Цимошевичу — 39%. Десятое место занял Анджей Леппер (37%), двенадцатое — Лех Валенса (35%), шестнадцатое — Лешек Бальцерович (24%). (*«Жечпосполита», 22 марта*)

• «Варшавская прокуратура допросила супругу президента Иоланту Квасневскую на предмет ее знакомства с бизнесменами Александром Зайонцем и Анджеем Куной, близкими к т.н. венской сети, которая свидетельствует о связях бизнеса с политикой, сотрудниками польских и иностранных спецслужб и мафией». (*«Жечпосполита», 18 марта*)

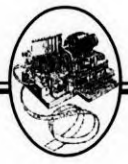
• Ежи Урбан: «Правые приступили к разрушению последнего, до сих пор нетронутого сегмента государственной власти, т.е. президентства, которое на протяжении девяти с лишним лет действовало эффективно, успешно, отличалось ясностью политической мысли и умеренностью. Все это обеспечивало Квасневскому поддержку общества. Пока что президента топят без всякой причины. Если взглянуть на причины со стороны, абстрагируясь от ежедневной телевизионно-газетной шумихи, то выяснится, что они ничтожны (...) Редкое достоинство Квасневского заключается в том, что он не стремится расширить круг президентских полномочий и строго придерживается роли, отведенной ему конституцией (...) Супруга президента (...) выбрала себе (...) благотворительное поприще (...) Это неслыханное чудо, что Квасневской до сих пор не предъявили обвинение в растрате денег, предназначенных для больных раком детей, что могло случиться даже при ее полной честности (...) Квасневский — человек величайшего в польской политике успеха, причем успеха заслуженного, ставшего результатом его таланта и умеренности. Общественное и международное одобрение избаловало его. Он не предвидел, что второй президентский срок закончится бешеными нападками на него». (*«Нет», 17 марта*)

• Проф. Войцех Рошковский: «Склонность к нападкам на авторитеты — знак нашего времени. СМИ поощряют крайние позиции. Для многих нападки на авторитеты — это шанс показаться на публичном форуме. Я говорю об этом с сожалением (...) Александр Квасневский снискал доверие общества, ибо был бесконфликтным президентом. Он исполнял свои обязанности, избегая втягиваться в политические споры. Его любили, так как он не претендовал на роль народного вождя. Теперь же следственные комиссии внезапно обнаруживают улики, из которых следует, что президент мог покровительствовать олигархическим структурам. Появляются вопросы, касающиеся людей, с которыми он встречался, и характера этих встреч. Если президент хочет, чтобы его продолжали любить и уважать, он должен ответить на эти вопросы (...) Несогласие многих людей с тем, что делается в стране, направлено не против институтов государства, а против методов осуществления власти. Мы имеем дело с общественным несогласием на олигархизацию политики. Поляки постепенно начинают испытывать недостаток в демократии и даже более того — в правовом государстве». (*«Газета выборча», 21 марта*)

• «Лех Валенса приглашает Александра Квасневского на празднование 25-й годовщины основания „Солидарности". Бывший президент прекращает споры и 31 августа готов встать рядом со своим многолетним противником перед историческими воротами Гданьской судоверфи. Это второй за последние дни жест бывшего президента, обращенный к президенту действующему. В день похорон Папы оба президента пожали друг другу руки, а затем беседовали за общим обедом». (*«Жечпосполита», 12 апр.*)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих президентских выборах за Леха Качинского готовы проголосовать 19% поляков, за Збигнева Религу — 17, за Влодзимежа Цимошевича — 16, за Дональда Туска — 14, за Анджея Леппера — 13, за Марека Боровского — 11%. (*«Жечпосполита», 29 марта*)

• Согласно опросу института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», в преддверии парламентских выборов «Гражданскую платформу» поддерживают 28% поляков, «Самооборону» — 18, «Право и справедливость» — 14, «Лигу польских семей» — 10, «Унию свободы» — 6, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) и «Польскую социал-демократию» — по 5%. (*«Жечпосполита», 25 марта*)



• Стефан Братковский: «Отец Рыдзык так никогда и не объяснил, откуда у него взялись деньги на радио „Мария" и как ему удалось организовать в Москве передатчик, в то самое время как из России выдворяли польских священнослужителей? (...) Передатчика и частоты (...) не получишь без ФСБ ни за какие доллары. И радио „Мария" выступало против нашего вступления в НАТО и Евросоюз, против размещения в Польше американских баз — потому что этого требовали интересы России. То же самое делала „Лига польских семей", эта „Лига друзей России", которой отец Рыдзык покровительствовал. А уж „Самооборона" Леппера — это партия даже не российская, а советская; она не за Россию, а за прежнюю систему и Советский Союз». (*«Жечпосполита», 19-20 марта*)

• «К пяти годам лишения свободы и разжалованию приговорил варшавский окружной военный суд офицера Военной информационной службы за шпионаж в пользу США в 1993-1996 гг.». (*«Тыгодник повшехный», 3 апр.*)

• В Ираке «польские военные задержали (...) 54-летнего иракца, подозреваемого в подготовке и осуществлении более десяти терактов против войск коалиции. В двух из них погибли четверо польских солдат (...) Операция, в ходе которой удалось задержать подозреваемого террориста, продолжалась больше месяца. Иракец был схвачен благодаря информации, полученной от приблизительно 10 информаторов». (*«Жечпосполита», 19-20 марта*)

• «Задержан 41 человек, в том числе двое подозреваемых в прошлогодних терактах под Хиллой, при которых погибли двое польских военнослужащих, — таковы результаты операции, проведенной солдатами польского военного контингента в Ираке (...) В операции участвовало 700 человек, в т.ч. 500 поляков». (*«Жечпосполита», 12 апр.*)

• Белорусский ОМОН задержал троих польских журналистов (с Польского радио, телевидения «Польсат» и из «Ньюсуика»), которые наблюдали за ходом голосования на довыборах в белорусский парламент. Все трое приехали в Гродно по приглашению Белорусской ассоциации журналистов. Каждый получил официальную аккредитацию МИДа, благодаря которой мог наблюдать за голосованием. *(«Жечпосполита», 21 марта)*

• «В 2004 г. товарооборот между Польшей и Белоруссией составил 1,2 млрд. долларов и по сравнению с 2003 г. увеличился на 55%. Польские инвестиции в Белоруссии выросли на 44,5% и составили 29 млн. долларов». (*«Пшеглёнд православный», апрель*)

• «В 2004 г. экспорт польских товаров на Украину увеличился на 30,1%, а импорт с Украины — более чем на 41%. Польские фирмы продали на Украине товаров на сумму 2,3 млрд. долларов. С Украины в Польшу было поставлено сырья и продуктов на сумму более миллиарда долларов. Польские предприятия инвестировали на Украине свыше 192 млн. долларов. Крупнейшим событием стала покупка Польским банком ПКО акций „Кредит Банка Украина". Украинские инвестиции в Польше значительно скромнее — они оцениваются приблизительно в 350 тыс. долларов». (*«Жечпосполита», 12 апр.*)

• «Президент Украины приехал в Польшу на два дня. Вчера он встретился с президентом Александром Квасневским и премьер-министром Мареком Белькой (...) Президенты заявили, что о контактах между двумя государствами будут заботиться президентские комитеты (...) В присутствии президентов были подписаны двусторонние договоры о взаимном признании дипломов и сотрудничестве в области информатики (...) В апреле председатели парламентов Польши, Литвы и Украины созовут в Киеве трехстороннее парламентское собрание, заявил маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич после встречи в президентом Виктором Ющенко. Первое заседание собрания может состояться в мае. Членами собрания станут по 10 представителей от каждого из трех парламентов». (*«Газета выборча», 12 апр.*)

• Из интервью с президентом Виктором Ющенко: «Я поставил перед собой задачу еще в этом году разрешить все польско-украинские споры, уже успевшие „обрасти бородой" (...) Мы должны закончить старые споры, потому что пришло время взяться за новые совместные инициативы (...) Я восхищаюсь достижениями последних 6-8 лет. Мы показали миру, что способны договориться друг с другом. А ведь взаимоотношения наших народов часто бывали трагическими и трудными. Быть может, плохих моментов было даже больше, чем хороших... Кое-что из этого опыта все еще актуально. Но давайте посмотрим, как быстро развивается наше экономическое сотрудничество. Очень высоко я оцениваю и то, что делает Польша, а прежде всего ваш президент, поддерживая наше стремление вступить в Евросоюз». (*«Тыгодник повшехный», 17 апр.*)

• Виктор Ющенко: «Польско-украинское примирение — уникальный пример в отношениях между двумя народами». *(«Жечпосполита», 4 апр.)*

• Януш Рейтер, директор Центра международных исследований, бывший посол Польши в Германии: «Об отношениях с Польшей президент Вик-

тор Ющенко отзывается более чем лестно: „Я уверен, что только очень глупые политики могут их испортить". (...) Поддержка, оказываемая Украине, носит надпартийный характер и, кроме того, основательно укоренена в польском обществе». (*«Жечпосполита», 1 апр.*)

• «Мариан Калуский, автор опубликованной вчера на сайте ИноСМИ.Ru статьи „Поговорим об Украине откровенно" считает, что Польша заинтересована в Украине слабой, разбитой и разделенной (...) ИноСМИ.Ru — витрина, хорошо известная российским журналистам (...) Она принадлежит государственному информационному агентству РИА „Новости", близкому к российскому МИДу. В качестве темы дня ИноСМИ.Ru опубликовала перевод статьи Калуского из „Тыгодника повшехного" (...) Проблема лишь в том, что в „Тыгоднике" эта статья никогда не печаталась (...) „Это похоже на дезинформаторскую работу Глеба Павловского, идеологического стратега Кремля и главного российского специалиста по черному пиару", — говорит анонимный польский эксперт по России». (*«Газета выборча», 18 марта*)

• Главный редактор ИноСМИ.Ru Ярослав Огнев: «Произошла ошибка. Мне очень неприятно (...) Чаще всего [у нас] появляются те статьи, которые вызывают заинтересованность в нашем МИДе. Один из наших сотрудников предложил нам эту статью. Неважно, кто такой». (*«Газета выборча», 18 марта*)

• «В пятницу 18 марта, когда (...) мы пытались бороться с фальшивкой, т.е. звонили и рассылали e-mail'ы с опровержениями в украинские и российские СМИ, наша электронная сеть внезапно перестала действовать. Информатики пришли к выводу, что наш сервер подвергся массированной хакерско-вирусной атаке. Поскольку внутреннюю информационную сеть редакции быстро отключили от внешнего мира, удалось избежать потерь (...) Польские специалисты по России считают, что, возможно, это была попытка развязать „war network" — „войну в сети". Иначе говоря, это была атака на нашу систему связи (...) А может, не столько атака, сколько предупреждение, потому что если бы это действительно была атака, компьютерной сети „Тыгодника" уже не было бы». (*Малгожата Ноцунь, Анджей Бжезецкий и Войцех Пентяк, «Тыгодник повшехный», 27 марта*)

• «Российская дипломатия все еще испытывает настолько серьезные проблемы с переоценкой своего отношения к имперским традициям и осознанием реальности, что часто ею движет стремление выдавать желаемое за действительное. Это не сулит России ничего особенно хорошего (...) Профессионализм современных дипломатов заключается не в умении использовать силовые аргументы, шантаж и провокацию, а в способности помочь власти вникнуть в суть мировых процессов и наметить цели, отвечающие интересам государства. С этим у российской дипломатии самые большие проблемы». (*Лешек Шерепка, «Тыгодник повшехный», 20 марта*)

• «„Мемориал" (...) обратился в Главную военную прокуратуру России с вопросом, почему она засекретила документы, касающиеся Катыни (...) В письме к прокурору „Мемориал" спрашивает также, откуда взялись данные относительно числа польских офицеров и чиновников, расстрелянных НКВД в 1940 году. Прокуратура утверждает, что „с абсолютной уверенностью можно сказать о 1803 убитых, из которых идентифицированы 22 человека". Между тем из широко известных советских документов следует, что убитых было почти 22 тысячи. Только в одной Катыни было эксгумировано 4,4 тыс. останков». (*«Газета выборча», 19-20 марта*)

• «Сейм ожидает, что власти Российской Федерации признают катынское убийство актом геноцида и расследуют все его обстоятельства. В тишине депутаты выслушали и одобрили текст резолюции (...) посвященной 65-й годовщине катынского преступления (...) „Мы считаем, что имена всех виновных в катынском преступлении — не только начальства, отдававшего приказы, но и тех, кто приказы выполнял, — должны быть обнародованы и заклеймены", — говорится в резолюции. Кроме того, Сейм ожидает передачи [польской стороне] всех документов, собранных в ходе следствия (...) Во время встречи с бывшими пленными и семьями жертв катынского преступления маршал Сейма Влодзимеж Цимошевич сказал, что не понимает, почему Борису Ельцину было легче признать ответственность [СССР] за катынское преступление, чем Владимиру Путину обнародовать имена тех, кто это преступление совершил». (*«Жечпосполита», 23 марта*)

• Президент Александр Квасневский: «Это важная, единогласно принятая резолюция Сейма. Поляки, в том числе и я, президент Польши, в данном случае единодушны. Мы хотим правды, восстановления достоинства жертв, осуждения преступников. Только таким образом мы можем дать моральное удовлетворение убитым, их семьям и нашим соотечественникам. Такая позиция, такой образ мышления и оценки не направлены против

России. Мы помним о миллионах русских и других граждан СССР, убитых, замученных или годами томившихся в лагерях и тюрьмах сталинского режима. Мы всегда будем помнить человеческую доброту и солидарность советских соузников — верных братьев по страданию. Однако нам нельзя забыть и тех, кто запланировал преступление и привел его в исполнение». (*«Газета выборча», 23 марта*)

• **Лев Бруни, зам. главного редактора программы «Время-Новости»: «Нет смысла силой заставлять людей сводить счеты с историей, если они сами того не хотят. Если такова была амбиция польского Сейма, то надо ясно сказать, что это у него не получится». (*«Газета выборча», 23 марта*)**

• Проф. Наталья Лебедева, историк РАН, автор книги о Катыни: «Боюсь, что резкие антироссийские формулировки в резолюции — следствие не только жажды правды о преступлении, но и политической игры. Мне это неприятно. Я и другие российские исследователи катынского преступления посвятили много лет тому, чтобы правда о Катыни сблизила и примирила наши народы. Теперь она снова становится орудием борьбы между нами. Ведь польские депутаты не рассчитывали на то, что резолюция склонит Россию и ее прокуроров к более тесному сотрудничеству». (*«Газета выборча», 23 марта*)

• **«И все-таки есть в Москве люди, у которых, как некогда у Александра Герцена после восстания 1830-1831 гг., достаточно мужества, чтобы „защищать честь России" (...) На страницах еженедельника „Московские новости" Мариэтта Чудакова пишет: „Новое сокрытие преступлений сталинского времени позорит нас, победителей, перед миром, выставляя жалкими лгунами (...) Новая ложь о старых преступлениях делает нас всех их соучастниками. Мы требуем рассекретить все дела по расстрелам польских граждан, произвольно объявленные содержащими государственные тайны. Мы протестуем против связывания круговой порукой нынешних граждан России с преступлениями советского государства"». (*Славомир Поповский, «Жечпосполита», 29 марта*)**

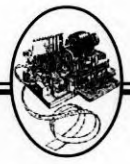
• Из комментария Департамента информации и печати МИД России в связи с резолюцией польского Сейма: «Память о жертвах тоталитаризма священна (...) Раскрыв правду о катынском преступлении еще в начале 90-х годов, руководство нашей страны заняло принципиальную позицию по этому вопросу (...) Эти оценки сохраняют свою актуальность и сегодня». (*«Газета выборча», 25 марта*)

• **Проф. Ежи Помяновский: «Мы хотим, чтобы россияне ввели в свое законодательство понятие „катынская ложь". Речь идет о понятии, аналогичном имеющемуся в польском законодательстве определению „освенцимская ложь". Оно функционирует и в законодательствах других стран Евросоюза (...) В России многочисленные политические публицисты до сих пор повторяют, что катынское преступление совершили немцы. А ведь президент СССР Михаил Горбачев и первый президент России Борис Ельцин признали, что виновен был Советский Союз. Россияне могут ввести в свое законодательство понятие „катынской лжи", в частности, и потому, что эту вину признали их президенты». (*«Газета выборча», 31 марта*)**

• «В 65-ю годовщину катынского преступления Сенат почтил память убитых польских военнопленных. Резолюцию, посвященную этому событию, сенаторы приняли единодушно, без голосования (...) Сенат призвал российские власти „в соответствии с международным законодательством признать катынский расстрел актом геноцида" (...) „Кроме того мы ожидаем от российской стороны передачи Институту национальной памяти всех документов следствия по этому делу, которое велось и было прекращено российской прокуратурой", — говорится в резолюции». (*«Газета выборча», 2-3 апр.*)

• **Из заявления общества «Мемориал»: «Мы считаем, что прекращение расследования недопустимо (...) Память о Победе 1945 года неотделима от памяти о всех людях, убитых тоталитарными режимами XX века, — от павших на фронтах до погибших в застенках на всем протяжении Второй мировой. Попытки замолчать или ослабить эту память являются покушением на смысл и цели великой антифашистской войны». Борис Беленкин, член правления «Мемориала»: «Закрытие дела без правовой оценки выглядит по меньшей мере как попытка отказаться от всякой ответственности за преступление». (*Павел Решка, «Жечпосполита», 6 апр.*)**

• Из заявления «Мемориала»: «Засекречивание прокуратурой подробностей дела, содержащего признаки военных преступлений и преступлений против человечества, с неизбежностью воспринимается общественным мнением в России и за рубежом как возвращение к старой советской политике сокрытия преступных действий сталинского режима и укрывательства их организаторов и исполнителей». (*«Газета выборча», 6 апр.*)



• **«Они дали свидетельство правды. Впервые группа граждан России и Украины награждается за вклад в раскрытие правды о Катыни. Сегодня, в 65-ю годовщину преступления, президент Александр Квасневский вручит ордена, в частности, профессорам Александру Яковлеву, Наталье Лебедевой, Рудольфу Пихое и Александру Гурьянову из общества «Мемориал». (*«Жечпосполита», 16-17 апр.*)**

• «В субботу президент наградил членов Федерации катынских семей, российских ученых, авторов публикаций о Катыни, членов общества „Мемориал" и участников эксгумационных работ [см. предыдущий номер «Новой Польши»]. Ордена и медали „за выдающиеся заслуги в раскрытии и документировании правды о катынском преступлении" получили 48 человек, в т.ч. 31 россиянин и украинец. Россиян должно было быть больше. По нашим сведениям, 10 человек не получили согласия российских властей на принятие польских наград. Это были люди, связанные с „Мемориалом" (...) Среди награжденных — Александр Яковлев (...) человек, благодаря которому началось изучение катынских архивов. Награждены также историк Наталья Лебедева, опубликовавшая монографию о Катыни „Пленники необъявленной войны", и проф. Рудольф Пихоя (...) который привез в Польшу катынские документы, включая решение политбюро о расстреле польских военнопленных с подписями Сталина, Берии и Молотова». *(Эва Милевич, «Газета выборча», 18 апр.)*

• **Проф. Ежи Помяновский: «Среди награжденных есть Сергей Глушков из „Мемориала", который все-таки добрался [до Медного] и нашел тайное место захоронения польских офицеров. Есть также Олег Закиров, который привез нам из Смоленского управления КГБ архивные свидетельства преступления. Есть и Александр Яковлев, который сделал возможным раскрытие всего катынского преступления. Я бы хотел, чтобы весь мир узнал, что Польша умеет быть благодарной своим друзьям из России. Все мы рассчитываем на то, что такие, как они, смогут привести нас к примирению». (*«Газета выборча», 18 апр.*)**

• «60 лет назад лидеры Польского подпольного государства были коварно похищены НКВД, вывезены в Москву, брошены в тюрьму, подвергнуты жестокому следствию, а затем осуждены в ходе беззаконного процесса. Их было шестнадцать. Самыми значительными фигурами среди них были последний командующий Армией Крайовой ген. Леопольд Окулицкий, делегат [эмигрантского] правительства вице-премьер Станислав Янковский и председатель Совета национального единства Казимеж Пужак. Кроме того, в их числе были трое министров, девять представителей политических партий и переводчик». *(«Жечпосполита», 26-28 марта)*

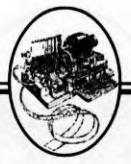
• **Из письма в редакцию: «Госпожа Ирина Кобринская („Россияне этого не поймут", „Жечпосполита" №61, 14 марта 2005) настолько молода, что помнит очень немногое из истории собственной страны, а особенно бывшего СССР (...) Госпожа Кобринская утверждает, что Ялта обеспечила Европе 50 лет без войн. Да, Ялта действительно обеспечила покоренным СССР странам 50 лет советской оккупации. Именно благодаря Ялте советский оккупант мог устроить резню рабочих в Берлине в 1953-м, резню героев Будапешта в 1956-м, вторжение в Чехословакию в 1968-м. Это были 50 лет спокойствия на кладбище. На таком кладбище, где нельзя было чтить память жертв, погибших от рук советских оккупантов. Стефан Малецкий-Тепихт (Варшава)». (*«Жечпосполита», 15 марта*)**

• Из напечатанного в «Московском комсомольце» «Письма президенту» Александра Минкина: «Поляки не причинили нам и сотой доли тех бедствий, что Германия. Однако именно с Германией у вас на удивление сердечная дружба». (*«Газета выборча», 12 апр.*)

• **Витаутас Ландсбергис, первый некоммунистический президент независимой Литвы, депутат Европарламента: «СССР развязал войну вместе с Адольфом Гитлером — ответственность страны Советов бесспорна. Организуя торжества на Красной площади и подчеркивая советский триумф, современная Россия одновременно празднует свои военные успехи. Одним из трофеев стала моя страна, Литва...» (*«Жечпосполита», 16 марта*)**

• «Президент Республики Польша полетит в Москву. „Мы хотим говорить о благодарности тем, кто своей кровью освобождал Европу, но и о политических решениях, которые легли тенью на судьбы многих народов — в т.ч. литовцев, латышей, эстонцев и поляков", — заявил Александр Квасневский в Вильнюсе». (*«Тыгодник повшехный», 20 марта*)

• **«Если нынешние власти государства, именующего себя демократическим, отказываются предоставить нам катынские документы, если они защищают Ялту, а кремлевские советники с помощью интернет-портала порочат память Армии Крайовой — самой многочисленной партизанской армии Европы — то это свидетельствует лишь о том, что суть этих властей не слишком измени-**



лась (...) Путинский Кремль (...) не хочет создавать [атмосферу] доверия во взаимоотношениях с Польшей, ибо это вызвало бы рост доверия к Польше у немцев, французов или итальянцев. И, не дай Бог, они начали бы прислушиваться к нашим мнениям об Украине или Белоруссии, не говоря уже о мнениях о самом Путине. А так, сознательно провоцируя своими заявлениями о Ялте или Катыни волну антироссийских настроений и высказываний, Кремль представляет нас на Западе как государство, к чьему мнению не стоит прислушиваться, когда речь заходит об отношениях с Россией, ибо мы относимся к России с предубеждением. Подобным образом обстоит дело с Латвией...» (*Бартош Тихоцкий, «Тыгодник повшехный», 27 марта*)

• Томаш Врублевский, главный редактор журнала «Ньюсуик-Польша»: «Тоталитаризм никогда не начинается со ссылок и концлагерей. Первой под нож идет история. Грязные страницы прошлого заменяются свидетельствами героизма и праведности, а вина возлагается на бывшие жертвы (...) Время покажет, зачем президенту Путину понадобились торжества 9 мая, которые дают бывшей советской империи сертификат пионера европейской свободы, а поляков выставляют неблагодарными, нарушающими спокойствие Европы. Но сказать, что организуемое в Москве празднование 60-летия окончания II Мировой войны лишено политического подтекста, — это все равно что утверждать, будто берлинская Олимпиада 1936 года была чисто спортивным событием». (*«Ньюсуик-Польша», 20 марта*)

• «Три раза звучал в субботу гимн Чечни перед российским посольством. Над Замковой площадью колыхался транспарант: „Сталин и Путин не убьют свободный дух чеченского народа" (...) Это была дань памяти недавно убитого российскими солдатами президента Чечни Аслана Масхадова. „Быть здесь — наш долг: ведь это уже третий чеченский президент, убитый российскими спецслужбами", — сказал во время протеста Аркадиуш Зайончковский из комитета „Свободный Кавказ"». (*Ян Смоленский, «Газета выборча», 14 марта*)

• «„Из всех государств мира только Польша осудила убийство Аслана Масхадова", — подчеркнули вчера политические руководители чеченского повстанчества Умар Ханбиев и Ахмед Закаев». (*«Газета выборча», 18 марта*)

• Абдул-Халим Садулаев, преемник президента Аслана Масхадова: «Польша — единственная страна в мире, чье руководство официально осудило террористический акт Москвы против (...) Аслана Масхадова». (*«Жечпосполита», 23 марта*)

• «МИД России выразил возмущение в связи с решением городских властей Варшавы назвать одну из столичных площадей именем Джохара Дудаева (...) Министр [иностранных дел] Адам Ротфельд сказал, что не будет отвечать на российское заявление. По его словам, правительство не имеет влияния на названия улиц и площадей». (*«Жечпосполита», 22 марта*)

• «Московская дума осудила власти Варшавы за присвоение одной из площадей польской столицы имени Джохара Дудаева». (*«Жечпосполита», 24 марта*)

• Впервые после распада СССР в России, в якутском городе Мирный, появится новый памятник Сталину. Памятник будет открыт 9 мая, в День победы. (*«Газета выборча», 1 апр.*)

• Энн Эпплбаум, автор книги «ГУЛАГ», недавно изданной в польском переводе: «Катастрофа, ГУЛАГ, резня армян, Чечня, Судан, Руанда... Все эти преступления показывают, что в каждой культуре есть нечто такое, что может толкнуть на путь зла». (*«Тыгодник повшехный», 20 марта*)

• Роберт Кувалек, директор музея «Место памяти» в Белжеце: «63 года назад эшелоны с львовскими и люблинскими евреями двинулись в лагерь смерти в Белжеце. Вчера мы почтили память жертв (...) Впоследствии опыт этой первой фабрики смерти был использован в Треблинке, Собиборе и Аушвице (...) Первый рапорт Армии Крайовой о лагере был отправлен в Лондон еще в апреле 1942 г., как только завершился первый этап депортаций. Однако тогда мир не отреагировал». (*«Жечпосполита», 18 марта*)

• Станислав Лем: «На классический вопрос „unde malum?", „откуда зло?" у меня есть такой ответ: это началось каких-нибудь 100 или 120 тысяч лет назад, в четвертичный период, когда наши далекие предки перебили всех мамонтов и целую массу других крупных млекопитающих (...) Это наследие до сих пор сидит где-то в наших генах». (*«Тыгодник повшехный», 3 апр.*)

• «Осенью и в канун весны в национальный парк „Устье Варты" ездят прежде всего ради гусей (...) Мировая популяция серого гуся — единственного гнездующегося у нас вида дикого гуся — оценивается приблизительно в 500 тыс. особей. В Польше гнездуется около 2500 пар. (Для сравнения: в польских охотничьих обществах состоят более 100 тыс. охотников; число браконьеров неизвестно.) Один из местных охотников, потрясенный масштабом охоты в устье Варты, сказал: „В будущем году диких гусей уже не будет. Всех перебили"». (*Яцек Карчевский, «Газета выборча», 14 марта*)

ПИСЬМО РОССИЙСКОГО ПЕН-ЦЕНТРА ПОЛЬСКОМУ ПЕН-КЛУБУ

Уважаемые коллеги!

Ряд государственных деятелей нашей страны выступили недавно с весьма неожиданными, касающимися российско-польских отношений высказываниями, сразу же добавившими горечи и недоумения к накопившимся за века многим обидам и ошибкам.

И это сейчас, когда время и добрая воля медленно исцеляют давние раны и сглаживают старые шрамы. Сейчас, когда приближается годовщина окончания Второй мировой войны, светлый юбилей завершения нашей общей беды.

Чтобы справиться с бесчеловечным высокомерным врагом, наши страны пережили, казалось бы, невозможное. Домой не вернулись миллионы солдат — мы этого не забываем. Не забываем Освенцим, Майданек и Треблинку. Незаживающей болью было и остается Катынское злодеяние. Ваши мученики и герои по-прежнему поднимают восстание в Варшавском гетто и Варшавское восстание. Горят села и города. Горит стираемая с лица земли Варшава. Шесть лет ужаса на вашей земле и четыре года на нашей — как же странно сознавать, что начало этому кошмару практически положил чудовищный пакт Риббентропа—Молотова!

Но мы с вами победили. Несмотря ни на что и вопреки всему у нас получилось. Мы знаем и не забываем это.

Последний год оказался для вас временем невосполнимых потерь: из жизни ушли достойнейшие сыновья Польши — борец за свободу, человек безупречной чести Яцек Куронь, вдохновенный нобелевский лауреат Чеслав Милош и духовный пастырь миллионов Кароль Войтыла — римский первосвященник Иоанн Павел II.

Над их прахом склоняем головы и мы, а с нами многие и многие наши сограждане. Пример этих благородных, великих личностей не позволяет и нам с вами забывать о своей ответственности за правду, за честную оценку прошлого и разумный подход к настоящему.

Только в этом случае нашим странам суждено надлежащее достоинство и величие.

Исполком Российского ПЕН-центра:
Андрей Битов, Аркадий Ваксберг, Андрей Вознесенский, Фазиль Искандер, Валерий Попов, Александр Ткаченко, Константин Азадовский, Аркадий Арканов, Белла Ахмадулина, Михаил Берг, Зоя Богуславская, Евгений Бунимович, Александр Городницкий, Виктор Ерофеев, Михаил Кураев, Владимир Маканин, Юнна Мориц, Евгений Попов, Анатолий Приставкин, Вадим Рабинович, Лев Тимофеев, Людмила Улицкая, Виктор Шварц, Асар Эппель

ОТВЕТ ПОЛЬСКОГО ПЕН-КЛУБА

Спасибо за ваше письмо, за ваши слова — такие необходимые сегодня, в невеселую эпоху польско-российских политических отношений.

Мы ждали этих слов, уверенные в том, что услышим их. Спасибо вам за честь, которую вы воздали памяти поляков — борца за свободу, поэта и пастыря миллионов.

Вашими устами к нам обратилась Россия тысяч порядочных и честных людей. Она говорит с нами не языком «черного пиара», пропагандистской лжи и провокационных оскорблений. В ее национальные традиции не входили — и не входят — злодеяния тиранов и палачей, дьявольские пакты риббентропов и молотовых, катынские рвы и обращенные в лагеря святые обители — места вашего и нашего мученичества. Это страна нелегкой борьбы за достоинство жизни, за правду и свободу слова — во имя наших общих идеалов. Российский ПЕН-центр вложил в эту борьбу немалые заслуги. Приближается 9 мая — на протяжении трех поколений священный день во многих российских семьях. Прах их сыновей покоится и в польской земле. Это не только солдатские могилы, это и наследие геноцида: рассеянный прах советских военнопленных, заморенных голодом за колючей проволокой гитлеровских лагерей.

Пусть нам и вам в эти дни сопутствуют слова польских поэтов: предостережение Збигнева Херберта против того, чтобы поспешно прощать «от имени преданных на рассвете», и поразительное стихотворение Вислявы Шимборской о лагере голодной смерти под Яслом. Пусть в нашей памяти «история не округляет скелетов до нуля».

Правление Польского ПЕН-клуба:
Владислав Бартошевский, Марек Бенчик, Влодзимеж Болецкий, Казимеж Браконецкий, Анджей Вернер, Кшиштоф Дорош, Тадеуш Древновский, Иренеуш Кшеминский, Ирена Левандовская, Эва Липская, Януш Мацеевский, Барбара Мечницкая, Януш Одровонж-Пенёнжек, Адам Поморский, Ежи Помяновский, Ивона Смолка, Лешек Шаруга, Ежи Яжембский

Сергей Бирюков

КАТЫНЬ

Почему Катынь звучит как Хатынь
почему в нем «кат» и «ты»
то есть я
почему эта сломанная латынь
режет резче ножа острия
почему этот польский призвук
в моем языке
как будто кровь перетекла в кровь
запеклась на виске
левом соске

Влодзимеж Новак

РЯДОМ С НИМИ Я МУРАВЬИШКА

Эдита Кой, школьная уборщица из села Жендовице (повет Стшельце-Опольске) получила звание «Силезец 2004 года» и премию в 15 тысяч злотых. Член жюри Казимеж Куц во время торжественного закрытия конкурса сказал: «Вы очень мудрый человек. На вашем примере можно всей Польше продемонстрировать, что такое европейский стиль жителя Силезии. В Польше все любят ловчить, а вы показали, насколько важен сам труд».

Тряпка да щетка

Школьный комплекс в Жендовицах. Суббота, электрики монтировали в классах лампы дневного света, и за ними надо убрать. Эдита Кой в синем фартуке в белый цветочек, две золотые сережки, золотая цепочка с крестиком, щетка, тряпка, оцинкованное ведро. Звенит связкой ключей. Не удается ей открыть кладовку с чистящими порошками..

Эдита Кой

— Опять ребята в замок чего-то запихали.

— У меня в школе уборщицы ужасно ворчали.

— Я не ворчу. Вроде меня любят. Когда готовят стенгазету в коридоре, всегда спрашивают: «Ну что, так хорошо?». Я им советую: «Буковки чуть вправо».

— Много вам приходится убирать?

— Всю гимназию и еще часть помещений начальной школы. Каждый день 800 квадратных метров. И не просто пустой пол, что можно раз-два тряпкой протереть, а классы, парты, учебные пособия, 60 окон надо вымыть до блеска. Клавиатуру в компьютерной надо вытирать осторожно. На одну только поливку цветов уходит четыре ведра воды. Мама помогает, иногда сыновья подметают. Ежедневно с часу до девяти вечера. Как увижу, что стенная панель вся исчиркана ботинками, тут же отмою, чтобы не откладывать работу. Все тряпка да щетка, никаких тебе чудесных тряпочек из Германии.

— Трудно стать «Силезцем года»?

— Надо было чего-нибудь наговорить «по-нашому». Пятиминутный монолог на нашем диалекте. В четвертьфинал вышли полтораста человек, большинство — профессионалы, то есть деятели культуры, учителя и те, кто танцует в фольклорных ансамблях или пишет стихи. Рядом с ними я муравьишка.

— И о чем был ваш «монолог»?

— Об уборке. Муж уже спал, а я сижу себе на кухне и кумекаю. Конечно, к какому-нибудь доктору или инженеру, известно, все с почтением. А уборщица — что? Тут как-то раз идет элегантный господин с портфельчиком, а рядом женщина примерно в моем возрасте, в оранжевой жилетке, метет улицу. «Смотри, — говорит этот господин своему приятелю, — наконец-то эти маргиналы взялись за работу». Это, пожалуй, еще со времен коммунизма осталось. Тогда, если где чего-то копали, считалось работой, а на уборку брали тех, кто больше уж никуда не годился. А теперь уборкой занимаются даже люди с высшим образованием. Каждому труду, который приносит пользу, полагается уважение. Я так считаю. Три ноченьки я придумывала, что сказать, да и поехала. Что ни говори, а ведь наизусть надо было. Конечно, эти 13 с половиной тысяч злотых за вычетом налога радуют человека, это ведь почти две мои годовые зарплаты, но больше всего радует, что я, обычная уборщица, сказала все, что думаю.

— Вы всегда были уборщицей?

— Я окончила химический техникум. 15 лет проработала во «Взрывах», то есть на химическом заводе в Крупском-Млыне. Там, где недавно две женщины погибли. Вы слышали? Одна была из наших Жендовиц.

— А у вас никогда не взрывалось?

— Нет. Иногда слегка воспламенялось, известно, на любом рабочем месте всякое случается. Вот к началу учебного года я отмывала до блеска

окна в компьютерном классе, а они старые. От рамы отскочила большая щепка и пробила мне руку насквозь.

На стенах школьные стенгазеты. «Самые привлекательные места в Европе: Флоренция, Корсика, Ибица...», плакат о СПИДе. На плакате в классе польского языка и литературы — характеристика Антигоны.

— А «монолог» свой я начала с того, что пять лет тому назад мы вместе с сыном начали карьеру в школе: он — гимназистом, а я — уборщицей. Хоть и тяжкий мой труд, но ведь я и научусь многому, и жизнь моя разнообразнее становится. Иногда на школьную экскурсию съезжу, когда не хватает взрослых сопровождающих. Так я попала на «Тóску» во Вроцлаве. Первый акт в храме, потом мы с актерами пошли на берег Одера. Очень красиво. У нас в апреле всегда проводится конкурс немецкой поэзии, спортивный зал надо украсить. Я, как секретарь кружка сельских хозяек, езжу за скатертями. Из школьных стенгазет всегда можно о чем-то узнать. О мире, о противозачаточных средствах, о Евросоюзе, о наркотиках. Прежде чем стереть все с доски, я и что-то из немецкого схвачу, и уравнение Фалеса вспомню.

Чаепитие с пирогом

Дом семьи Кой. В Жендовицах говорят «Коева» или «Койка». Белая блузка, короткая серая юбка, которую она непрестанно оправляет, так как от сидения на стуле та все время заворачивается. Золотые сережки — как в сцене первой. Волосы темные, крашеные.

— А цвет какой?

— «Обжаренный кофе», что-то в этом роде. Подкрасилась для торжественного финала.

— Вы не боялись выступать? Ведь в зале было тысячи три человек.

— А чего бояться? Как сенатор Куц спросил, где мужик-то мой, так я и показала: вон он, дескать, во втором ряду сидит. Мой-то от нервов аж вспотел весь, чуть не до носков.

В синем платке на голове входит мать Эдиты Роза. На торжественном финале она не присутствовала, расплакалась, когда слушала прямую трансляцию по радио.

— Она с детства к людям льнула. Вся в бабку.

— Бабка Анна руководила всей семьей. Она меня вечно по делу на село посылала. Мне года четыре было, я и спрашивала: «А как дороги не найду?» А бабка: «Так людей спрашивай». — «А как во дворе собака?» — «Так хлопай калиткой, кто-нибудь и выйдет»

На столе кофе и пирог со сливами («кóлоч»). Направо — темная мебельная стенка, еще из холостяцкой жизни господина Коя, налево — массивный буфет коричневого цвета.

— Муж звонит из Германии. Он работал тогда у приятеля, который уехал на Запад. У нас тут многие поуезжали, «красные паспорта» у них, ну двойное гражданство. И вот звонит он, что этот приятель буфет выбрасывает — так не привезти ли? Ну и привез. Красивый, только непрактичный, большой и всю стену занял, бар есть, все есть, только вот отделения для разной там одежки нету.

За спиной у пани Кой широкая дверь в коридор, белая с окошком. Все двери и лестницы Кой сам смастерил с помощью механизмов. которые он сам же и собрал. Батареи сам сварил из труб.

В дверях появляется Томаш, старший сын, он учится на втором курсе экономико-административного техникума. Младший, Михал, неразговорчивый в отца, будет столяром. Томек уходит на село к друзьям. Он получил звание «Силезец 1999 года» в соревновании юниоров.

— Он-то и есть главный виновник! — смеется наша героиня. — Несколько лет тому назад он был выбран в классе для участия в конкурсе «Жендовицкое наречие». Тоже надо было «посилезски» говорить. Он мне и говорит: «Мама, помоги».Так я написала первый монолог. Потом второй, третий, о том, как силезец вступает в Евросоюз. Писала, чтó жизнь подсказывала. В финале конкурса «Силезец года» у жюри возникли сложности: Томеку было 11 лет, главной премией была автомашина, а в конкурсе еще не было юношеской категории. Ему дали приз. Теперь сыновья сами заявили меня на конкурс. «Ах вы, свистуны, такие-сякие!» — я немного разозлилась. Но они меня подзуживали, что это, мол, дело чести: ты, мама, наверняка справишься и не ударишь лицом в грязь.

Я знала, что чем более старое выражение используешь, тем больше твой «монолог» ценится. Особенно профессор Мёдек любит всякие там архаизмы. Например, «выпендриваться». Это значит, как бы это сказать...

— Ну вот, например, говорят, что правительство выпендривается, — помогает жене Юзеф Кой и садится к столу. — Ну что глупостями занимается!

Кой, слесарь по стальным конструкциям, в последнее время вообще не включает новости, «не то бы всех этих придурков из телевизора повытаскивал и придушил». Показывает, как бы он это сделал.

— Мужу к шести на работу. Встает в полпятого. Я попозже с сыновьями. Возвращаюсь из школы в девять вечера, муж уже в постели. Сажусь, уставшая, в кресло напротив. Мужик спрашивает: «Что там у тебя новенького в мире?». Я отвечаю, что ничего. «А у тебя в мире?» — «Тоже ничего».

Эдита ставит видеокассету с записью торжественного закрытия конкурса и выходит на кухню готовить ужин. На экране она у микрофона. На ней новая блузка, подарок от сыновей на ее 43 года. «Хоша и работы невпроворот, да и условия тяжкие, ведь от того гама ажно башка пухнет, дак бесперечь в той школе чтой-то деется». Хозяйка возвращается с тарелкой «шнитов» (бутербродов). Одни с помидорами, другие с салями.

— Да разве б я когда подумала, что даже архиепископ Зимонь, такой хороший человек, пожмет мне руку. Он сказал: «Я рад, что теперь силезские женщины умеют выступать перед публикой».

Дом семьи Кой стоит на отвалах металлургического производства. Дом им достался после смерти тетки и требовал полного ремонта. Когда Кой взялся копать подвальчик, чтобы подсоединить печь к центральному отоплению и чтобы вода в трубах циркулировала, он выкапывал огромные глыбы шлака, отработанного в доменных печах.

— У нас в семье все работали на металлургическом производстве. Отец — кузнец на металлургическом комбинате, муж — тоже из рода металлургов. За домом есть пруд, оставшийся от доменного производства, и водопад, который вращал когда-то колесо, а оно — вал жендовицкого прокатного производства. Приятно посидеть у водопада. Я бы это место ни на какое другое не променяла. Есть у нас и автобусы, и железная дорога, 11 магазинов, две закусочных, один ресторан, школа, гимназия, пожарная часть. Только работы нету. Многие уехали в Германию. Из четырех тысяч жителей осталась, пожалуй, половина. В графе «национальность» наша семья всегда писала «силезец». Я пишу «полька». Дома говорили «по-силезски», бабушка повторяла: «Говори так, как у тебя язык вырос». Но я быстро выучила, что в школе говорят только на литературном языке.

Когда-то у каждого был кусок поля, две коровы, гуси, куры. Из школы возвращаюсь, а на столе листок лежит: «Поешь по-быстрому и приходи в Дубовый лес». Ходили мы с братом пешком, а после моего первого причастия стали ездить на велосипеде. Я ехала до четвертого тополя, оставляла велосипед и шла пешком, а брат доходил до велосипеда, обгонял меня и еще через четыре тополя оставлял велосипед. Я любила ходить на поле: на каждой полоске люди, дети. В семь вечера мы отправлялись на мессу. Потом делали уроки, ну и штопка. Я штопала чулки, а брат — свои носки. Если вовремя не заштопаешь, так на следующий день дырка становилась такой, что и штопать надо было уже не на грибке, а на черпаке.

От каникул радости не было. Весь июль мы собирали ягоды на продажу. Вставать надо было рано, в лесу полно мошкары. Отец плел большие корзины, и нарвать ягод надо было много. Если на кустиках оставалось хоть по ягодке, то бабушка нас еще гоняла собирать для заготовок на зиму. От малокровия, от простуды. Осенью — копка, то есть уборка корнеплодов, детям приходилось работать до глубокой ночи, за счет сна. А в восьмом классе меня повысили — до уборки картофеля. Мама мне все время выговаривала, что ямки оставляю.

— Потому что надо за собой разравнивать, чтоб ровно было, — мама Роза поправляет узел платка под подбородком. — Лучше полчаса лишних поработать, но чтоб порядок был.

— Мама всю жизнь — только дом и хозяйство. Школу не проходила, ведь как раньше говорили: «Зачем девушке школа?» А мы с мужем как два коня. Эту телегу тянем наравне. Теперь иметь работу — уже много. А если у двоих работа, это уже счастье. Муж меня с самого начала уважает. Говорит сыновьям, что я — золотая опора семьи, — (пани Кой

12 лет проработала в родительском совете. Была заместителем председателя, а теперь — секретарь жендовицкого кружка сельских хозяек, пишет хронику).
— Муж ко мне относится как к женщине-общественнице. Как-то раз испекла я пирог, сварила кофе и пригласила соседок. Теперь мы встречаемся каждую субботу в три часа дня. У каждой по очереди. В кружок хозяек я тоже многих привлекла. А то какая-нибудь жалуется, что ничего у нас в селе не происходит, а как устраиваем угощение по поводу юбилея жендовицкой пожарной службы, так она не приходит. Так я и говорю ей: «Приходи, а то приеду и из дома вытащу». Права автомобильные у меня есть. А что вы удивляетесь? Уже давно. У нас в селе каждая вторая машину водит. Теперь о правах спрашивают у каждого, кто на работу нанимается.

Чудо в окне

Класс истории и физики в школе. Пани Кой в одежде уборщицы (как в сцене первой) подметает пол, раскачиваются золотые сережки.

— Цепочка еще от первого причастия? — спрашиваю я.

— Нет, из Голландии. Каждый год мы с сыном ездим собирать огурцы. У меня 26 дней отпуска, вот и езжу. Потом вся наша Голландия уходит на закупку топлива на зиму. А один раз хватило еще на центрифугу и на цепочку с крестиком.

— А сережки от мужа?

— Нет, за посадки леса. Два года я была безработной. Вы знаете, что это такое? Я чувствовала себя нахлебницей. За все хваталась, хотя муж мне слова плохого не сказал. Придумала елочные украшения делать из фольги. Плела венки. Для погребальной конторы по договору шила подушки и оборки для гробов.

Пани Кой останавливается у последнего окна, рядом на полке — двухтактный двигатель в разрезе.

— О, в этом окне сто лет тому назад явилась Богоматерь. Точнее, 25 июля 1904 года, на стекле. Мои прадедушка и прабабушка Ктюки были свидетелями чуда. Они рассказывали об этом моей маме, а мама рассказывала мне. Погода была штормовая, а от школы шел яркий свет, как будто горело. Первой Богоматерь увидела Кунегунда Зимей. Люди сбежались. Не каждому Мария себя являла. Например, жена видит, а муж стоит рядом и ничего не видит. Приходской священник Вайда из соседнего Завадского тоже не поверил. Прислал свою экономку, чтоб разведала. Но она ничего не увидела и доложила, что стоят, мол, глупые люди у школы и пялятся на окно. Учитель велел уборщице помыть окно спиртом, но образ не исчез. Несколько недель люди собирались. Образ был похож на «Черную Мадонну». Когда сельчане, желая оставить память о чуде, выбирали образ для храма, то поехали за копией в Ченстохову. В 11 вечера образ всегда закрывается, как на Ясной Горе. А здесь, в школе, висит в окне вырезанный из дерева цветок чертополоха, а в центре его — красный глазок. Если подключить к электричеству, то ночью светится.

— Вы в это верите?

— Верю или нет, но факт остается фактом: дедушка с бабушкой видели. И разные беды тоже как-то Жендовице стороной обходят. Два года назад в августе прошел тут смерч. Стекла в окнах дрожали, муж даже руками их придерживал. Стена льда не слась. У нас ничего не случилось, а на полтораста метров дальше тополя как спички ломало. Только у соседей пластиковое покрытие крыши сорвало с дома и по улице раскидало. Люди здесь солидарные. Помогли собрать, — пани Кой опирается на метлу. — Надо иметь какую-то точку опоры в жизни. Когда моему сыну исполнилось восемнадцать, то они с другом заказали мессу. Оба играют в нашем духовом оркестре. Их друзья-музыканты устроили им сюрприз. Как грянул оркестр в храме, так я расчувствовалась и просто прослезилась. А вы знаете, из-за этой уборки в школе у меня и сны стали школьными. Недавно мне приснилось, что я не выучила урок по математике. Кошмар.

Пани Кой поворачивается к Михалу, который помогает маме с уборкой.

— Коробки забрось в машину, пойдут на растопку. Слышишь? А вы знаете, что финалисты могли поехать в Техас, на финал «Силезец года в Америке»? Я не поехала: надо было заплатить 10 тысяч злотых. Вся бы премия ушла, а у нас ванная не закончена и чердак. Я была в Германии и один раз в Чехии, ну и в Голландии, но там кроме огурцов мало что видела. А так бы хотелось еще мир посмотреть. Когда я усталая ложусь в постель, то говорю себе, как Скарлет: «Завтра будет новый день».

wysokie obcasy

Пшемыслав Делес

СИЛЕЗСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Школьная уборщица Эдита Кой получила звание «Силезец года». Один из членов жюри конкурса, кинорежиссер Казимеж Куц, создатель «Силезской трилогии», сказал ей: «Вы очень мудрый человек. На вашем примере можно показать всей Польше, что такое европейский стиль жителя Силезии». В польском языке выражение «европейский стиль» во многом заняло место «мирового стиля». Впрочем, открытость к объединяющемуся континенту имела для этих мест весьма неожиданные последствия. Евросоюз делает большой упор на развитие регионов, укрепление регионального самосознания, с уважением относится к локальному патриотизму. Иногда такая политика дает непредвиденные побочные эффекты: чувство регионального своеобразия перерождается в чувство национальной обособленности. Именно это и произошло в Силезии.

Эдита Кой выиграла конкурс, заключающийся в произнесении пятиминутного «сказа по-нашему», т.е. на силезском диалекте, который для многих жителей других частей Польши иногда бывает просто непонятен. Диалект этот отличается от литературного польского до такой степени, что многие считают его отдельным языком. Такого мнения придерживаются, например, члены Союза граждан силезской национальности. Во время последней переписи населения 173 тыс. человек заявили, что по национальности они силезцы.

Иностранцу этот факт может показаться странным, ибо Польша, как правило, воспринимается как этнически и религиозно однородная страна. Чтобы понять, с чем мы имеем дело в Силезии, необходимо вернуться в прошлое.

Силезия — это исторический регион, расположенный в юго-западной Польше, в бассейне верхнего Одера.

Название «Силезия» по всей вероятности происходит от племени сленжан, упоминавшегося еще в IX веке т.н. Баварским географом. Начиная с этого времени регион входил в состав польского королевства, хотя временами принадлежал Чехии. В 1138 г., вследствие раздела, произведенного князем Болеславом Кривоустым, Силезия стала самостоятельным княжеством, которое вскоре распалось на две части со столицами во Вроцлаве и Ополе. Так Силезия разделилась на Верхнюю и Нижнюю. Очередные разделы привели к тому, что в середине XIV в. регион состоял уже из тридцати самостоятельных политических организмов, которые постепенно попали под прямое или косвенное владычество чешской короны, чьи судьбы Силезия разделяла до середины XVIII века. В XVI в. здесь торжествовала реформация. Бóльшая часть Нижней Силезии (кроме владений местного епископа) приняла лютеранство, а Верхняя Силезия (тоже с некоторыми исключениями) сохранила католическую веру. В этот период бóльшую часть Верхней Силезии объединил опольский князь Ян II Добрый, чьи земли в дальнейшем перешли к Габсбургам, продолжавшим процесс объединения региона вплоть до конца XVII века. В результате силезских войн (1742-1763) Силезия вошла в состав Пруссии, а в 1871 г. вместе со всем королевством — в состав Германской империи.

В XIII в. на силезские земли начали прибывать немецкие поселенцы. В канун I Мировой войны славяне преобладали еще только в Верхней Силезии. В середине XVIII в. стремительное развитие промышленности,

Ignacy Czwatos

базировавшейся главным образом на местном сырье, прежде всего угле, превратил Верхнюю Силезию в один из важнейших промышленных регионов Германии. В XIX в. у нее появился конкурент: в Царстве Польском, входившем в состав Российской империи, возник Домбровский угольный бассейн, расположенный вблизи границ прусской Силезии.

I Мировая война означала для Европы смену всего прежнего порядка. Распадались старые империи, на их месте возникали новые государства. Однако процесс формирования этих структур не шел безболезненно. Одним из самых невралгических пунктов стала Верхняя Силезия, где столкнулись интересы проигравшей Германии и возрождающейся Польши.

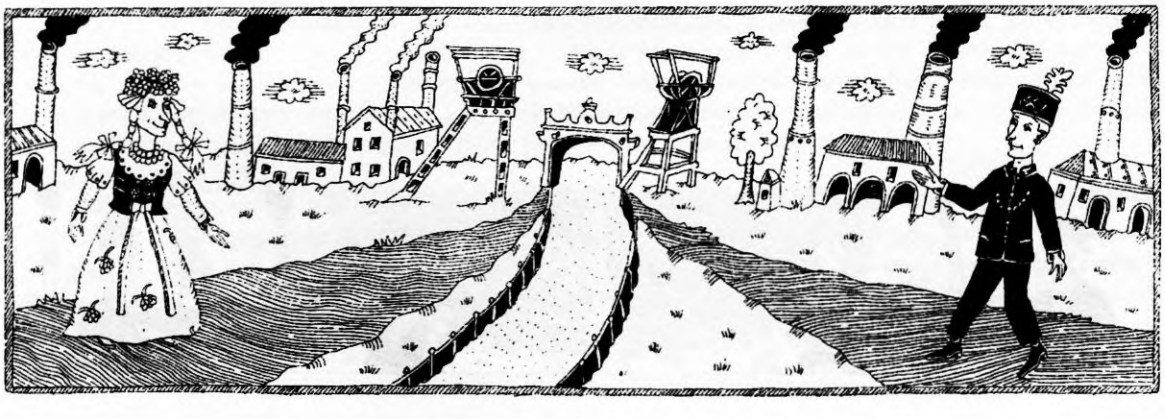
Согласно Версальскому договору, на спорных территориях должны были состояться плебисциты с целью определить их государственную принадлежность. Летом 1919 г. на территории Вармии, Мазур и Силезии началась подготовка к плебисциту. Явный перевес был на стороне немцев, все еще сохранявших свой административный, церковный и школьный аппарат. Росла напряженность, результатом которой стало первое силезское восстание (16-27 августа), завершившееся поражением поляков. Репрессии предотвратила комиссия, присланная западными державами. Однако ситуацию не улучшило ни это, ни передача власти в регионе Межсоюзнической комиссии, поддержанной военным контингентом. Напряженность не спадала, что привело к очередному восстанию (19-25 августа 1920). Бои охватили почти весь промышленный округ. Через шесть дней было заключено перемирие. Комиссия согласилась отозвать немецкую полицию и создать смешанную. Следующие месяцы изобиловали взаимными нападениями и забастовками. Наконец 20 марта 1921 г. состоялся плебисцит. В голосовании могли принять участие все родившиеся в регионе. Из глубины Германии приехало около 200 тыс. человек, из Польши — 10 тысяч. За Польшу высказалось немногим более 40% голосовавших, за Германию — почти 60%. Неблагоприятный для польской стороны исход стал причиной третьего и последнего восстания, которое привело к разделу спорной территории — более выгодному для Польши, чем предполагал изначальный проект. В Верхней Силезии было создано воеводство, обладавшее исключительной на фоне других регионов автономией, включая собственный Сейм. Этот факт имел далеко идущие последствия, одним из которых стало распространенное в Польше сведение понятия «Силезия» к сравнительно небольшой восточной части региона.

В сентябре 1939 г. воеводство было одним из первых занято немецкими войсками и вскоре присоединено к Рейху.

Война принесла жителям Силезии сплошную череду драм. Одна из самых известных легенд сентября — оборона харцерами парашютной вышки в Катовице. В учебниках упоминаются также аресты ветеранов силезских восстаний, польской интеллигенции, включение коренных жителей в национальные списки, призывы в Вермахт.

1945 год диаметрально изменил ситуацию в регионе. В результате соглашения держав-победителей Силезия оказалась в границах Польши. Местное население массово покидало захваченные земли, а его место занимали поляки из центральной Польши, но прежде всего из-за Буга. Коренные жители остались лишь на территории Верхней Силезии, где в настоящее время они составляют около 30% населения. Пришельцы рассматривались как чужаки. Существовал сильный антагонизм между силезцами и жителями Домбровского бассейна. Взаимную неприязнь не устранили очередные административные реформы, объединившие оба региона в одно воеводство.

В ПНР Верхняя Силезия стала важнейшим промышленным регионом, а шахтеры — пожалуй, самой привилегированной профессиональной группой «рабочего» государства. В 60-е годы первый секретарь



катовицкого воеводского комитета ПОРП Эдвард Герек сделался чуть ли не силезским удельным князем, а в 1970 г. стал первым секретарем ЦК ПОРП.

Этот интерес к Силезии нашел отражение и в культуре. Наглядным примером этого стало творчество силезца Казимежа Куца. В 1970 г. он снял фильм «Соль черной земли», рассказывающий о восстаниях на примере истории одной семьи. Фильм произвел фурор. Говорят, Кшиштоф Занусси сказал, что после этого и следующих фильмов Куца каждый хотел быть силезцем. Сам же автор говорил: «Я хотел, чтобы "Соль черной земли" стала моим вкладом в создание художественной мифологии Силезии, показывающей ценность культуры этого региона». Трилогию дополняют «Жемчужина в короне» (1972) и «Бусинки одних четок» (1981). Впоследствии Куц снял еще несколько фильмов на силезские темы, последний из которых — «Смерть как краюха хлеба» (1994) — посвящен кровавой расправе с горняками шахты «Вуек» 15 августа 1981 года (попытки найти и наказать виновников этой трагедии продолжаются по сей день).

Мощным потрясением для региона стал перелом 1989 года. В условиях рыночных реформ оказалось, что деятельность многих силезских промышленных предприятий лишена смысла. Все следующее десятилетие власти боролись с проблемой нерентабельных шахт и металлургических комбинатов, а шахтеры не упускали случая выразить свое недовольство ликвидацией очередных предприятий, сражаясь за их дальнейшее существование, гарантию трудоустройства и в крайнем случае — за высокие выходные пособия. Силезия неотвратимо теряла свое былое значение.

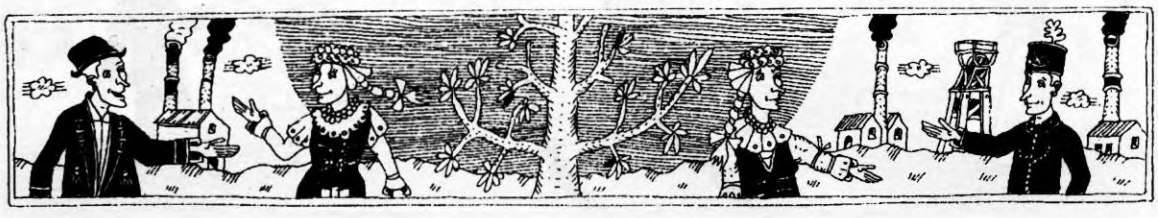
Сейчас регион меняется, ищет свой новый облик. Вместе с ослаблением позиции в государстве и уменьшением экономической привлекательности пробудились местнические тенденции. Их самым громким проявлением стал скандал, вызванный появлением на учреждениях в некоторых поветах Опольского воеводства табличек на немецком языке. Заметен также глубокий кризис общества. Одним из самых нашумевших уголовных дел последних месяцев стала коррупционная афера в Ополе: местные высшие чиновники были обвинены в огромных взятках за подтасовку результатов конкурсов.

Смена общественно-политической системы привела также к смене исторических интерпретаций. Пришло время демифологизировать силезские восстания, плебисцит, II Мировую войну, переосмыслить прежние позиции, разделение на «хороших» поляков и «плохих» немцев. Все чаще предпринимаются попытки возродить региональную гордость, принимая как должное принадлежность к польскому государству, но при этом ища взаимопонимания с немцами. Поддержанию этой тенденции должны служить такие инициативы, как Силезская культурная премия, присуждаемая правительством земли Нижняя Саксония, премия «Lux de Silesia», присуждаемая католической Катовицкой епархией, или конкурс «Силезец года».

Верхняя Силезия продолжает оставаться источником вдохновения для людей искусства, причем заметна тенденция к представлению ее в категориях волшебного, мифологизированного края. Это поразительное течение, к которому принадлежит Анджей Сапковский со своей трилогией о Рейневане («Наррентум», 2002, «Божьи воины», 2004, и «Lux perpetua», в печати), действие которой происходит в позднем Средневековье. Пожалуй, к этому течению принадлежит и Ольга Токарчук, автор книг «Дом дневной, дом ночной» (1998, финалист дублинской литературной премии IMPAC), «Правек и другие времена» (1996) или «E.E.» (1995). Я добавил бы сюда еще Леха Маевского с его фильмом «Ангелус» (2001), рассказывающим о силезской оккультной секте, действовавшей в 30-е годы и сразу после войны.

Верхняя Силезия — явление интересное и сложное, не поддающееся определению, ибо живое.

Эдита Кой работает уборщицей, мечтает о путешествиях по всему миру, а ложась спать говорит себе как Скарлет О'Хара: «Завтра будет новый день».



Яцек и Гражина Куронь

ПИСЬМА КАК ПРИКОСНОВЕНИЕ

В июле 1955 г., в летнем лагере харцерской дружины им. генерала Вальтера, Яцек Куронь познакомился с Гражиной Боруцкой. ***«...Я-то и придумал ей имя Гая — и вместе с ней началась настоящая жизнь. Она сделала мою жизнь осмысленной, сделала меня чего-то стоящим, сделала меня тем, кем я стал. Чего бы я без нее стоил? А ведь когда я с ней познакомился, ей было 15 лет, а мне — 21»*** *(Яцек Куронь, «Вера и вина», Варшава, 1990). В 1959 г. они поженились, а в 1960-м у них родился сын Мацей.*

Яцек Куронь *(Вроцлав, воинская часть, март 1961):*

...Всегда, всегда вся жизнь перед нами. Можно же прожить за год сто лет и за сто лет не пережить ничего. К тому же, вопреки видимости, это никогда не зависит от того, сколько тянется время, а от того, как быстро живешь. Так какое же у нас было прошлое? Ты дала мне настоящее счастье — богатое, мудрое, большое. Думаю, что даже если бы у нас за спиной не было ничего, кроме нашей любви, то и так это была бы прекрасная и богатая жизнь. С другой стороны, если бы не было ничего, кроме нашей любви, то наша любовь не была бы такой изумительной. (...)

Перед нами много лет. Трудных лет, прекрасных лет. Мы будем много, очень много работать друг для друга, для Мачека, для людей (это все одно и то же). Будем очень счастливы, хотя, наверное, иногда нам будет плохо.

В марте 1965 г. Яцек Куронь и Кароль Модзелевский написали «Открытое письмо членам ПОРП». 20 марта оба были арестованы.

Яцек *(Варшава, следственная тюрьма ГБ на Раковецкой, 21 марта 1965):*

Маленькая, вот и первое письмо. Сегодня 21 марта, воскресенье — здесь день писания писем. Как здесь? Ну, трудно сказать, что хорошо, но во всяком случае жить можно. Ем (за счет государства), сплю (в государственной постели), курю (у соседей по камере есть курево), ну и, конечно, веду очень милые беседы с государственными служащими. Давай рассматривать эту историю как мой отпуск. (...)

Может, скажешь Мачеку, что я в армии? Он, впрочем, наверно вовсе и не удивляется, что папы нет. Обещаю после возвращения рассказать ему длинную и очень интересную историю о дальних странствиях.

Гая *(23 мая 1965):*

Как никогда раньше мучает меня, что пишу не только тебе и что не знаю, когда ты получишь это письмо. Это, конечно, лишь минутное настроение и ни в коем случае не свидетельствует о том, что я хоть как-то сломилась. Функционирую совершенно нормально и, разумеется, в соответствии с указанием не жду, и время как-то проходит.

Яцек *(23 мая 1965):*

Вся эта история затягивается надолго, и нам придется еще подождать друг друга. Да что там — самое главное, что мы твердо знаем, что друг друга дождемся. Обеда можно ждать час, поезда — неделю, денег — до первого... (И никогда не знаешь, сто́ит ли все это чего-нибудь.) Тебя я готов ждать много лет и твердо знаю, что сто́ит. (...) Ну а ты? Насколько правдивы твои письма? Ты в них мужественная, владеющая собой, улыбающаяся. Знаю, такая — это тоже ты, но что еще?

Гая *(7 июня 1965):*

Яцек, тяжело, очень тяжело без тебя, но хорошо. Я не хотела бы, чтобы было иначе, потому что надо ведь чувствовать себя человеком, чтобы быть счастливым. И мы, пожалуй, выбрали правильно, без уловок, и для нас обоих это будет какая-то победа. (...) Дождемся же мы конца этого дела, а потом разных других дел и будем обогащаться жизненными переживаниями и общими решениями. Лишь бы они всегда были честными — боюсь и подумать, что могло бы быть иначе.

***Яцек** (27 июня 1965):*

Мы научились делиться заботами и решениями, и это хорошо, прекрасно. (...) То, что ты мне написала — страшно мудрая мысль: чтобы быть счастливым, сначала надо быть человеком. Очень часто думаю так же, как и ты, о наших будущих решениях. Верю, что они всегда будут честными. Хотя и отдаю себе отчет в том, что сегодня очень трудно брать на себя такие обязательства на завтра и послезавтра. Знаю, что когда это пройдет, мы станем богаче, и даже думаю, что мы уже богаче.

19 июля Яцек Куронь был приговорен к трем, а Кароль Модзелевский — к трем с половиной годам тюрьмы.

***Яцек** (8 августа 1965):*

Гая Куронь

У меня тридцать лет интересной жизни позади и по крайней мере еще столько же не менее интересной жизни впереди. (...) Заметь, как сильно ты наполняешь мою жизнь: всякое дело, которое представляет в нем какую-то ценность, связано прежде всего с тобой. Это, пожалуй, и есть рецепт любви. Но я в этой области проклятый эгоист: не умею огорчаться, что так мало людей находят этот рецепт, а только все больше радуюсь, что мы его нашли.

***Гая** (5 октября 1965):*

Все-таки за нами уже немалый кусок времени, а у меня постоянно такое чувство, что мы расстались недавно и перед нами только кусочек самостоятельного (но не одинокого) странствия. Если и для тебя, мой милый, то время, что у нас позади, минуло быстро, то очень хорошо. Знаю, что ты занят почти неустанно и, что важно, продуктивно, и если я только могу себе позволить мрачные мысли, то, в конце концов, на основе стереотипа о том, что тюрьма — это как-никак не особое удовольствие. Совершенно не беспокоюсь о тебе в этом контексте — ну, может, только чуточку.

***Яцек** (5 октября 1965):*

Где-то в одном из первых писем ты употребила оборот «наше дело», и я понял, что мы по-прежнему вместе, что ты каким-то образом со мной в тюрьме, а я с тобой (по ту сторону стены). (...) Ведь это ты «твердая», ты моя сила. Сегодня больше чем когда бы то ни было я знаю, что — войду ли я на свой «Mount» или нет — мои величайшим достижением останешься ты.

***Яцек** (10 октября 1965):*

...всем заинтересованным объясни, что свобода — это прежде всего свобода «для», а не «от», а в связи с этим я-то и есть свободней, чем они.

***Яцек** (24 октября 1965):*

Жутко тосковал по обычному городскому движению, толкучке в трамваях, ссорам пассажиров, брани водителей, по тому, чтобы открывать каждый день новых людей и созерцать восходы солнца после проведенной за разговорами ночи, по запаху соснового дерева из костра, усталости ног от ходьбы и спины от рюкзака. По вкусу первой сигареты, выкуриваемой на пустой желудок на рассвете на грязном вокзале чужого города. Такая метафизическая тоска по жизни вообще, то есть, пожалуй, по неустанной погоне за вкусом жизни.

***Гая** (14 ноября 1965):*

Милый мой! Сегодня 14 ноября — годовщина наших первых контактов с государством (чтобы не писать с аппаратом подавления). Прекрасно помню ночь, которую мы провели не дома, и мысли, мучившие меня тогда. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что прогресс не состоится без тех, кто решится сделать шаг вперед (невзирая на последствия), и в то же время меня не оставляла надежда, что в нашем случае будет иначе. (Сегодня могу сказать, что это «иначе» означало «легче».) Стыжусь ли я этого? Знаешь, пожалуй, нет. Мой ответ вытекает из того, что теперь, когда сложились обстоятельства, которых я так боялась год назад, я ни на минуту не оцениваю их как трагедию, зато есть всякие другие, о которых я думаю со страхом. Больше всего, таким страхом со дна души, боюсь, что мы могли бы

когда-нибудь больше не встретиться. Но это страх нереальный, до такой степени нереальный, что функционирует как своя противоположность — радость от того, что мы обязательно встретимся и снова сможем быть вместе.

***Яцек** (26 декабря 1965):*

Здравствуй, моя маленькая! Это письмо должно быть деньрожденьишным. Тебе ведь 2 января исполняется 26 лет. (...) желать чего-то тебе — это и себе желать, так что, пожалуй, я тебя только поблагодарю. (...) Ты, наверное, помнишь, кто-то сказал, что по-настоящему любить — это значит прекрасно требовать, и всегда все больше и больше. Ты это умеешь. Если я теперь живу в хорошем настроении, даже удовлетворенный, то все потому, что работаю. А ведь это ты мне велела работать, объяснила мне, что попросту выжить — это еще совершенно ничего не значит. Спасибо тебе за это.

А кроме требований было еще то, что ты думала и говорила обо мне. Все это было, видишь, на вырост, всегда немного выше меня, хотя и никогда — выше моих возможностей. И я всегда старался быть по мерке твоих представлений, стоял на ушах, чтобы тебя не подвести. (...) Весь мой мир, эти принципиальные ценности и ценности мимолетные, преходящие и неповторимые. Всё это — ты. (...) И за это я особенно хочу тебя поблагодарить, а еще за то, что мы любим одни и те же стихи, и одинаково чувствуем запах сирени, и одинаково чувствуем сильный ветер и осенний дождь.

Встреча в квартире Куронй

***Гая** (28 мая 1966):*

Я вспомнила, с какой глупой гусыней ты имел дело десять лет назад, и не могу опомниться от восхищения, как ты с ней выдержал столько лет. Помню, я была соплячка и компрометировала уважающего себя студента. Несомненно, ты проявил воспитательный талант, но еще и самоотречение не в пример рядовому смертному. О Боже, какая гусиная кожа у меня появляется при воспоминании о твоих мучениях, и не пытайся отрицать.

***Яцек** (тюрьма в Потулицах, 21 августа 1966):*

Ты пишешь: «какая я была бы гусыня, если бы не ты» (т.е. я). Наверное, правда, что благодаря мне ты умнела, но отдаешь ли ты себе отчет в том, что это было обоюдным, что я в Волине был ограниченным и самонадеянным? Теперь я тоже наверняка не мудрец, хотя вместе с тобой — кто знает. Моя ценность росла благодаря тебе и ради тебя. А какая ты была в Волине? Красивая, и по-человечески умная, и чуткая к человеческому несчастью, и еще с сиянием в глазах. В такую девушку я влюбился и люблю все больше. (...)

Я ограничен форматом и полями, так что должен считать каждое слово. Но и твой черед наступил: здешние власти очень просят, чтобы ты писала крупными буквами и делала побольше пробелы между строчками.

***Яцек** (25 декабря 1966):*

Письмо кончается, и это был не такой разговор, которого мы ждем. И хотя я знаю, что среди нас есть бдительные аналитики, но не чувствую себя униженным, совсем наоборот, должен взвешивать свои (...) слова, тяжело. Но ведь и этими убогими словами я пересылаю тебе кусочек себя, и сквозь эту шероховатость ты меня понимаешь. Так, как я тебя, в каждой детали.

***Гая** (10 апреля 1967):*

Осталось нам 11 месяцев и 9 дней, что означает 11 свиданий и вдвое больше писем, и думаю, что мне особенно помогает то, что каждый месяц: апрель, май, июнь — будет последним апрелем, маем, июнем...

В мае 1967 г. Яцек Куронь был условно-досрочно освобожден. В июне 1976 г., после того как началась акция помощи репрессированным рабочим и был создан Комитет защиты рабочих (КОР), Яцек был призван в армию — в часть войск внутренней обороны, расположенную в Белостоке. Обучение проходил как рядовой — звания младшего лейтенанта его лишили.

В мае 1977 г., после акции протеста против убийства краковского студента Станислава Пыяса, сотрудника КОРа, Яцек Куронь был арестован вместе с другими членами КОРа. В это время Гая сама руководила действовавшим с самого начала в их квартире «бюро» КОРа.

***Яцек** (Варшава, следственная тюрьма на Раковецкой):*

Здравствуй, моя маленькая, хорошенькая девочка. Снова письма издалека, армия, тюрьма, тюрьма, и это, должно быть, та судьба, которую я себе выбрал. Ну ладно, себе выбрал, но тебе — почему? (...) За ту неделю, что прошла, я понял, обдумал и теперь уже твердо знаю, что я только твоя половина и попросту не умею без тебя жить.

Не перепугайся только. Я эту тюрьму переживу — достойно и хорошо. У меня с этой точки зрения уже сложилась неплохая рутина, а это просто вопрос рутины и ничего больше. Так что я переживу невзирая на то, как долго это получится. Однако из того убеждения, о котором я говорю в этом письме, вытекает лишь один вывод, и на этот раз я не колеблясь сам его извлекаю: мне нельзя, ни в коем случае нельзя делать что бы то ни было, что может меня от тебя отделить. Вот и вся мудрость. Как это случилось, что я ее раньше не выдумал? (...) Когда вернусь, разлуки кончатся раз и навсегда. Не хочу, не хочу, и всё тут. Так выглядит мое решение.

***Яцек** (26 июня 1977):*

Труднее всего вначале, потому что тогда каждое движение, действие, мысль отсылают к жизни, которая идет за воротами, а тоска — постоянно хищная, жаждущая крови. Ритм проходящих дней и недель смягчает напряжение. Надо только как можно быстрее отказаться от ожидания или, иначе, от близкой перспективы. Труднее всего именно этот отказ. Все в тебе жаждет надежды. Жажда надежды так сильна, что на вид здравый разум способен раздувать самые малые искорки и вот-вот готов радоваться тому, что ты выходишь. (...) Но это продолжается очень коротко. Вскоре эйфория превращается в муки ожидания. Камера становится залом ожидания, а время пухнет и вздувается. (...) Поэтому надо сразу, в самом начале, перспективу свободы взять в скобки. Известно, что выйду, и даже в самом худшем раскладе, в дающей себя увидеть перспективе, но не теперь. Теперь же я должен жить тут и на этой жизни сосредоточиться.

***Яцек** (10 июля 1977):*

В последнее время меня мучит вопрос ненависти, неприязни, зависти или как там еще назвать злобу на людей. Этот заложенный в нас заряд недобрых чувств, которые отбивают сон или, еще точнее, калечат. Ибо носить в себе злобу на человека — то же самое, что быть искалеченным ненавистью. (...) Мысль о том, что кто-то, кто угодно, может быть попросту таким злым, как другие бывают веселыми, меланхоличными, робкими, умелыми... — такая мысль кажется мне со всех точек зрения отвратительной, грязной. Только затем придуманная, чтобы избавить себя от ответственности за то зло, которое мы делаем.

Однако со страхом, жутким страхом, я открываю это зло в себе. Не то что во мне внезапно пробуждается напряженная, ожесточенная вражда к кому-то. Так бывало уже не раз. Хуже всего и, пожалуй, во мне совершенно ново то, что я не хочу, попросту не хочу этого кого-то защищать, объяснять, растолковывать. (...)

В этот момент уже надо поднять вопрос о мести. О чувстве мести, ибо это прежде всего чувство, а только потом — поступок, освященный нашей культурой. (...) месть отвратительна, это зло зла. Я говорил и не раз писал, что зло не имеет самосущего бытия, потому что никто, если говорить всерьез, не хочет делать зло ради него самого. Люди слушали, читали и очень легко соглашались со мной. И только теперь я вижу, что это неправда, потому что как раз месть — зло самосущее. Ибо она основана на удовлетворении желания делать зло, она не служит никаким благим намерениям.

***Гая** (16 июля 1977):*

...Боюсь уехать, потому что совершенно не могу себе представить, что было бы, если б тебя выпустили, а я узнала бы об этом через несколько часов или дней. Я же завидовала бы всем, кого ты раньше увидел и кто тебя мог увидеть раньше, — наверное, умерла бы от адской зависти.

***Яцек** (17 июля 1977):*

Черед надежде. Потому что никогда нет такого мрака, чтобы в нем не было искорки надежды. (...) Люди, которых я люблю, которым верю и которые существуют независимо от всякого воображения, пустоты, нажима... Ты есть, и благодаря тебе есть моя любовь. (...) Благодаря тебе эта любовь — наша и может охватить многих-многих других, очень близких и дальних.

Раз ты есть, значит, есть и другие люди, есть их лояльность, отвага, добросовестность, доброжелательность. На этом человеческом фундаменте построены Добро, Правда, Справедливость. Они не зависят ни от какой фата-морганы. Они трансцендентны — в том смысле, что не утрачивают своего

бытия из-за того, что мы делаем зло, лжем и бываем несправедливы. Однако они человеческие, совершенно человеческие, так как своим бытием обязаны тому, что хоть редко, хоть в мелочах, но мы встречаем людей, делающих добро, говорящих правду, справедливых, и хотим им подражать, и иногда, иногда нам это удается.

Яцека Куроня и других арестованных членов и сотрудников КОРа освободили в июле 1977 г. по амнистии. Во время забастовки на Гданьской судоверфи, 20 августа 1980 г., он снова был арестован, затем освобожден в результате соглашения забастовочного комитета с властями от 31 августа. В ночь на 13 декабря 1981 г., в момент введения военного положения, он был интернирован; в тот же день интернировали сына Куроней. Тремя днями позже была интернирована и Гая.

***Яцек** (Стшебелинек, 15 декабря 1981):*

Опять письмо из тюряги — наша жизнь на войне. На этот раз я, правда, интернирован, но никто не знает, что это значит, лучше и не допытываться. Как обычно, когда я сюда попадаю, начинаю жутко тосковать по тебе, и это бесспорно хорошая сторона всей этой забавы. Благодаря ей наша любовь не становится заурядной, хотя, откуда мне знать, может быть, мы и без этого сумели бы уберечь ее от серости. Не дали нам попробовать. (...) Как получишь это письмо, будешь знать, что можешь мне писать. Ты прекрасно знаешь, что без тебя меня нету. Знаешь, что только от тебя моя радость, сила, жизнь.

***Гая** (Ольшинка-Гроховская, 19 декабря 1981):*

Я не успела выяснить, где ты, а уже сама оказалась в аналогичном положении. (...) Меня взяли в тот момент, когда я вязала тапочки для тебя и Мачека. Ты, наверное, не знаешь, что о покупке тапочек и мечтать не приходится. Оставила спицы и шерсть, а все просьбы и обязанности передала Эве [сестре]. (...)

Яцек, любимый мой, не тревожься обо мне. Здесь легче переждать тяжелые времена — ручаюсь тебе. Я вздохнула с облегчением, когда оказалась в камере. Чувство ответственности меня страшно угнетало, ты сам прекрасно знаешь это состояние.

***Яцек** (14 января 1982):*

Только что получил первую твою открытку — от 19 декабря. Ты прекрасно знаешь, какая это радость, как мне теперь хорошо, красочно, трогательно, весело и печально... Ты знаешь. Тапочки, которые ты вязала, когда за тобой пришли, теперь у меня в камере. Из истории твоей открытки, то есть ее месячного путешествия, содержащей едва лишь два десятка слов, следует сделать вывод, что ты нескоро прочитаешь то, что я тебе сейчас пишу, ну и чем короче буду писать, тем лучше. Такое множество страшно разных вещей хотел бы тебе рассказать, как же так — писать коротко?

***Яцек** (17 января 1982):*

Любить людей можно только тогда, когда любишь того (прости, в этом месте изменю род) — ту одну-единственную. Я глубже всего на свете убежден, что это так. Нужна великая любовь, чтобы любить себя и людей или, если кто предпочитает, потому что это все одно и то же: людей и себя. Только в этой единственной любви можно воистину переживать весь мир как полностью общий с другим человеком. Благодаря этому можно с ним полностью отождествляться, противостоять ему и преодолевать это противостояние на все более высоком уровне.

***Гая** (Голдап, 31 января 1982):*

Не бойся, милый, повторяющихся слов, банальностей, стереотипов. Каждое твое слово я переживаю заново каждый день. Читаю уже знакомое письмо и радуюсь настроению, теплой мелодии, горячим желаниям, которые чувствую за каждым словом, и каждый день чувствую иначе. Иногда, читая, смотрю фильм. Слышу, ощущаю, вижу, как ты со мной говоришь, как горят у тебя глаза, как ты меня обнимаешь. И лишь бы тогда не почувствовать внезапно пустоты, лишь бы позволить продолжаться иллюзии и мягко растаять. Мне случается плакать читая, но плачу я от счастья. Знаю, что прожила с тобой чудесный кусок жизни, и это дает мне силы жить и ждать того, что еще случится.

***Гая** (Дарлувек, 10 марта 1982):*

Какая разница, в Ольшинке я, Голдапе или Дарлувеке? Еще трудней было бы дома, где все наше, но без тебя. Потому-то — правду говоря — я никогда никуда не хотела поехать одна. По своей воле расставаться с тобой? Жизнь и не так не скупится на вынужденные разлуки, прибавлять к этому еще одну — не может быть и речи. Скажи, ты не любил уезжать от меня? Я так ждала каждый день твоего слова, твоего возвращения. И снова, и снова мы ждем друг друга. Просто трудно поверить, что можно чувст-

вовать себя таким счастливым и по своей воле готовить себе такую участь. Я тебе благодарна, мой единственный, за такую нелегкую жизнь. Ты научил меня жить, равняясь на свои мечты, и найти в этом долг и счастье. Так не хочется стыдиться перед тобой и перед собой, и так хочется заслужить твоего признания, быть твоей радостью.

***Яцек** (ксива, 28 апреля 1982):*

Ну, однако хватит веселиться, теперь я должен немного на тебя поворчать — и все на ту же тему: откуда этот тон тяжелых забот в твоих письмах? Как будто ты пишешь из Освенцима. Пишешь, что всем вам так страшно тяжело — почему? (...) Что вас так, дорогие девушки, гнетет? Я и правда спрашиваю со всей серьезностью и не понимаю. В приличных условиях, с высоким жизненным уровнем, у человека, наконец, есть время, чтобы использовать серое вещество спокойно, и — тут же драма! (...) Попробую понять, что это такое — какая-нибудь эпидемия? У меня есть несколько идей на основе самой переписки.

Начнем с того, что твое письмо всё в настроении «вот-вот выхожу на свободу» (...). Это, конечно, психологическое самоубийство. Если бы я себе хоть когда-нибудь позволил такие мысли, то уже несколько лет назад пошел бы лечиться в закрытое заведение. Ни в коем, совершенно ни в коем случае нельзя переживать свое освобождение. Нельзя!!! Это вовсе не значит, что ты должна настроиться на вечное сидение. Наоборот, как говорят воры: только посадить тебя не были обязаны, а выпустить придется. Ну а раз это у тебя как в швейцарском банке, то не ломай голову. Конкретно мыслить ты должна в категориях: что ты прочитаешь, напишешь, сделаешь — сейчас, послезавтра, в четверг... но тут железный принцип! Не ждать!

***Гая** (ксива, 15 июня 1982):*

Наверное завтра я бежала бы на дополнительное свидание в Бялоленку, но тут палочки Коха или другие еще не опознанные вирусы загородили дороги, баррикады, засеки. Все произошло чрезвычайно быстро, и, к своему удивлению, я приземлилась на больничной койке с капельницей в вене, и завтра будет уже неделя. (...) Марека [Эдельмана] обеспокоил мой кашель, и для очистки совести он поставил [меня] перед рентгеном (...) Вдруг все закрутилось, врачиха-рентгенолог сочла, что снимок испорчен, сделала следующий, потом еще два, и не было мне спасения. У меня двустороннее воспаление легких с отеками на обеих долях, со сращениями (продолжающимися, видимо, уже 3-4 месяца) на фоне вирусной или туберкулезной инфекции. (...)

Теперь я понимаю, что та слабость, с которой я боролась и которую не могла принять в Дарлувеке (а началось с этапа Голдап—Дарлувек), это была болезнь, которую тамошний врач не лечил, потому что не соизволил взять стетоскоп в руки, хотя я сама ему говорила, что чувствую себя как во время воспаления легких. Теперь придется лежать около полугода; может, удастся перемежить пребывание в больнице поездкой в деревню или же в санаторий. Одно ясно: от этого не умирают. Так что не тревожься!

***Яцек** (ксива, 7-8 июля 1982):*

Потому что когда тебе больно, когда ты страдаешь, то плевать мне на отечество, на все идеи. Не хочу, не хочу, не хочу... А ведь тебе всегда больно, когда меня нет. Правда? Страшно этого хочу и боюсь. (...) Ну и что я, черт побери, должен делать? [Власти предложили Куроню выехать с женой на Запад.] Я подписал бы сотрудничество с ГБ, но ведь этим тебе принес бы несчастье. Может, ты бы меня даже вышвырнула. Девушки предпочитают уланов, а не бухгалтеров... и что мне, маленькому пёсику, с этим делать. Я не родился Дон Кихотом, нет уже ветряных мельниц, а я (...) пытаюсь бороться с драконами.

***Яцек** (ксива, июль 1982):*

Признаюсь тебе, но, пожалуйста, отнесись к этому как... — запутался и теперь уже должен докончить. Речь идет о том, что я не могу тебя пережить — ибо как же жить без смысла. Прости эти бредни (...) ты лежишь у Эдельмана под капельницей, а я вместо одной только радости и хорошего настроения посылаю тебе какие-то бредни о смерти. (...) Я в тебя безумно, по-сумасшедшему влюблен и (...) каждое слово к тебе переживаю как sacrum. Поэтому, когда я это пишу, то загоняю себя в такое состояние напряжения, а результат ты как раз читаешь. Прости. (...)

Какой странный, прекрасный и нелегкий мир нашей любви. Подумай, как будто все было против нас, а ведь это наше счастье, по-настоящему великое счастье. (...) Что подумают наши внуки — ведь какие-то внуки нам достанутся, — если случайно найдут в старых бумагах это письмо? Сочувствовать нам будут или завидовать? Поймут ли они вообще что-то из всего этого? (...)

Теперь, пожалуй, пришла пора спокойной старости в нашем Бореке. О, проклятье, как страшно я хотел бы там быть с тобой и чтобы наплевать на городскую связь и другие проблемы общего порядка.

Гая *(ксива, 13 июля 1982):*

Чудесный мой, замечательный мой, единственный мой. Ты один-единственный во всем мире. Я тут с ума схожу от тоски, а ты велишь мне тебя бросить и заранее раздираешь душу и примериваешься к роли брошенного. Ничего не выйдет, Яцек, ничего не выйдет. (...)

Яцек *(ксива, 13 августа 1982):*

Вместо ежедневного дневника тебе пишу теперь книгу. Пишу ее все время, сознавая, что это мой разговор с тобой. Начну, однако, с самого главного: в августе получил дополнительное свидание с тобой. Приезжай в любую среду или субботу. (...) Пишешь: ты поставил меня в центре мира. Это правда. (...) Это всё, это наша правда о мире. Так, как мой трактат о любви был о нашей любви. В книге, которая только для тебя, я хочу сделать из нашей правды — правду для всех. На этом основано все мое писание. Открыть миру нашу любовь. И наоборот — заключить весь мир в нашей любви, потому что он — только для тебя.

Гая *(ксива, 2 сентября 1982):*

Ты такой замечательный, такой чудесный — и из-за этого прямо ненастоящий. Иногда, когда я испытываю потребность говорить о тебе, я отдаю себе отчет в том, что далеко не способна уловить самое важное. (...) Я знаю, Яцек, какой это огромный дар — уверенность в самом близком человеке. У меня эта уверенность есть — знаю, что ты меня любишь, что я для тебя важнее всего, что в любых обстоятельствах ты поведешь себя как можно более мужественно. Пусть бы и у тебя была такая уверенность — я очень этого хочу, насколько легче тогда переносить разлуку, проходящее друг без друга время, найти силы для спокойствия. Жаль, что я не умею колдовать — закляла бы тебя в таком ощущении счастья, в каком ты меня заклял.

Яцек *(Варшава, следственная тюрьма на Раковецкой, 5 сентября 1982):*

Ну вот и сижу себе в обычном следственном изоляторе. Здесь за десять лет ничего не изменилось. Возвращаюсь сюда время от времени словно к началу пути. Это имеет глубокий смысл — позволяет посмотреть на самого себя. Редко кому дается такая возможность самооценки — или даже принудительность. Снова всё так, как 17 с лишним лет назад, все такое же, только я все-таки уже другой, а то, что между нами, еще прекраснее, больше и солнечней. Чудо. Думаю, что по ряду самых разных соображений мои нынешние обстоятельства лучше, чем те полууголовные отсидки. Конечно, убыло несколько мелких удобств и прибавилось несколько еще более мелких неудобств. Ну и некоторое время мы не будем видеться ни минуты. Собственно говоря, это только и считается, а впрочем, и это не считается, потому что этот час ничего не мог бы ни заменить, ни выровнять. И так наша жизнь — в нас и перед нами.

Гая *(больница в Лодзи, 27 сентября 1982):*

Испытываю потребность говорить о тебе, а когда это делаю, отдаю себе отчет в том, что мне плохо удается уловить существенное, самое важное, и тогда то, что я говорю, выглядит панегириком и может отпугнуть впечатлительного слушателя. Поэтому я часто отказываюсь от этих попыток, а себя заставляю найти ответ на вопрос, чем ты отличаешься от всех других известных мне людей. Одно знаю твердо: никого не знаю, кто относился бы к жизни с равным твоему чувством нравственной ответственности за себя и свой мир. И такого я тебя люблю, и такого дождусь. Помни, мой милый, хоть бы мне было тяжело и печально — я всегда способна найти радость и силу в тебе. Поэтому не тревожься: выздоровею и уже буду, живя нормально дома, ждать тебя. Когда это наступит, не знаю, моя болезнь сопротивляется лечению, но в конце концов черти ее унесут.

Гая *(21 октября 1982):*

Знаю, что наша жизнь в нас и перед нами. Мы уже столько раз ждали друг друга, столько раз дожидались, и всегда было и есть все прекрасней, зрелее, полней. Видно, это ожидание — наш великий шанс, и, пожалуй, мы с ним справляемся. У меня во всяком случае такое чувство, что я прожила счастливо огромный кусок жизни, и, глядя назад, я просто побоялась бы что-то менять, разве что подвергла бы себя более сильной обработке. (...)

Любопытство во мне огромное: что перед нами? — а это значит, мой милый, что я здоровею и набираю разбег для нового этапа. До сих пор (разумеется, во время этой болезни) я жила прошлым, все время обернувшись за свою, за нашу спину. Теперь пробуждается тревога, любопытство о будущем, желание попробовать вкус жизни.

***Гая** (8 ноября 1982):*

Яцек мой единственный, добрый день. Целую твои самые любимые в мире глаза, улыбаюсь тебе. Ничуть обо мне не беспокойся, я медленно-медленно здоровею и, ручаюсь, когда мы будем вместе, буду уже совсем здорова. Может, останутся мелкие неприятности, такие, как невозможность ходить по горам, лыжные забавы или вообще усилия побольше — но это нас будет огорчать, когда придет соответствующее время, ни в коем случае не про запас. (...)

Гая и Яцек

Чем дольше мы вместе, Яцек, тем интенсивней воспринимаем счастье нашей общности, тем больше страх не растратить, не уронить ни минуты, не разминуться. Помогла нам в этом жизнь, судьба, которую мы себе выбрали; благодаря сумасшедшему темпу, постоянным разлукам или опасностям каждая минута вместе приобрела значение, смысл, краски. И мы ждем друг друга, уверенные, что будет еще прекраснее, еще интенсивнее, еще безопаснее.

***Яцек** (21 ноября 1982):*

Добрый день, моя святейшая девочка. Боже мой сладкий. (...) В этом шестом письме что-то ты, доченька дорогая, напутала. Сначала пишешь, что здоровеешь медленно, но систематично. Затем, что этого твоего выздоравливания не учитывает просвечивание, которое «и не дрогнет». А потом — что на основе просвечивания разные коллеги Марека опасались, что ты умрешь (тебе об этом сказал Марек). В первое мгновение я думал, что меня парализует от страха. Однако осознал, что если бы так было, как у тебя написалось, Марек сказал бы тебе, что судя по твоей «картинке» — ты умрешь. А этого он сказать не мог. Ergo, что-то ты, любимая моя, в этом письме перепутала — слава Богу. Только, солнышко мое расчудесное, не огорчись тем, что ты меня перепугала. Как видишь, это я уже себе объяснил, а тот факт, что Марек рассказывает тебе, что было, прежде чем «опасность миновала», уже утешил меня на долгие зимние вечера. (...)

Но прежде всего я тебя люблю. Это невозможно описать или даже назвать, это со мной каждое мгновение, в каждом дыхании — и тогда, когда бывает мрачно, а мрачно бывает, и тогда, даже в первую очередь тогда, когда солнечно. Потому что благодаря тебе солнце светит даже в пасмурные дни. Пока. Я.

Этого письма Гражина Куронь уже не прочитала. 22 ноября Яцека перевезли из тюрьмы в больницу в Лодзи, где лежала Гая. Они провели вместе целый день, но вечером Яцека забрали в тюрьму. Гая умерла в ночь на 23 ноября 1982 года. ***«Я лежал на койке и молился. Чувствовал, как тяжело Гайке дышать и просил Господа Бога позволить мне дышать с нею. И Бог меня услышал, я это чувствовал. Я старался набирать как можно больше воздуха, но было все хуже и хуже. А потом все перестало у меня болеть. Это был тот час, в который моя Гайка умерла»*** *(Яцек Куронь, «Будь спок, или Квадратура круга», Варшава, 1992).*

Выбрали и подготовили к печати ***Моника Капа-Тихоцкая и Катажина Пухальская***

Karta

Александр Яцковский

БАРТОШИЦЕ

Приграничный район, десяток с небольшим километров от Калининградской области. Нищета, безработица, 27% жителей получают социальные пособия. Здесь налицо все известные виды патологии, характерные для приграничного района, в котором нечего делать, негде провести время и развлечься. Молодежь слоняется по улицам, проводит время, просиживая на лестницах по подъездам. Здесь чаще, чем где бы то ни было, случаются драки и грабежи. Есть кварталы, в которых любой «не свой» будет избит. Скины лупят панков. Как на стадионах, где проходят футбольные матчи. Мы и они — враги. Пугающее проявление «патриотизма». Всего один процент молодых горожан посещает районные клубы, дома культуры. А ведь в городе, насчитывающем двадцать семь тысяч жителей, третью часть составляет молодежь, не достигшая 24 лет. Рабочих мест мало, многие молодые люди уже потеряли веру в то, что когда-нибудь сумеют получить работу. Более 1100 заявлений лежит в районном бюро по трудоустройству. Поэтому понятно, что возникает ощущение маргинализации, отторжения обществом, нарастают конфликты с поколением родителей. Бегством от реальности становятся наркотики, а особенно алкоголь. Пьют взрослые, пьют подростки, даже дети! 65% детей младше 12 лет уже пробовали алкогольные напитки.

В таких обстоятельствах любые попытки както помочь оказываются делом сложным. Но за такое дело взялось общество под названием «Плот», а точнее говоря, Рышард Михальский, искусствовед по профессии, педагог и психолог по призванию.

На протяжении многих лет он работает в Ольштыне с подростками. Работу ведет мудро, без лозунгов и осуждения. Он умеет добиваться того, что собеседники принимают его доводы. Таких людей очень немного. Чрезвычайно мало. Таким был Марек Котанский. Он притягивал к себе массы людей. Его смерть стала невосполнимой утратой. Его не заменит никто. Подобную же роль играет Ежи Овсяк, создавший Оркестр святочной помощи. Харизмой обладает и Михальский. Много лет назад он создал программу «Плот», адресованную молодежи, тем, кто не смог справиться с жизненными трудностями, превратился в алкоголика, наркомана. Он также взялся за осуществление программы «Вблизи границы», связанной с проблемами Бартошице. В анкете конкурса «Малая родина» он написал, что молодые люди там «балансируют между безнадежностью и саморазрушением, свойственными тем, кто оказался на обочине общества или в субкультурном гетто (...) Самая большая опасность для этих групп кроется в отсутствии диалога с окружающим их миром взрослых».

Одной из форм такого диалога может быть художественное творчество, характерное для этих групп, например граффити. Такое творчество может стать средством общения с миром взрослых, возможностью вести творческий диалог с традициями и способом возвращения в общество.

Молодежи предлагалось участвовать в деятельности, способной расширить горизонты мышления, повлиять на изменение стиля жизни. Поэтому Михальский организовал Центр активности молодежи, который стал поддерживать готовность к новшествам и участию в жизни общества, помогая молодым людям начать самостоятельную жизнь в общественной и хозяйственной сферах, помогая устанавливать контакты с местными органами самоуправления. Первым делом была создана Галерея публичного искусства, затем организовано Открытое молодежное бюро по трудоустройству, созданное для тех, кто хотел бы найти работу или потерял ее.

В Бартошице приехала Академия движения из Варшавы. Программу, связанную с местными проблемами, предложил возглавляющий академию Войцех Круковский, директор варшавского Центра современного искусства. В течение трех дней в разных местах города проходили уличные акции с участием членов академии, участников программы «Плот», и, естественно, молодежи из Бартошице. В мероприятиях также принимали участие: взятая у кого-то напрокат белая лошадь, козы, лебеди, струнный квартет и театральный реквизит. На улицах и на автобусных остановках инсценировались разные события, а в воскресный полдень, когда отдыхающие горожане рассаживались на скамейках у пруда, состоялось торжест-

венное кормление лебедей. Молодые люди, переодетые в костюмы, взятые напрокат в театре, прошествовали с достоинством, как в кино, и накормили птиц. Цилиндры и кринолины немало удивили зрителей. Но впервые вид толпы подростков не вызывал беспокойства. Здесь же, на берегу, накрыли стол. Птицы подплывали под звуки музыки. Играл струнный квартет. Зрителям предлагали чашку горячего супа. А на вопрос, сколько это стоит, ребята с прическами «ирокез» отвечали: напишите, пожалуйста, одну строчку стихотворения. Потом, ночью, из этих строчек возникла целая поэма, которую можно было прочесть на вывешенных транспарантах. Люди приходили целыми семьями, чтобы отыскать свой текст. Шестьдесят подростков разрисовали площадь Защитников Вестерплатте животными и спиралями белого цвета. Рисунки напоминали знаки древних цивилизаций, открытые в Перу. «Ирокезной» молодежью руководил Слон. Так его называли. На тележках они перевозили «лес», деревья, спиленные во время прокладки высоковольтной линии. Экскаватор на площади служил подобием дракона. Сухие деревья обернули бинтами и подожгли, выражая таким, несколько странным способом протест против уничтожения природы. Молодежь удивила горожан, снискала их симпатию, а в состоявшихся в скором времени выборах в органы самоуправления один из ее представителей, чуть ли не Слон, был избран в органы городской власти.

Рышард Михальский действовал в Бартошице прекрасно, почти незаметно, но когда я встретил его несколько месяцев спустя, у меня было такое впечатление, что он вернулся из больницы. Спокойствие тоже дорого стоит, особенно если оно прекрасно разыграно. Однако результаты деятельности оказались весьма заметными: одни смогли утвердиться в своей вере благодаря собраниям своей общины, другие учились, играли в капелле, увлеклись фольклором, выступая на рыночной площади. Психолог из ольштынского культурного центра обучил их развивающему движению по методу Вероники Шерборн — отдавать и принимать тепло от других людей. Эти навыки они передавали детям с отставанием в развитии. Важной задачей, объединившей группу, но при этом эмоционально будоражившей горожан, было граффити. Как сказал один из ребят, это — агрессивное вторжение в действительность, попытка разрядиться на стене, некое сообщение о том, что их что-то мучает или что им хорошо. В День защиты детей они раскрасили стену интерната для отстающих в развитии детей, потом — к удовольствию клиентов — заднюю стену универмага. А потом пришел факс от городского совета: «Неформальной молодежной группе, занимающейся нетрадиционными формами проведения свободного времени». Совет обращался с просьбой «выкрасить с помощью цветного напыления» западную стену следственного изолятора. Со всей Польши съехались помощники и выкрасили в Бартошицах более 200 квадратных метров стены, разделяющей школу и тюрьму. В этой акции принял участие также заключенный, за которым присматривал... сам начальник тюрьмы. Покраска стены продолжалась весь день, некоторые работяги по восемь часов просидели на лестницах. Михальский так комментировал это: «Здесь соседствуют друг с другом школьный двор и тюрьма. Еще несколько лет тому назад серая бетонная тюремная стена была неприкосновенна. А теперь стала возможной символическая встреча заключенных, учащихся и подростков из среды альтернативной культуры, и на этой общей стене возник единый образ разных сообществ». Лишь бы такой деятельностью эти контакты и ограничились. За раскрашиванием стены наблюдали многочисленные жители Бартошице.

Я обозначил лишь некоторые направления такой деятельности. Она включает и экспрессию творчества, и занятия, расширяющие знания о мире, о наркотиках, о дурных привычках, а также вырабатывающие активную позицию по отношению ко всему плохому. Поэтому они прогнали людей, резавших лозу в местах обитания бобров, организовали Свободный университет «Плота», в рамках которого были прочитаны лекции по истории искусства, музыки, по этнографии, о театре Гротовского. Наступил выход за рамки субкультурного гетто.

Но программа «Плот» — это лишь предложение, ничего более. Некоторые его приняли, став даже лидерами местного сообщества, другие не выдержали испытания жизнью, колются, занимаются контрабандой, продолжая прозябать на обочине жизни. «В программе «Плот» я не функционер — у меня роль ресоциализатора, — говорит Михальский. — Если нам доверяют, то только потому, что мы не говорим: ты плохой, давай, меняйся. К сожалению, многие люди считают, что из мальчишки в „гриндерах" и с серьгой в ухе ничего хорошего не вырастет. Поведение подростков часто является реакцией на окружающий их мир. Отсутствие работы и жилья приводит к тому, что молодые люди теряются, оказываются не в состоянии выбрать цель в жизни. „Плот" помогает им взять себя в руки, начать мыслить позитивно, поверить в свои возможности».

Александр Гогун

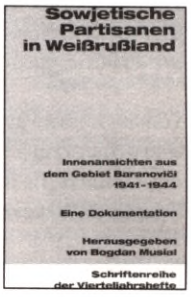
КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Как это было в Западной Белоруссии

...По ряду причин — дальности расстояния, более слабому проникновению наших организаторов, отсутствию во многих районах подпольных партийных центров и налаженной связи — партизанское движение в западных областях Белоруссии развито более слабо...

Партийные организации и партизанские отряды в своей работе должны учитывать особенности обстановки в западных областях: деревня в западных областях единоличная, в связи с чем немцы усиленно разжигают частнособственнические инстинкты и запугивают население колхозами; несколько отличный от нашего уклад жизни населения западных областей, обусловленный долгим нахождением под властью польских панов; более распространенные религиозные чувства; националистическая обработка известной части населения со стороны различных польских нелегальных организаций и натравливание их на белорусское население; враждебная деятельность остатков разгромленных при существовании советской власти партий и организаций.

Глава Центрального штаба партизанского движения, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Пономаренко, 2 августа 1943



Может вызвать удивление тот факт, что события, происходившие на территории Советского Союза, часто лучше изучены за рубежом, нежели в России, Белоруссии, Украине или других бывших республиках СССР. Западные ученые приезжают в местные архивы, собирают материал и публикуют потом исследования, существенно ломающие сложившиеся представления о процессах, событиях и явлениях советской истории. К подобным работам, в частности, относится последнее исследование польского историка Богдана Мусяла, живущего и работающего по большей части в Германии: «Советские партизаны в Белоруссии. На примере Барановичской области. 1941-1944. Документы» (по-немецки). Работа представляет собой нечто среднее между сборником документов и монографией: 25 страниц — вводная статья ко всему сборнику, и еще пять вводных статей по 5-7 страниц к пяти блокам публикуемых документов:

— возникновение партизанского движения, организация, состав и задачи;
— боевые и диверсионные действия, операции по материально-техническому обеспечению, пропаганда;
— отношение к мирному населению, внутренние конфликты, дисциплина;
— еврейские партизаны;
— польско-советская партизанская война в Барановичской области.

Все публикуемые документы находятся в минском Национальном архиве, рядом с каждым актом в книге приведена соответствующая ссылка — номера фонда, описи, дела и листов. Подавляющее большинство приведенных в книге свидетельств эпохи — документация самих партизан: переписка отрядов с Центральным и Белорусским штабами партизанского движения, приказы руководства «народных мстителей», отчеты о проделанной работе, докладные записки с обзором военно-политической ситуации и т.д.

Барановичская область выбрана в качестве примера не случайно: в межвоенные годы она находилась в составе Польши, и ее население составляли три крупные этнические группы — белорусы, поляки и евреи. Как советская власть, так и нацисты в своей политике существенно разделяли эти национальности, поэтому интересно проследить не только социальные, но и межэтнические отношения в условиях нацистской оккупации и партизанской войны — в том числе войны красных партизан против польской Армии Крайовой (АК). Барановичская область — довольно крупная: перед войной ее площадь была 23,3 тыс. кв. км, а население составляло 1,184 млн. человек (к концу войны только красных партизан здесь насчитывалось более 30 тысяч). Свыше 20% территории области составляли болота, свыше 24% — леса, поэтому местность хорошо подходила для действий партизан. Эти действия и попытались организовать советские органы власти, прежде всего НКВД-НКГБ, в первые дни и недели войны (Минск был взят немцами 28 июня 1941-го).

Роль органов госбезопасности в организации партизанского движения на протяжении всего послевоенного времени замалчивалась — война за линией фронта была объявлена «народной» или даже «всенародной». Поэтому говорить о том, что на самом деле, особенно в начале войны, «народными мстителями» были люди «с холодной головой и горячим сердцем», не рекомендовалось.

В первый год войны даже в лесистой Белоруссии партизанское движение, несмотря на все усилия по его развитию, было очень слабым. 2 июля 1941 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко сообщал Сталину: «В Белоруссии развернулось партизанское движение, например, в Полесской области каждое село, колхоз имеют партизанский отряд. Коммунисты оставлены нами на подпольной работе для организации и руководства. Оставлено, отобрано и послано около 1500 человек. Сегодня мной послано 50 отрядов в занятые районы с особо важным заданием, смысл которого не доверяю бумаге». Однако действительность показала, что неважно, сколько человек оставлено, — важно, сколько из них может продолжать борьбу. Заместитель народного комиссара внутренних дел Всеволод Меркулов отмечал в директиве от 27 июля 1941 г.: «Отряды и группы создавались в спешке, буквально за несколько часов, из лиц, которые друг друга не знают, не умеют обращаться с оружием, в частности, с гранатами и взрыввеществами... Для отрядов и групп не выделяются проводники из местных жителей, не выдаются карты и компасы... Отряды и группы инструктируются коротко, в результате чего они не получают достаточно ясного представления о том, что и как они должны делать... Вопросы одежды, питания совершенно не продумываются...» Подготовленные таким образом партизаны стали легкой добычей немецких и коллаборационистских полицейских частей. Особенно тяжкой для партизан была зима 1941/1942 года. По данным Центрального штаба партизанского движения, на начало 1942 г. на всей оккупированной территории СССР насчитывалось 248 отрядов и групп, в которых находилось 34,5 тыс. «народных мстителей», и большинство из их действовало в Белоруссии. Позже, когда Красная армия начала одерживать на фронте победы, а немцы показали населению все прелести «нового порядка», численность «народных мстителей» значительно выросла.

Интересно, что представление о партизанах как добровольных борцах за народное счастье лишь отчасти соответствует действительности: руководство «народных мстителей» с 1942 года под угрозой расстрела насильственно мобилизовало крестьян в красные отряды. До того партизанами были преимущественно чекисты, представители бывшего партсовактива, окруженцы и бежавшие из лагерей военнопленные.

Центральное руководство «народными мстителями» в общем и целом не доверяло не только местному населению, но и самим партизанам. Начиная с 1942 г. в каждом крупном партизанском отряде существовал особый отдел НКВД, который не только боролся со шпионажем и расстреливал «антисоветский элемент», но и проверял всех и вся на благонадежность. Только в Барановичском соединении партизанских отрядов на начало 1944 г. агентурная сеть насчитывала 2000 сексотов.

Недоверие было во многом обоснованным: руководители партизанских отрядов хронически врали в своих отчетах в центр, постоянно преуменьшая собственные потери и баснословно преувеличивая потери врага. Так, после войны на основе донесений партизан количество убитых врагов оценивалось в полтора миллиона человек. Использовавший немецкие документы американский исследователь Джон Армстронг вывел другую цифру — 45 тыс. человек, половину из которых составляли немцы. В данном случае 95% успехов партизан существовало только на бумаге.

Зато отнюдь не на бумаге буйствовал коммунистический партизанский террор, который стал для населения оккупированной области настоящим бедствием. Вот что писал во второй половине 1942 г. в донесении в политуправление Красной Армии помощник командира 125-го партизанского отряда имени И.В.Сталина Никита Бурцев: «Большинство партизанских отрядов питаются, одеваются и вооружаются за счет местного населения, а не за счет добытого в боях с фашизмом. Население проявляет недовольство и говорит: „Немец обдирает, партизанам дай". При заготовке продуктов и одежды со стороны отдельных партизанских отрядов проявляются элементы мародерства и хулиганства».

Следующее свидетельство не менее интересно — оно принадлежит партизану Рудько, воевавшему в бригаде Никитина: «На территории Западной Белоруссии (к которой относилась и Барановичская область. — *А.Г.*) сотни тысяч партизан. Это, главным образом, пленные и окруженцы, вооружены за счет лесов и местного населения (которое подобрало его на полях сражений в сентябре 1939 или в июне 1941 гг. — *А.Г.*). Оперируют в большинстве своем малочисленными группами в 20-40 человек, неплохо, особенно весной и в период, когда были еще гмины (волости), били немцев. Но это была голая стихия, это была месть пленного за все то, что он видел и испытал у немцев. Теперь же они почти все бездействуют — истощились запасы боеприпасов, ни с кем они не связаны, на 100% оторваны от советской действительности. Установки партии и правительства по вопросу партизанского движения не знают. Живя и бездействуя, они неизбежно превращаются в излишний баланс для крестьянства и восстанавливают крестьянство против партизан в целом. Значит наносят вред

партии и правительству, конкретно происходит это так: когда нет немцев, партизаны свободно расхаживают по деревне, никакой работы с крестьянами не ведут, берут у них коров, овец, хлеб и другие продукты. Когда же появляется карательный отряд, партизаны не сопротивляясь бегут, а крестьян бьют и палят за то, что содержали и кормили партизан. Крестьяне прямо говорят: „На какой черт мне такие партизаны, которые забирают последнее и не могут оборонить меня от немца. Не было бы вас, меня не бил бы и палил немец". Это, во-первых. Во-вторых, крестьянина возмущает метод заготовки (так называемый бомбежки) продуктов, которая происходит следующим образом:

Отряд (группа) получает от командования соответствующую деревню — две. Выезжает ночью и подряд забирает в каждой хате все что найдет: сало, масло, сметану, хлеб и др. продукты. Отсюда крестьяне все поголовно прячут. Нередки случаи, когда наряду с продуктами такие „партизаны" обыскивают шкафы, сундуки и берут одежду и сапоги и даже предметы роскоши: одеколоны, часы и др. вещи. Забирают лошадей и повозки для отвоза продуктов, обещая их вернуть, но фактически редко их возвращают. Все это делается без учета социального и экономического положения семьи. Не случайно, когда приезжают партизаны в деревню, играющие во дворе дети, заметив их, бегут в дом и кричат: „Мама, партизаны едут". И мама начинает прятать все, что имеет.

Все это происходит потому, что партизаны оперируют в лесах района, но сам район не контролируется, не удерживается и централизованных заготовок не ведет. Помещики и гмины (волости) разбиты, семьи полицейских в основном разгромлены, и крестьянство осталось как единственный источник для добывания продуктов».

Так описаны партизаны, которые не имели связи с Центром.

Но и «настоящие» красные партизаны вели себя не лучшим образом — например, партийный функционер Дубов так в июле 1943 г. описал положение в бригаде им. М.В.Фрунзе, насчитывавшей 650 бойцов. Нелепость его усугублялась тем, что эта бригада состояла преимущественно из молодых местных крестьян, насильственно мобилизованных в ряды «народных мстителей»: «Командование бригады боевых задач перед отрядом не ставило, не проводило ни одной боевой операции. Обучением и сколачиванием бригады и отрядов не занималось. В бригаде и отрядах отсутствовала дисциплина, процветало пьянство, мародерство и незаконные расстрелы. Население отзывалось о Фрунзенской бригаде, как о мародерах и бандитах».

Врачи, находившиеся в партизанских отрядах, отмечали, что у партизан начинались заболевания из-за того, что в их рационе питания было слишком много мяса. При этом из-за хозяйничанья немцев и «народных мстителей» в ряде районов Западной Белоруссии оставалось по одной корове на 5-7 дворов и по одной лошади на 7-10 дворов.

Как показывают опубликованные в книге документы, Центральный штаб партизанского движения с 1943 г. пытался улучшить дисциплину в рядах «народных мстителей», прекратить повальное пьянство, как-то регламентировать партизанский террор и снизить интенсивность грабежей и вымогательств, а изнасилования местного населения вовсе пресечь. Партийное и чекистское начальство было также недовольно частыми случаями конфликтов между партизанами, перестрелками соседних отрядов, убийствами одними партизанами других. За подобные «проказы» в отрядах стали расстреливать, наказывать кратковременным заключением или обязывать к выполнению сложного задания. Но толку от таких приказов было мало, и случаи «морального разложения» фиксируются в массовом порядке среди белорусских советских партизан вплоть до лета 1944 года.

Принято считать, что основным занятием партизан была борьба с оккупантами. Однако приведенные в книге документы показывают, что дело обстояло далеко не так, по крайней мере в исследуемой области. Как пишет Мусял, «нападения партизан лавинообразно росли на протяжении 1942 года. Партизаны целенаправленно нападали на одиноких немецких солдат, полицейских и служащих оккупационной администрации, охранников, бургомистров, хозяйственных работников и других — всех, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами; убивали их и грабили. Особенно доставалось имениям и сельхозпредприятиям. Партизаны нападали на них систематически, разрушали оборудование, сжигали здания и уничтожали зерно. Эти операции советские партизаны продолжили в 1943 г., так что до конца 1943 г. большинство сельхозпредприятий и усадеб было уничтожено... Партизаны Барановичского соединения вели большинство вооруженных акций против добровольческих и самооборонных отрядов, так же, как и против польских партизан из АК. К маю 1944 г. были уничтожены не меньше 19 из 26 находившихся в области вражеских пунктов обороны, которые были заняты представителями белорусской (а также украинской, литовской и латышской. — *А.Г.*) полиции ("самооховы" ["самообороны"]), "казаками" и "белополяками". Эти акции, как правило, были связаны с репрессиями против гражданского населения».

Например, в боевом донесении №070 штаба партизанской бригады «Вперед» об уничтожении гарнизона в деревне Люгомовичи 27 марта 1944 года, значилось: «Во время 3,5-часового боя по неполным данным было уничтожено до 250 немцев и полицейских и до 400 родственников полицейских...».

Если массовый террор против коллаборационистов и их родственников был инициативой как самих «народных мстителей», так и их руководства, то война советских партизан с Армией Крайовой была вызвана преимущественно приказами главы Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Пономаренко. Последний не мог не получить по этому поводу соответствующих санкций Сталина: решение о войне против антинацистских формирований, действующих по соглашениям с западными союзниками, было бы для одного Пономаренко слишком важным политическим шагом.

Командование АК и командиры боевых формирований первоначально хотели наладить с красными партизанами сотрудничество в борьбе с оккупантами. Однако ненависть главы ЦШПД и Сталина к «польским фашистам», как именовали бойцов АК советские пропагандисты, была столь велика, что летом 1943 г. последовал приказ — разложить польские отряды пропагандой. Позже, в ноябре 1943 г., директивы стали более жесткими: взять в плен и/или уничтожить командный состав АК, а рядовых бойцов либо разоружить, либо включить в советские отряды. Подобная операция была проведена, в частности, 4 декабря 1943 г., когда командование одного из отрядов АК пригласили на переговоры и арестовали, а после допроса командиров либо отправили в тюрьму, либо расстреляли. Из 310 человек, состоявших в этом польском отряде, во время «спецоперации» было разоружено 230, убито 10, ранено 8. Проводились и другие попытки подобных акций. Последовала вполне предсказуемая реакция: АК в Белоруссии почти полностью свернула бои против немцев и начала сражаться против красных партизан, часто вопреки приказам своего политического руководства, находившегося в Лондоне. Только в одной Барановичской области с мая 1943 до июля 1944 г. между отрядами АК и советскими партизанами прошло не меньше 230 боев и вооруженных столкновений.

Особенно досаждал красным отряд прапорщика Здислава Нуркевича. Командование бригады имени Жукова жаловалось в начале 1944 г.: «Банда Нуркевича наносит нам удары сильнее, чем немцы. Она безнаказанно действует в районе Столбцов и Ивенцев. Во время внезапных нападений на деревни она убивает и берет в плен [советских] партизан и связанных с ними людей».

О тайном приказе начать боевые действия против АК узнали как сами польские партизаны, так и немцы, с помощью пропаганды охотно подлившие масла в огонь. Поскольку война «народных мстителей» против АК велась по-советски, то есть в сочетании с террором против польского населения, то последнее начало вступать в коллаборационистскую полицию и организовывать группы местной самообороны. Более того, сами отряды АК в Белоруссии стали налаживать контакты с немцами в надежде получить от них оружие, а также поддержку в борьбе против красных. В конечном итоге отряды АК в Белоруссии были разгромлены НКВД и НКГБ в 1944-1945 гг. Причем контакты польских партизан с немцами были использованы в качестве одного из пропагандистских аргументов действий советской власти против Армии Крайовой.

Заканчивая обзор книги польского историка, можно сделать недвусмысленный вывод о коммунистическом партизанском движении в Белоруссии. В советском политическом лексиконе существовал термин «политический бандитизм» — или, сокращенно, «политбандитизм» — для обозначения антикоммунистической повстанческой и партизанской деятельности. Однако, как показывает исследование Богдана Мусяла, а также опубликованные им документы, это определение неплохо подходит к красным партизанам, сочетавшим масштабные и безоглядные «хозяйственные операции» с истреблением действительных, мнимых и потенциальных противников советской власти, членов их семей и нередко непричастного к военно-политическому противостоянию мирного населения.

Musial B. [Hrsg.] Sowjetische Partisanen in Weissrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranovici. 1941-1944. Eine Dokumentation. Muenchen: R. Oldenbourg Verlag, 2004. 271 s.

Казимеж Краевский

КТО РАССТРЕЛИВАЛ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН?

Чтение текста Станислава Куняева «Кто расстреливал белорусских партизан?», опубликованного в журнале «Наш современник» (2004, №12) ошеломило меня. Степень исторического невежества автора в области, которую он затрагивает — дезориентируя при этом русского читателя — просто поразительна. Общий тезис, который он выдвигает в своей полемике с польскими авторами — прежде всего со статьей Петра Мицнера «Интернированные союзники» («Новая Польша», 2004, №2), сводится к утверждению, что репрессии против бойцов Армии Крайовой, проводившиеся советскими органами безопасности, вступавшими в 1944 г. на земли Второй Речи Посполитой, были по сути дела вполне обоснованными, так как эти бойцы не были «союзниками и товарищами по оружию» антигитлеровской коалиции, но «сотрудничали» с немцами. Это «сотрудничество» заключалось якобы в том, что партизаны АК вступали с немцами в договоренности, направленные против Советского Союза — который, как мы помним, в июне 1941 г., после нападения на него армий Третьего Рейха, внезапно перестал быть союзником Гитлера (в понимании международного права) и агрессором по отношению к Польше и превратился в участника антигитлеровской коалиции. Спор о числе репрессированных польских партизан и количестве среди них генералов становится в этот момент второстепенным. В своих рассуждениях г-н Куняев ссылается на краткую анонимную заметку из немецкого еженедельника «Шпигель» (2000, №19), в которой сжато изложено сообщение немецкого историка Бернгарда Кьяри, опубликованное в журнале «Остойропа» и касающееся, в частности, польско-германско-советских отношений на довоенных польских восточных землях. Как следует из заметки в «Шпигеле», «согласно документам, обнаруженным в одном из московских архивов» (!), подчинявшаяся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне Армия Крайова, сражаясь на оккупированных территориях с немцами, эпизодически вступала в сотрудничество с подразделениями СС и Вермахта — во имя борьбы против большевизма.

Однако важнее самой заметки из «Шпигеля» стал комментарий к ней, написанный г-ном Куняевым. Он пишет о многочисленных документах, находящихся в российских архивах и касающихся этих противоречивых польско-немецко-советских отношений. Г-н Куняев заявляет, что лишь теперь понял, почему о польских военнопленных в СССР, захваченных в 1944-1945 гг., т.е. бойцах Армии Крайовой, поляки до сих пор «молчали». В соответствии с его истолкованием, польские историки не хотели выявлять правду о бойцах АК, которым Сталин определил заслуженное наказание за коллаборационизм с немцами, а советские историки молчали, чтобы «не разрушать "единство социалистического лагеря"».

Трудно представить себе, что такие мысли может высказывать человек, живший во времена «реального социализма» в пределах «социалистического лагеря», где вообще не могло идти речи о независимых научных исследованиях в области новейшей истории. Гораздо существеннее то, что если бы г-н Куняев действительно интересовался сложной проблематикой польско-немецко-советских отношений во время II Мировой войны, ему не пришлось бы в качестве главного аргумента использовать заметку из «Шпигеля» (содержания которой он, по-видимому, несмотря на ее краткость, просто не понял). После 1989 г. в Польше, Белоруссии и Литве появился ряд публикаций, посвященных различным аспектам деятельности Армии Крайовой. Первую монографию об истории Виленского округа АК написал историк из Вильнюса Ярослав Волконовский (этот автор значительное место уделяет польско-немецким переговорам с участием полковника Кшижановского). Сообщали о них и польские историки Петр

Нивинский и Лонгин Томашевский в своих работах, посвященных действиям Армии Крайовой в Виленском крае. Конфликту между отрядами АК и советскими партизанами на территории сегодняшней Белоруссии посвящена и книга историка из Минска Сигизмунда Бородина («Неман — река раздора. Польско-советская партизанская война в 1943-1944 гг.», Варшава, 1999, по-польски). Отношения между Армией Крайовой, советскими партизанами и немцами на этой территории рассматриваются в нескольких главах монографии автора этой заметки («На Новогрудской земле: „НУВ" — Новогрудский округ АК», Варшава, 1997, по-польски). В этой последней работе были опубликованы важные документы, относящиеся к польско-немецким отношениям. Таким образом, о теме, вызвавшей такое возбуждение г-на Куняева, уже давно не «молчат», а основные сведения и материалы годами используются в научной литературе. Уже в середине 90-х эту тему чрезвычайно объективно осветили белорусские историки и архивисты Александр Хацкевич и Григорий Бялкевич. Если же г-н Куняев предпочитает пользоваться литературой на немецком языке, то следовало бы проинформировать его, что три года назад появилась коллективная монографии под редакцией столь уважаемого им Бернгарда Кьяри «Польская Армия Крайова. История и миф Армии Крайовой со времени II Мировой войны» (Мюнхен, 2003, по-немецки), где Петр Нивинский, Сигизмунд Бородин и автор этих строк уделяют значительное внимание нескольким единичным случаям кратковременных переговоров между некоторыми отрядами АК и немцами. Из тщательного анализа документального материала следует, что эти переговоры были начаты по инициативе немецкой стороны, однако не привели ни к заключению каких бы то ни было соглашений, ни к «коллаборации» между АК и немцами. По данным белорусских историков А.Хацкевича и Г.Бялкевича, опубликованных ими в 1995 г., в июне 1944 г. немецкие разведслужбы в рапорте, направленном в штаб Группы армий «Центр», сообщали: «В результате тщательного анализа сложившейся ситуации можно прийти к заключению, что заключение договоренностей с польскими бандами принесет Вермахту больше вреда, чем пользы, которую мы извлекали до настоящего времени из их действий». Известен случай, когда офицер АК, принявший немецкое предложение о проведении переговоров, был приговорен трибуналом АК к смертной казни. Что касается переговоров, которые велись полковником Кшижановским, то следует подчеркнуть, что из-за содержания польских требований: прекратить военные действия и карательные операции и освободить пленных — они ничем не закончились. Якобы выраженная поляками «готовность оказать... помощь Гитлеру», о которой вслед за «Шпигелем» пишет г-н Куняев, — это не что иное, как немецкие ожидания, которые так никогда и не сбылись. Упомянутые эпизоды польско-немецких переговоров, фактически касающиеся горстки бойцов АК, не имели никакого значения для боевых действий АК в целом — Армия Крайова в то время была военной организацией, насчитывающей более 400 тысяч бойцов. В 1944 г. в партизанских отрядах АК в рамках операции «Буря», проводившейся на востоке Польши, с оружием в руках против немцев сражалось более ста тысяч человек, а в Варшавском восстании — около 50 тысяч. Впоследствии почти все уцелевшие были разоружены Красной Армией. Многих из них отправили в лагеря вглубь России или подвергли иным репрессиям. Чрезвычайно важно, чтобы российские читатели знали, что летом 1944 г. перед лицом решительной позиции, занятой западными союзниками, даже гитлеровская Германия соблюдала права бойцов АК как солдат действующей армии, наделяя их статусом военнопленных, тогда как в СССР вопреки международному праву к ним относились как к уголовным преступникам.

Совсем необязательно искать ответ на вопрос, кто несет ответственность за кровавый конфликт между советскими партизанами и Армией Крайовой, в журнале «Шпигель». Его можно найти в российских архивах, в директивах политического руководства советского партизанского движения. 22 июня 1943 г. ЦК КП(б) Белоруссии разослал всем подпольным центрам закрытое письмо («О военно-политических задачах работы в западных областях БССР»), в котором предлагалось всеми средствами вести борьбу с польскими националистическими отрядами и группами (а именно так большевики рассматривали отряды АК). И действительно, использовались все средства — от вероломного разоружения тех отрядов АК, у которых были заключены официальные договоренности о сотрудничестве с советскими партизанами (партизанская бригада АК под командованием «Кмицица» на озере Нарочь в августе 1943 г., Столпецкая группировка АК в Налибоцкой пуще в декабре 1943 г.), засады и нападения на отряды АК, внедрение агентов и ликвидация подпольных структур АК, анонимные доносы немцам на

членов АК, применение массового террора по отношению к населению, поддерживающему АК (например, карательная операция в городке Налибоки в мае 1943 г., а также в деревнях: Конюхи — в январе, Лугомовичи, Изабелин, Качаново, Бабинск, Провжалы — в феврале, Щепки и Невонянцы — в апреле, Камень — в мае 1944 г.).

Упоминавшийся выше белорусский историк Сигизмунд Бородин так оценивает характер и причины польско-советского вооруженного конфликта на территории сегодняшней Белоруссии: «Вина за развязывание конфликта между АК и советским партизанским движением в Новогрудском районе лежит на последнем. Именно оно выполняло директивы руководства СССР, направленные на то, чтобы как можно быстрее ликвидировать Армию Крайову на восточных территориях, принадлежавших до войны Польше (...) как силу, которая могла противостоять агрессивным планам СССР. (...) Нетрудно заметить, что обострение польско-советского конфликта в Новогрудском регионе тесно связано с этапами "решения польского вопроса" руководством Советского Союза. (...) Переход к прямым военным действиям (...) произошел в тот момент, когда Москва знала, что США и Великобритания готовы согласиться, чтобы Польша вошла в сферу советских интересов. (...) Таким образом, действия Барановичской группировки советских партизан против АК не были реакцией местного советского командования, но выполнением директив руководства СССР по "польскому вопросу"».

Беда в том, что г-н Куняев не желает опираться ни на советские архивные материалы, ни на какую-либо серьезную научную литературу, а свой образ польско-немецко-советских отношений основывает главным образом на лозунгах прежней коммунистической пропаганды, правильность которых призвана подтвердить малюсенькая заметка из «Шпигеля» (трудно ожидать, чтобы не разбирающийся в том или ином вопросе читатель формировал свои взгляды на основе обсуждения анонимной заметки, содержащей менее 20 фраз, — однако г-ну Куняеву этого оказывается совершенно достаточно).

Куняев в своем тексте передергивает факты не только в принципиальных вопросах, но и в мелочах. Стоит обратить внимание на два снимка, иллюстрирующие заметку в «Шпигеле». На одном из них мы видим командующего Виленским округом АК подполковника Александра Кшижановского (подпольная кличка «генерал Волк») в довоенной форме Войска Польского, а на другом — группу людей в военной форме с трудноразличимыми знаками отличия, расстреливающих нескольких стоящих на коленях гражданских лиц. Общая подпись гласит: «Казнь во время II Мировой войны». В своем комментарии Куняев безапелляционно утверждает, что это «белопольские» партизаны (т.е. бойцы АК) расстреливают «белорусских партизан», а награда на груди у подполковника Кшижановского — это якобы немецкий «железный крест». В действительности же на груди у офицера мы видим польскую военную награду — крест «За отвагу», который он получил за мужество, проявленное в войне с большевиками в 1919-1920 гг., а вовсе не немецкий «железный крест»! Что в действительности показано на втором снимке — сказать трудно из-за неразличимости самой принадлежности военной формы. Можно полагать, что в польско-советском партизанском конфликте на территории теперешней Белоруссии погибло около тысячи советских партизан. Однако в несколько раз больше людей в масштабе всей Белоруссии было расстреляно «спецотрядами» советских партизанских бригад (представлявших собой ячейки НКВД и НКГБ) в рамках «чистки» своих рядов от «ненадежных элементов». Быть может, именно это обстоятельство и представляет собой частичный ответ на вопрос, заданный г-ном Куняевым? Русские читатели должны также знать, что гораздо чаще, чем большевики, перед дулами винтовок польских партизан оказывались гитлеровцы, виновные в преступлениях против гражданского населения.

Казимеж Краевский *— историк, научный сотрудник Института национальной памяти.*

Ежи Помяновский

К ИСТОРИИ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Вопрос о судьбе красноармейцев, взятых в плен польской армией в 1920 г., стал устойчивым элементом кампании, направленной на возбуждение у русских ненависти к Польше и полякам. Стоит напомнить, что эта кампания развернута в ответ вовсе не на какую-то якобы имевшую место ложь и оскорбления с польской стороны, а на простое требование извлечь гласные правовые последствия из памятного, заслуживающего уважения акта высших *российских* властей. Президент Российской Федерации Борис Ельцин вручил исторические документы — в том числе постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года — президенту Польши Леху Валенсе, торжественно подтвердив, что польские офицеры, интернированные в Старобельске, Козельске, Осташкове, были казнены весной 1940 г. по приказу Сталина. Тот, кто пытается это опровергнуть, обвиняет во лжи *российское* руководство, *российское* право, *российскую* историю.

В этом духе действуют и авторы, утверждающие, что Катынь была лишь отместкой полякам за истребление советских военнопленных в 1920 году. Некоторые из них доходят до 80 тысяч уничтоженных в плену красноармейцев, что почти равняется общему числу взятых в польский плен, которое (с небольшой разницей) называли оба главнокомандующих — и Пилсудский, и Тухачевский (эти цифры можно найти в польском издании отчетов о кампании их обоих, изданном по указанию Пилсудского).

Такие высказывания мы с горечью вынуждены признать частью кампании дезинформации, имеющей целью изгладить из памяти русских катынское преступление. И, к сожалению, эта операция продолжается.

Ни в коем случае не отрицая мук и унижений пленных красноармейцев в Польше, мы констатируем, что одно не подлежит сомнению: в 1920 г. в Польше их не убивали умышленно и по плану. Здесь не может быть никакого сравнения с плановым и буквальным истреблением, предпринятым по решению политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. по отношению к интернированным польским офицерам, по преимуществу призванным в армию из запаса и принадлежавшим к интеллигенции. Тот же план гильотинирования народов Сталин применял к своим собственным подданным — чувашам, украинцам, наконец самим русским.

Здесь не требуется никаких споров о цифрах, даже о такой, как приведенное Анджеем Новаком число 65 797 пленных красноармейцев, вернувшихся из польского плена в результате послевоенного обмена. Дадим слово личным свидетельствам.

Вот красноречивый случай, приведенный в дневнике выдающегося польского писателя и историка Павла Ясеницы:

«Сейчас я внимательно читаю печатающиеся в „Войсковом пшеглёнде хисторичном" воспоминания генерала Ежи (Георгия) Бордзиловского. В 1920 году он служил в Красной Армии. Попал в польский плен. Колонна военнопленных оказалась в серьезной опасности, когда ее заметили какие-то казаки, которые перед тем перешли на сторону войск Пилсудского. Они уже собирались атаковать и рубить, когда по приказу унтер-офицера, командовавшего конвоем, познанские пехотинцы-конвоиры взяли оружие наизготовку, чтобы в случае необходимости дать залп в толпу союзников, и это — защищая безбожных коммунистов, красных большевиков, военнопленных, охраняемых законом.

Этот отрывок из генеральских мемуаров хорошо совпадает с моими собственными воспоминаниями.

Каждый волен так или иначе оценивать киевский поход Юзефа Пилсудского. На мой взгляд, это была попытка вернуть Европу в истерзанные края».

Ежи Бордзиловский вернулся из польского плена в советскую Россию. Стал офицером Красной Армии, а в 1944 г. уже в чине генерала был делегирован в Людовое Войско Польское [польская прокоммунистическая армия, создававшаяся на территории СССР в 1943-1944 гг.], где занимал всё более высокие посты вплоть до начальника Генерального штаба (1954-1965). Он оставался последним советским офицером польской армии до 1968 г., когда вернулся на свою советскую родину.

Добавим, что, как нетрудно заметить, он избежал печальной судьбы многих других красноармейцев, вернувшихся в 1920 г. из польского плена. Значительная их часть погибла в 1937-1938 гг., осужденная пресловутыми «тройками» (ОСО) как раз за то, что им удалось без ущерба вернуться из польских лагерей; этих коренных русских обвиняли в принадлежности к... тайной польской организации ПОВ, якобы действовавшей тогда в СССР. Доказательством могут служить хотя бы документы, обнаруженные майором КГБ Олегом Закировым в архивах смоленского УКГБ (см. публикацию его воспоминаний в №№9 и 12 «Новой Польши» за 2005 год и в №4 этого года).

Чтобы окончательно выполоть на нашем общем поле сорняки дезинформации, намеренно затемняющей смысл этой горестной истории, приведем один яркий пример.

В №11 нашего журнала за 2001 год мы напечатали воспоминания одной из таких жертв «большой чистки» — комиссара РККА Подольского (Н.А.Валдена), присланные нам его дочерью Натальей Подольской, заслуженной переводчицей и писательницей. Текст воспоминаний изобиловал жуткими описаниями мук и страданий пленных красноармейцев в польском плену в 1920 г, но в то же время явно показывал, что поляки не совершили и не планировали их массового истребления. В журнале «Наш современник» (2002, №5) его главный редактор Станислав Куняев обвинил «Новую Польшу» в манипуляции и сознательном искажении опубликованного текста. Наталья Подольская решительно опровергла это обвинение («Новая Польша», 2004, №3), доказывая, что наша редакция не изменила ни слова в тексте, который она нам прислала по своей инициативе. Дочь автора лишь сократила для нашего тонкого ежемесячника большое повествование (помещенное в 1931 г. в «Новом мире» и в Польше практически недоступное), ни на йоту не изменив ни оценки описанных событий, ни политического звучания отцовских воспоминаний. Обвинять наш журнал в том, что мы поместили эти горькие, неприятные для польского самомнения и поразительно правдивые отрывки из воспоминаний военнопленного, а не весь текст целиком, — оскорбительная нелепость. В своей статье Н.Подольская привела ряд выдержек из воспоминаний отца, свидетельствующих о нередких проявлениях сострадания польского окружения к советским пленным. Она с возмущением оценила обвинения «Нашего современника» как не только ни на чем не основанные инсинуации, но и сознательную дезинформацию, натравливающую русского читателя на Польшу и поляков.

Мы считали, что тем дело и кончится и что сочиненьице Куняева «Шляхта и мы» — всего лишь выпад патологического клеветника. Однако, к нашему изумлению, то же самое, уже опровергнутое обвинение в манипуляции воспоминаниями Подольского появилось — притом как главный довод — в статье известного историка Геннадия Матвеева, напечатанной в московском журнале «Родина» (2004, №7). Автор приводит примеры мнимых искажений текста... редакцией «Новой Польши» (приводя, как правило, только отточия, т.е. доказательство сокращений) и совершенно не принимает во внимание свидетельства Натальи Подольской. При этом, подчеркнем, сам он пишет, что «Новую Польшу» продолжает получать. Разочаровался же он в журнале лишь после описанного случая (т.е. после публикации трехлетней давности, которую почему-то вспомнил теперь); в остальном он, видно, не нашел доказательств нашей русофобии. Выбирая одно из двух предположений: или господин Матвеев повторяет инсинуации Куняева с той же клеветнической целью, или он стал жертвой незнания и небрежности, — мы предпочитаем склониться ко второму из них, хотя историку такие методы работы и не к лицу.

Мы ждем, что профессор Матвеев исправит свою ошибку на страницах того же журнала, в котором он выдвинул ни на чем не основанные обвинения против «Новой Польши».

Тадеуш Новаковский **Перевод Натальи Горбаневской**

ПЕТЯ

(Из сборника рассказов «Несотворенное»)

Тучи шли как ледоход.

Мельников лежал в траве и смотрел в небо. Лицо у него было по-солдатски круглое, румяное и лоснящееся жиром. Нос слишком короткий и широкий, зубы испорченные. Деревенская голь, загнанная на армейскую службу, в результате регулярного питания мучными блюдами уже через несколько месяцев носит под солдатскими фуражками толстощекие лица. Мельников прищурил небольшие веселые глаза, поскреб идеально круглую небритую щеку и сплюнул на колышущийся стебель. Потом расстегнул рубаху на волосатой груди и положил широкую ладонь на сердце. Он чувствовал, как хлещет под кожей. Хотел заснуть, но не мог успокоить сбивчивые мысли. Сдвинул фуражку на лоб и распрямил длинные ноги, обвернутые в запачканные портянки. Под спиной, через материю гимнастерки, он ощущал успокаивающую влажность молодой весенней травы, а на выпуклых веках без ресниц — холодную примочку мартовского ветра. Повернулся на бок, лицом к озеру, и пальцами отклеил прилипшую к десне махорку. Снова зашевелился, как в неудобной кровати, и приник грудью к земле, загребая руками траву на голову. Он не мог найти усталому телу удобного положения. Несколько часов он был в безопасном месте, но что-то еще побуждало его бежать дальше. Он чувствовал себя как машина, уже выключенная рабочим, но еще сотрясаемая последними оборотами угасающего двигателя.

Тучи спускались все ниже, почти касаясь верхушек деревьев. Потемнело, ветер принес несколько крупных капель дождя. Мельников встал. Почувствовал, что голоден. Лицом разгоняя стайки прибрежных мошек, сквозь папоротники он дошел до берега озерца. Надул толстые щеки и изжеванную махорку выплюнул в воду. Потом снял фуражку: ему пришло в голову, что пока он ее носит — остается солдатом.

Нащупал ногой камень в камышах, выкопал его каблуком и положил в фуражку. Довольно долго взвешивал сверток в руке, словно колебался. Наконец неуверенным движением зашвырнул в глубину. Когда фуражка булькая пошла на дно, он пригляделся к расходящимся по воде кругам, и впервые его охватила тревога. Правильно ли он сделал, перебежав на эту сторону? Ему пришло в голову, что озеро выглядит как потрескавшееся зеркало, и он вздрогнул: разбитое зеркало — к несчастью!

Это не предрассудок! Так верили у них в халупе, в Федосове и окрестностях, хотя после этой войны там не осталось ни одного целого зеркала, а перед танцами молодежь гляделась в ведро воды или в соседнем доме, у Афанасия Грачева.

На мгновение он увидел их лица в тесной, обмазанной известью избе, пахнущей печеными яблоками. Строгий Грачев, брюзга из сельсовета, с седыми, по-атамански закрученными усами. Веселый кузнец Коля Афиногиев, без переднего зуба, с рыжими бачками до середины щеки. Тот самый, что привез с финской войны трофейный граммофон с огромной жестяной трубой и пластинкой «Смеющийся полицейский». А около него — Машенька, маленькая Машенька, взглядом зовущая в сарай, на сено, с толстой задницей, в самую темную ночь светящейся возле черного солдатского голенища. И Настасья Спиридоновна, Настуся, дерзкая, тяжелогрудая, всегда пахнущая резким мылом, держит шпильку для волос в толстых алых губах, потрескавшихся от ветра, и укладывает свою черную копну перед закопченным зеркалом. Печеные яблоки шипят на печи. Сок из них течет как живица. «Иди, иди скорей! — пищит Машенька, позвякивая стеклянными кораллами на загорелой шее. — Уже Ванюшка побежал с гармонью!»

Мельников сплюнул в воду, поднял воротник и двинулся к лесу. Дождь разошелся вовсю. В колеях лесной дороги блеснули лужи. Становилось все темней и холодней.

Чтоб согреться, он побежал. Только теперь почувствовал, как он устал и голоден. Бросил взгляд на часы.

Шесть! В шесть повар Борис выдает в столовой ужин! А над столовой, по тесной канцелярии, засунув руки в карманы, бегает лейтенант Гундоров и кричит: «Куда девался этот дурак Мельников?»...

Он громко рассмеялся. Он как будто видел их перед собой! Толстая шея лейтенанта, тремя складками сморщившаяся над воротничком, наливается красным, а телефонист, славный Степан, дружок со времен войны (134-й запасной стрелковый полк), в ужасе разводит руками и говорит: «Ну и черт этот Мельников! Взял увольнительную в город и не вернулся!» Но в душе славный дружок Степан с восхищением прибавляет: «Не такой он дурненький, коли за несколько дней до выезда полка из Германии в матушку-Россию собрался и пошел ко всем чертям!»...

Так Мельников бежал, размышляя о многом, час, а может и дольше. Пока по нарастающему ливню и незначительному просвету над ветками не заметил, что лес разрежается. Еще четверть часика, и его овеял холодный мокрый ветер — знак, что лес кончился, а вокруг тянутся рощи. Он замедлил шаги, потому что ему казалось, будто поблизости он слышит сдавленный крик.

Он остановился и, потирая для разогрева залитый дождем череп, стал вслушиваться. Человек или зверь? Крик повторился несколько раз с короткими промежутками. Он доносился с левой стороны дороги и звучал как собачий скулеж. На отяжелевших ногах Мельников побежал в ту сторону, от усталости спотыкаясь об корни.

Когда он остановился перед небольшим домом, крик перешел в вопль. Он встал на цыпочки и через приоткрытые ставни заглянул внутрь слабо освещенной комнаты.

Маленькая фигурка, скорчившись в углу, заслоняла худыми руками распатланную голову. Высокая сутулая женщина, стоявшая спиной к окну, подымала руку для удара.

При виде этого Мельников затрясся и одновременно услышал колотун собственного сердца, барабан дождя, бьющего в жестяное ведро у порога, оборванный плач, хриплую одышку. И сразу после этого — стук своего тяжелого кулака по ставню.

Все дни своего пребывания в американской зоне Мельников помнил в этот вечер. В растрепанном языке пламени керосиновой лампы, в шатании света и тьмы он увидел полные ужаса глаза, вспотевший лоб с прилипшими космами волос, тощую шею с раздутыми жилами, узкие, наглухо сжатые губы.

В комнате было душно. Из щелей печи пробивался зеленоватый дым и шипение мокрого торфа. За окном лило без устали. Из угла комнаты доносилось тихое нытье девушки.

Из того, что бормотала старуха, он понял, что вина ее дочки была невелика: разбила ламповое стекло. Он заглянул в угол. Скорчившийся клубок все еще заслонял голову руками. Он в ужасе отшатнулся. На него поглядело лицо, искривленное гримасой. Слишком большая голова, припухшие глаза, шея обмотана тряпкой. Мельников услышал визг злого звереныша, его уколол взгляд, полный ненависти. Он отпустил тощую руку. Девушка вернулась на свое место и свернулась в клубок, снова накрывая голову руками. Мать значаще покрутила пальцем у виска. Из печи бухнула новая струя дыма.

Мельников хотел выбежать на двор, но так устал, что рухнул на ящик с торфом. Почувствовал пронизывающий холод мокрой одежды, прилипавшей к телу, и его прохватило дрожью.

— Brot! — крикнул он в нетерпении. — Давай! Aber schnell!

Немка успокоилась. Отерла пот со лба рукавом, поправила космы волос. Глядя на него внимательно, спросила:

— С той стороны? Russe?

Он равнодушно кивнул, вгрызаясь в буханку хлеба. За много месяцев оккупационной службы он кой-как выучился объясняться по-немецки, но сейчас у него не было охоты разговаривать. Девушка из угла переползла к печке и билась головой о ведро с торфом. Дыма в комнате становилось все больше. Ливень колотил по крыше с нарастающим остервенением.

— Далеко ли до города?

— Десять километров.

— До завтра у вас останусь. Не бойтесь. Утром пойду дальше.

От дыма его подташнивало. Комната колыхалась с каждым колебанием пламени. Он подошел к топке и снял промокшую куртку. Девушка засмеялась при виде скатывающихся капель. Высокая женщина бдительно водила за ним взглядом. Мельников слышал ее тревожное дыхание. Он отлепил рубашку от тела, выжал и повесил над печкой. Кретинка хихикала захлебываясь, подставляла лицо под стекающую воду. На мощных плечах молодца блеснули капельки дождя и пота. Когда он попробовал снять сапоги, чтобы вылить из них воду, у него потемнело в глазах. Он дотащился до логова под окном и грудью рухнул на солому. У него не было сил пошевелить ногами, но тут он почувствовал, что старуха укладывает его на постель и укрывает одеялом.

— Danke schön... Danke schön, лейтенант Гундоров, — сказал он уже в полуобмороке и уснул как камень.

Когда Мельников открыл глаза, он увидел над головой грязный, в трещинах потолок с потеками от дождя. В комнате было светло. Сквозь щель в

окне проникал сноп солнечного света. За окном весело посвистывал дрозд. Мельников пошевелился и почувствовал около себя чужое тело. Он увидел, что лежит раздетый, оплетенный женским объятием. И сразу все вспомнил. Искоса он приглядеся к лежащей. Она спала с открытым ртом, ритмично дыша. Черты у нее были резкие, как вырубленные из дерева. Кожа восковая, напоминающая выцветшую краску на старых иконах. Ей было самое большее лет пятьдесят, свет из окна падал на ее тяжелые, выпуклые веки, обнаруживая сеть мелких лиловых жилок и несколько седых ниток в густых мужских бровях. Он откинул одеяло. Несмотря на старое лицо тело у нее было еще молодое, ноги короткие и мускулистые, как у деревенских женщин.

Мельников не чувствовал ни болезни, ни усталости. Ему захотелось выбраться из объятий, одеться и как можно скорей покинуть мрачную комнату, но спящая, слово предчувствуя его намерения, обняла его сквозь сон еще сильней. Он закрыл глаза и вспомнил другое плечо, круглое, пухлое и теплое, как дрожжевое тесто... Это было прошлой весной. В Бидерице под Магдебургом, в рабочей колонии. Сначала он не хотел поверить, что рабочие живут в белых домиках с садиком, балконом и ванной. Но маленькая крепкая военная вдова с ямочками на щеках и золотыми зубами, хозяйка домика, сама работала на заводе. Вдова-хохотунья, вдова-кошечка! Когда она смеялась, то сгибалась пополам, как перочинный ножик, и хлопала мужчин по ляжкам. «Подожди, Петя! — говорила она перед тем как расстегнуть лифчик, когда выпускала свою белоснежную грудь, как двух голубей из клетки. — Ein Augenblick! Мой бедный Генрих не смеет этого видеть!» — и поворачивала к стене лицом портрет мужа, погибшего под Харьковом. Деликатная была, вежливая, а уж веселая! Любила петь и плясать, как наши девчата из окрестностей Федосова, да только наши не такие хитрые и сильнее любятся!

Под влиянием внезапных воспоминаний Мельников почувствовал, что солнце, брызжущее из приоткрытых ставней, жжет ему глаза и иссушает слюну в горле, что его раздражает шершавое прикосновение бумазейных простынь. Он прижал к себе горячее женское тело и рассмеялся горловым смехом. Проснувшись, она испустила подавленный вскрик, потянулась и закинула тяжелые руки ему на шею. Он закрыл глаза и вслушивался в щебет трепещущей за стеной птицы. Вскоре его охватил ленивый покой, он ощутил на затылке, на короткой солдатской щетине, приятное поглаживание по шерстке, удовлетворенно улыбнулся и снова уснул.

Но уже на следующий день, когда Герта выгладила ему гимнастерку и смазала армейские сапоги жиром, он ощущал на себе ее благодарность как несвежее белье. Она принесла ему таз горячей воды, достала из комода мыло, расстаралась и нашла бритву. Когда он брился, она держала ему зеркальце, не сводя глаз с его лица. При этом он заметил, что пальцы у нее длинные и сухие, обтянутые кожей, сморщенной как после стирки. С неудовольствием Мельников обнаружил, что она зачернила седые нитки в бровях и уложила волосы завлекательными волнами. Губы ее и щеки показались ему подозрительно алыми, шея была посыпана ароматичной пудрой. Она надела на голое тело короткое светлое платье, а на шею — яркую косынку в цветочек. На мускулистых ногах блеснули светло-розовые чулки. Женщина не позволяла ему встать с его соломенного ложа, которое застелила простыней и тяжелой периной, и не отнимала холодных рук от его атлетического торса.

Мельников был мужик мягкий. Сначала он улыбался широкой честной улыбкой и называл ее «мамочкой», а потом сердца не хватало огорчить ее непослушанием. Ненормальная девушка куда-то исчезла, наверно умышленно отосланная из дому.

На третий день его охватила скука и отвращение к себе самому. Он решил сбежать в город.

— Надо, — сказал он мягко. — Я бежал с определенным планом...

— А с каким это планом ты бежал, Петя?

— В Америку попасть.

Она рассердилась:

— Глупый-глупый Петя! А зачем уезжать так далеко? Оставайся здесь! Здесь тоже хорошо!

Мельников поглядел на нее со страхом. Она была похожа на птичье чучело. Как тогда, когда он ей не позволил избивать дочь. Рот превратился в узкий шрам, как после надреза ножом, богатая сеть жилок на выпуклых веках налилась кровью.

— Чего там Америка! Здесь тебе лучше будет!

— Там лучше!

— Послушай, Петя! Моя сестра уже несколько недель умирает от рака, в этом месяце наверняка помрет. Большую механическую пекарню в центре городе записала на меня. Больше ста тысяч марок стоит! Поедем после ее смерти в город! Станешь моим мужем. Петя! Богатый будешь! Буду тебе служить! Работать тебе не надо будет!

Мельников молчал, жуя кончик языка, и глядел на носки смазанных жиром сапог.

— Почему молчишь?

— Граница близко. Опасно. Я хочу за море!

— Оставайся! Чего спешить? Америка от тебя не убежит.

— Уж конечно не убежит, — засмеялся Мельников. — А убежит, так я ее догоню!

— С чего это тебе Америка вбилась в голову? — спросила она, обнимая его рукой. — Почему от своих сбежал? Чего-то натворил? Признайся...

Петя сел на постели, сморщил невысокий лоб, в который врезался треугольник солдатской щетины, и заговорил:

— Вот ведь, поумнел человек за границей! Вот и все. В Бидерице под Магдебургом познакомился я с одной вдовой... — он показал рукой ее росточек, — такая маленькая. Kleine Witwe! Маленькие ручки, маленькие ножки, большая грудь. А веселая, а добрая, а вежливая! Помогал ей копать огород весной...

— Помогал ей копать огород весной, — рассмеялась старая со злым недоверием. — Ты-то, лодырь, ты! Постыдился бы!

Она расстегнула ему рубаху на груди и пальцы погрузила в волосы, а Петя разговорился:

— А то у нас говорили неправду! Председсельсовета Афанасий Грачев на митингах, учительница Круглова в школе, а потом начальство в армии всегда нам рассказывали, что за границей голод и нищета! Что крестьяне и рабочие из-под кнута работают! Но у меня глаза хорошие, еще какие хорошие! Я сразу увидел, что — ого-го! — что за границей лучше! Вот что я увидел!

— После такой страшной войны не может у вас быть лучше. Подожди лет десять-пятнадцать...

— Ждать? Через двадцать лет я буду старый дед! Может, там и лакомый кусок полезет в роток, да зубов уже не будет!

— Давай не говорить о политике, Петя, — она приложилась губами к его уху. — Ты молодой, сильный. Мышцы у тебя твердые как камень. Быка мог бы одолеть, правда?

— Конечно, мог бы, если б захотел, да не хочу, и зачем это хотеть? — он прищурил веселые глаза. — Коли надо будет — одолею, и всё тут!

— У тебя в жизни, должно быть, много было девушек, Петя, а? Признайся, бесстыдник!

— Да уж их без карандаша, на память не сосчитал бы, но вдова была лучше всех! Волосы мыла в ароматной воде, через окно выскакивала из комнаты в сад, на велосипеде ездила без рук, дым носом пускать умела, дала мне мужнин фотоаппарат. Вот это была женщина! Куколка! Вот такая маленькая. Ручки такие, ножки такие, а грудь досюда! И работала тяжело! Девять часов на заводе, но зарабатывала хорошо. А дома — занавески, пианино, швейная машинка, серебряные щипчики для сахара. Не позволяла окурки бросать на ковер в спальне. В каждой комнате был ковер! Можно было босиком ходить и ног не запачкать. А на ночь куколка надевала пижаму в цветную полоску и ела конфеты в постели!..

— Хорошо устроился, сыночек! На пианино тебе играла, а ты серебряными щипчиками сахар подъедал! Но у меня тоже тебе будет хорошо, Петя. Увидишь.

— Другие рабочие в Бидерице жили так же, как она! Дети их не спали с родителями в одной постели. Чай после работы пили из тонких чашек. На вечер переодевались, словно графья... Ну я себе и подумал: «Петя, не будь дураком! Человек живет только раз!.. Уходи!»

— Я тоже тебя одевать буду как барина... Чай будешь пить в постели...

— А на ночном столике стоял приемник! Шестиламповый!

— Будет у тебя приемник, дурачок! — она прильнула к Мельникову, прикрывая налитые кровью веки. — Десятиламповый!

— У меня сразу в голове просветлело! Лейтенант Гундоров обзывал немцев: у них-де культуры нет, хоть техники ого-го, но мы с моим приятелем Степаном видели, что это не так, что сам он думает по-другому, что предпочел бы оставаться в оккупационных войсках, а не возвращаться в свой полк за Волгу...

— Ваша культура — великая, — дипломатически произнесла баба, положив его огромную ладонь себе на грудь, — и наша — великая.

Поцеловала его в круглую щеку и мягко добавила:

— Во время войны в наших краях работали русские пленные. Мы к ним хорошо относились. У нас им было хорошо.

— О, не такой я дурак, чтоб поверить, мамочка! — рассмеялся Петя. — Уж им там у вас не было хорошо. Умирали как мухи. Но и мы ваших поучили, как полагается!

Она ловко сменила тему:

— Так ты потому бежал, что рабочие в Бидерице одеваются как господа?

— Потому и не потому. Однажды за ужином у вдовы включил приемник и — обрадовался. Кто-то говорил по-русски — и говорил правду. Голос — как у моего отца. Он тоже говорил спокойно и умно. Мне было восемь лет, когда отец вовремя не поставил контингент и исчез бесследно, но я помню, какой у него был

прекрасный голос. У одного старого фельдшера в нашем полку тоже был такой голос. Умные люди всегда говорят спокойно.

— И что он говорил?

— Разные вещи. О России, о мире, о неволе и о свободе. Это был «Голос правды». Так это называлось. Глушили. Радио хрипело, как злая собака, но я их ловил ночью, на короткой волне. Если этот негодяй из «Голоса правды» врет, думал я, то почему наши его глушат? Вот что!

— И не боялся?

— Я ничего не боюсь, мамочка! Слушал украдкой, каждую неделю слушал. Но вдовушка злилась, что ночь даром пропадает, что от этого радио несчастье будет. А у меня, мамочка, новый разум в голову вступил! А у меня глаза на все открылись. Я только теперь...

— ...открыл Америку! — засмеялась она сухо. — Dummkopf!

— Nicht lachen! Nicht lachen! — запротестовал он. — Там рабочий может ругать свое правительство и бастовать! Да-да, мамочка! Там жить человеку, не умирать!

— Gut... gut... Ничего уж не говори, Петя! Du bist ein herrlicher Mann! Будет у тебя все что захочешь! Радиоприемник, автомобиль, сигареты, водка, красивая одежда, шелковая пижама и серебряные щипчики для сахара! Буду тебе служить. Но останься у меня! Хоть на месяц, хоть на неделю, Петя!

Мельников расхохотался, ощерив порченые зубы. Когда он снова почувствовал ее холодные руки у себя на лбу, он сочно выругался по-русски, но и на этот раз позволил раздеть себя не сопротивляясь, как послушный сыночек — матери.

Ходики, висевшие над постелью, монотонно отмеривали время. Тиканье доносилось издалека, приглушенное, как жужжанье овода. Из печки снова бухнуло дымом. Комнату наполнил противный запах сушившихся над очагом одежек. В какое-то мгновение Петя открыл сонные веки и в углу норы увидел два уставленных в него глаза. Девушка с шарообразной головой, должно быть, вошла незаметно. Она лежала на прежнем месте, между ящиком торфа и печью, и драла зубами грязную тряпку. Из-под всклокоченных волос поглядывали две тревожно блестевших точечки.

— Перестань, Герта, ребенок в комнате! — он оттолкнул бабу.

— Ребенок? Шестнадцать лет ей будет в этом году!

Прежде чем он успел ее остановить, она выскочила, полуголая, из логова. Раздался резкий крик. В глазах у него мелькнули тощие синие ноги и мускулистые лодыжки Герты в сваливающихся розовых чулках.

— Может, она голодная? — спросил Петя. — Дай ей поесть. Почему ты не отдашь ее в какую-нибудь лечебницу?

Но Герта с треском захлопнула дверь.

— А сама тут до смерти наработаюсь, да? Чего так глядишь? Боишься меня, дурачок?

— Не боюсь, — ответил он неуверенно, — я ничего не боюсь!

Но закрыл глаза, чтобы не видеть ее острого, птичьего лица со сжатыми губами.

К счастью, скулеж во дворе утих, и Петя просветлел.

— А в городе есть американское консульство? — спросил он, немного помолчав.

— Не знаю!

— Наверное есть! Знаешь, да не хочешь сказать! Я уж сам найду.

— А как ты его найдешь, глупый?

— А по флагу узнаю, что на крыше висит! Ты что думаешь! Я знаю флаги всех стран в мире У меня был атлас в Бидерице, с картами и флагами. Во какой толстый! с позолоченным корешком!

— Я тебе тоже куплю атлас с позолоченным корешком.

— А у консула есть переводчик? Сколько времени придется ждать визы? Сколько дней плывет пароход в Америку?

Старая кривясь поддразнивала его:

— А если не впустят? А если визы не дадут?

— Ты меня не пугай, мамочка! — рассмеялся он. — Я им только скажу, кто я, так они меня сразу примут как своего.

По крыше снова забарабанило. Капли секли кровлю ритмично, тысячами горошин. Петя стал вслушиваться в этот монотонный стук и заснул.

Спал он беспокойно. Приснился отец. Отца он во сне не видел много лет, но в эту ночь отец появился как будто предостеречь его. Одет он был в кожух и высокую баранью шапку. В морозном воздухе было видно его дыхание, восьмерки пара, выходящие изо рта и ноздрей. Он шевелил седыми бровями и смешно кивал подбородком. В рукавице он держал кнут и кончиком его, украшенным красной ленточкой, крутил веселые восьмерки в воздухе. В отдалении тянулся дым над избами и солнце искрилось на оконных стеклах, затянутых папоротником морозных узоров. Два сивки, запряженных в отцовские сани, терлись дымящимися задами и черкали по воздуху пушистыми хвостами — таким же движением, как

автомобильный дворник утирает заливаемое дождем стекло машины. Звучным, спокойным голосом, похожим на голос из американского радио, отец позвал: «Поспеши, Петя, мы уже едем!» В ответ на это из-за сугроба высунулись головы Афанасия-депутата, Коли Афиногиева, героя финской войны, Машеньки, по-своему подмаргивавшей черным глазом, и дерзкой Настасьи Спиридоновны, морщившей вздернутый носик, словно княгиня. Афанасий подкрутил атаманские усы-змею и вежливо, но официально спросил: «Как поживаете, Иван Николаевич? В дорогу собрались, а?» А отец выпустил кнут из руки, мелкие, как кораллы, слезы покатились по его обледеневшей бороде, и сказал: «Я отсюда навсегда уезжаю, ребята! Потому что в этой проклятой стране умер за контингенты! Вскакивай, Петя, на козлы! Едем в Америку!» Петя протянул к отцу руку, но тут сивки рванулись, как вихрь, колокольчики под хомутом жутко захихикали, и его ладонь опала на потное плечо старой немки...

«Тьфу, к черту! — отряхнулся он от остатков сонного видения. — Нечего мешкать! Как рассветет, иду в город!»

Ходики тикали громче обычного. Сухой треск пружины звучал, как шаги сапог по хворосту или хруст ломаемых веток в лесу. Дождь перестал. Он услышал знакомое, тяжелое дыхание лежащей рядом женщины. Тиканье все глубже врезалось ему в висок. Он с сердцебиением поднялся на локтях и начал прислушиваться. Возле дома кто-то ходил. Кто ж, как не промерзшая и голодная сумасшедшая? Он решил впустить ее внутрь.

Потихоньку встал с постели и босиком подошел к двери.

И в ужасе отскочил. Его оглушил стук приклада по дереву. Он инстинктивно заслонил глаза руками, ослепленный сильным фонарем.

В выломанной двери он увидел нескольких вооруженных мужчин. Старая сорвалась с постели с криком. От леса веяло пронизывающим холодом, парализующим руки и ноги.

— Одевайся! — крикнул ему кто-то по-немецки.

Из группы мужчин, неустанно светивших фонариками, высунулась знакомая кудлатая голова, закутанная в платок. Вывалившийся изо рта язык свисал до середины подбородка, блестящие бусинки в глазах торжествовали. Девушка бормотала:

— Mama, Russe tot!.. Mama, Russe tot!..

Петя был так ошеломлен нежданным нападением, что в первые минуты не сопротивлялся. Босые ноги вросли у него в землю. Только когда ему заломили руки за спину и он почувствовал сильную боль в суставах — захотел вырваться и убежать. Но было уже поздно.

Видя, что пойманный вырывается, мужчины подхватили его под руки и под ноги и понесли через лес к машине. Разъяренный Мельников рвался всем телом, как рыба в неводе. Ругался, орал, плевал и кусался.

— Отпустите его! — услышал он крик старухи. — Петя!.. Ach, Gott!.. Mein Petia!..

Он укусил одного в руку, другого ударил головой в челюсть, но защищался понапрасну. От удара в затылок потерял сознание.

Когда Мельников пришел в себя, то услышал вдалеке глухой рокот мотора, что-то гудело, как вода из крана. В ноздрях его раздражал резкий запах уксуса, смешанный с духом свежевыделанной кожи — поблизости, должно быть, лежали армейские сапоги. На голове у себя он почувствовал бинт, а на руках и ногах — кандалы. Он с трудом поднял болевшие веки и обнаружил, что находится в дымной от сигарет канцелярии. Он с усилием повернул голову, тяжелую как камень. На него глядели добрые серые глаза молодого солдата в каске. Солдат сидел на табуретке и, опершись щекой на винтовку, сочувственно кивал головой. На нем были высокие зашнурованные ботинки из вишневой кожи. Петлицы на ботинках были золотые, а подошва толстая, из свиной кожи. Мощные бедра были обтянуты брюками с отглаженной складкой. На руках у него были длинные, по локоть, кожаные перчатки. От пояса с патронами бил запах кожи. Губы у него были изящные и алые, как у девушки, над верхней губой — чуточку золотого пушка.

При виде двух золотых металлических букв, врезанных в воротник гимнастерки, Петя вздохнул с облегчением и спросил:

— Америка?

— Yes, America! — дружелюбно кивнул молодой жандарм и сунул ему в рот сигарету.

Петя протянул скованные руки и пожаловался:

— O, bitte... sehen... America...

Стражник развел руками:

— I could not help you... Nix machen, friend... Nict helpen... Sorry...

И принялся нервно искать чего-то по карманам защитной куртки. Мельников подумал, что американец ищет ключ от кандалов, но жандарм вынул из кармана плитку молочного шоколада. Отломил кусочек и вложил скованному в рот.

— Good chokolate! Milk chokolate! — он благожелательно улыбнулся.

Мельникова охватило дурное предчувствие. Он выпустил шоколад из набрякших губ. Короткий и слишком широкий нос сморщился как у ребенка, рыбьи веки без ресниц быстро замигали. По толстому круглому лицу скатилось несколько слезинок.

Молодой стражник растерялся. Добрые серые глаза опечалились. Опираясь на винтовку как на трость, он ходил по комнате встревоженный: не как стражник, а как арестант по камере. Наконец он остановился. Сдвинул каску на затылок и улыбнулся сам себе, как человек, которому в голову пришла хорошая мысль. Показывая пленнику пальцами в воздухе бряцание по клавишам, он включил стоявший в углу канцелярии приемник.

— Do you like music? — спросил он добродушно, похлопывая Мельникова кожаной перчаткой по плечу.

Канцелярию наполнила легкая тряска танцевальной музыки. Время от времени оркестр обрывал мелодию, а низкий мужской голос говорил: «One-two-three-four»...

Петя хотел рассказать все по порядку, но слова застревали у него в горле, а мысли бежали из головы. Мотор за стеной опять затарахтел, заглушая музыку. Мельников чувствовал, как грохот незаглушенного мотора плещет по комнате и бьет по его изболевшемуся черепу.

Вскоре открылась дверь и вошло несколько военных, одетых с величайшей тщательностью, в отглаженных мундирах, стянутых в талии и расширявшихся в плечах. Они были высокие и стройные. На головах у них были небольшие, заломленные набекрень фуражки. На пленника они поглядывали с явной симпатией. Один из них доброжелательно помахал перчаткой в воздухе.

У Мельникова сразу поднялось настроение, и он улыбнулся входящим с покорной преданностью. Седой переводчик в штатском спросил у Мельникова по-русски анкетные данные и подробности побега на американскую сторону. Тогда молодой стражник подошел к приемнику и выключил музыку. Петя с усилием встал и начал говорить так быстро, громко и беспорядочно, что переводчик нетерпеливо махнул рукой, чтобы он остановился. Тут Петя снова почувствовал колтун в горле и не мог больше сказать ни слова.

Мотор за окном внезапно смолк, и наступила такая глубокая тишина, что слышно было, как скрипит перо по бумаге. Молодой жандарм поминутно поправлял каску, словно она была ему тяжела, а переводчик протирал очки уголком пиджака.

Когда дверь снова открылась и в канцелярию вошли еще военные, из горла пленника вырвался крик, похожий на собачий лай.

Забыв о кандалах, он рванулся бежать. Сделал полшага и упал на пол. Молодой жандарм тут же его поднял и посадил на табуретку. Потом вынул из кармана носовой платок и заботливо утер ему кровь со лба.

Мельников сидел на табуретке трупно-бледный, недвижный, как набитая стружками кукла. Голову опустил на грудь. И только густой пот, стекавший по круглому лицу, и тревожно двигавшийся кадык показывали, что он жив.

По окончании формальностей, когда советские офицеры обменялись рукопожатиями с американскими коллегами, молодой солдат мягко взял его под руку и повел к двери.

Мельников двигался к выходу мелкими шажками, уставив глаза в пол. Казалось, он вполне смирился с судьбой, но, когда дошел до порога и увидел протянутые к нему руки в перчатках, его снова охватил звериный страх. Он скорчился в полуприседе и зарылся ногами в землю. Забинтованную голову повернул в сторону фуражек. Залитые кровью белки вылезли из под распухших век. Он широко раскрыл рот. Ржал, как конь, на которого напали волки.

Когда конвоиры резко схватили его за плечи, Мельников внезапно перестал хрипеть и только глубоко сопел, как после тяжелой драки. Его вынесли к машине, как куклу с болтающейся головой. Жестко тянувшиеся по земле ноги оставили на песке две жирных черты, нарисованные кончиками сапог. Офицеры разогнали горстку детей, собравшихся вокруг машины. Хлопнула дверца. Мотор рявкнул раздругой, потом растарахтелся, и машина тронулась в облаке пыли и дыма.

Молодой солдат в каске закрыл окно в канцелярии, подпер лицо ладонью, вздохнул. Офицеры осели на стулья. Наступила тишина.

Алина Перт-Грабовская

ИЗ ИСТОРИИ РАДИО «СВОБОДНАЯ ЕВРОПА»

«Главной, первостепенной задачей нашей радиостанции было восстановить чувство общности, — писал в своих дневниках Ян Новак-Езёранский. — Второй задачей было поддержать надежду. В самые черные годы сталинизма, в годы всевластия ГБ, репрессий, искажения истории и молчания польская служба радио „Свободная Европа" давала полякам ощущение, что где-то все-таки есть люди, которые знают правду и публично говорят о ней, что преступления системы будут названы своим именем, а преступников когда-нибудь постигнет справедливое наказание...»

Так Ян Новак-Езёранский оценивал роль и задачи радиостанции, которая впервые вышла в эфир как «Голос свободной Польши», а 3 мая 1952 г. в 11 часов утра начала транслировать свои передачи из Мюнхена. «Свободная Европа» была родной сестрой хорошо знакомого читателям «Новой Польши» радио «Свобода».

Какие темы, какие проблемы с сегодняшней точки зрения были самыми значительными в истории польской службы радио «Свободная Европа»? Пожалуй, польскую (а скорее пээнэровскую) политическую сцену больше всего изменил цикл передач с участием Юзефа Святло — одного из высших чинов госбезопасности.

17 сентября 1954 г. Ян Новак получил информацию о бегстве Святло из Польши и первую пленку с его признаниями. Вскоре после этого Новак послал в Вашингтон Збигнева Блажинского, после чего в эфир начали выходить передачи из цикла «За кулисами госбезопасности и партии». Святло описал, как после войны уничтожали Армию Крайову, как преследовали, сажали и убивали невинных людей, при каких обстоятельствах был арестован кардинал Вышинский. Именно эти передачи решающим образом повлияли на ликвидацию министерства госбезопасности и смещение с должностей, а иногда даже арест и наказание преступных функционеров ГБ, таких как директора департаментов Ружанский и Фейгин, замминистра Ромковский и другие. Террор ослаб, жертвы гэбистов вышли на свободу, готовился бунт внутри партии. Вскоре наступил 1956 г. и «польский Октябрь». Началась совершенно другая эпоха.

Другой крупной акцией радиостанции стала начавшаяся в июле 1955 г. кампания «За возвращение поляков из России». В то время из советских лагерей стали выпускать немецких военнопленных, и речь шла о том, чтобы рассказать полякам, где находятся их отцы, сыновья и братья, живы ли они, куда их вывезли. У бывших пленных спрашивали фамилии их польских лагерных товарищей. Таким образом польская общественность узнала, как выглядят лагеря и где они находятся.

Согласно основным установкам, разработанным Яном Новаком к открытию радиостанции, одной из главных ее задач была защита Церкви и преследуемых режимом священников. Огромную роль сыграло также разоблачение католической организации «Пакс», во главе которой стоял агент ГБ Болеслав Пясецкий, а впоследствии — разоблачение министра внутренних дел Мечислава Мочара. Именно «Свободная Европа» многократно описывала созданную им в органах госбезопасности мафию. В 1968 г. польская служба «Свободной Европы» вновь поднялась на защиту правды, на защиту студентов, изо всех сил борясь с проявлениями расизма и антисемитизма. А четырьмя годами раньше благодаря радиостанции поляки узнали о бунте интеллигенции и деятелей культуры, о «письме 34-х».

Когда в Польше начала действовать подпольная антикоммунистическая оппозиция, когда появились бюллетени, книги и журналы, радиостанция стала «трансляционным конвейером», благодаря которому информация и тексты становились достоянием широкого общественного мнения. Информирование о программе «Солидарности» стало очередным, быть может, самым важным элементом деятельности «Свободной Европы».

К предельно кратко описанной здесь роли радиостанции в истории Польши можно добавить еще один момент — создание поля деятельности для польской национально-освободительной эмиграции и ее выдающихся авторов.

Вот какому радио положил начало Ян Новак-Езёранский 3 мая 1952 года. Его концепция независимой радиостанции пережила годы. Мы, бывшие сотрудники радио «Свободная Европа», обязаны ему участием в важнейших исторических событиях, в борьбе за свободу Польши. Кроме того благодаря ему, создателю радио, в Мюнхене работали (или выступали у микрофона) самые выдающиеся деятели эмигрантской культуры. В их число входил, в частности, Тадеуш Новаковский.

Поляки знали Новаковского прежде всего как «папского репортера», который сопровождал Святейшего отца в путешествиях по всем континентам. Он работал в польской службе радио «Свободная Европа» с первого дня ее выхода в эфир.

Новаковский был типичным политическим эмигрантом, которого ПНР объявила «врагом народа». В Польше на протяжении нескольких десятков лет его книги были запрещены. В 1981 г. на его имя был наложен запрет цензуры, в результате чего его можно было упоминать только в малотиражных научных изданиях. И все же редакция «Тыгодника повшехного» взяла у него интервью в Париже, и все же у приемников собирались миллионы радиослушателей, а его литературные произведения нелегально переправлялись в Польшу. И когда спустя многие годы ему наконец удалось приехать на родину, он оказался там широко известной личностью, несмотря на десятки лет физического отсутствия. Быдгощ и Ольштын присвоили ему звание почетного гражданина, а Лех Валенса наградил его командорским крестом ордена Возрождения Польши со звездой.

Однако Новаковский был не только писателем и журналистом, но и очень активным эмигрантским деятелем. В свое время он исполнял обязанности председателя польского ПЕН-клуба в изгнании. В Лондоне он стал секретарем Всемирного союза поляков за границей и Союза польских писателей на чужбине. В Германии он до последних дней жизни был председателем мюнхенско-варшавского Общества немецко-польского примирения и Польского форума, а в ставшей ему почти родной Баварии — председателем Союза польских организаций. Он удостоился многочисленных польских (эмигрантских) и европейских премий. Среди последних он особенно высоко ценил премию им. Карла Вольфскеля, присуждаемую Баварской академией изящных искусств творцам-эмигрантам, писателям в изгнании. В обосновании своего решения Баварская академия написала, что Новаковский — «европейский боец за согласие народов», a laudatio произнес известный во всей Германии литературный критик Марцелий Рейх-Раницкий.

Приехав в Германию в начале 50-х, Тадеуш Новаковский вошел в элитарные, влиятельные круги писателей, людей искусства и политиков с антикоммунистическими и антитоталитарными взглядами, которых объединяла уверенность в том, что необходимо строить общую Европу, Европу без национальных и расовых разделений. В число друзей Тадеуша входили люди, чьи имена с течением времени стали широко известны — такие, как председатель западногерманского ПЕН-клуба Карл Амери или родившийся в Польше узник советских лагерей, писатель Хорст Бинек. Сам Новаковский сотрудничал не только в эмигрантской, но и в немецкой печати, а также на телевидении, благодаря чему он мог быть неофициальным выразителем польских интересов в Германии и влиять на мнение о нашей стране.

Помимо Тадеуша Новаковского в польской службе «Свободной Европы» работали, в частности, Марек Латынский, Петр Заремба, Ядвига Мечковская, Марек Цельт и многие другие польские журналисты, которым радиостанция обеспечила возможность жить в эмиграции и обращаться к польским радиослушателям. То, что с помощью микрофонов радио «Свободная Европа» эти люди остались в памяти поколений — еще одна заслуга Яна Новака-Езёранского.

***Алина Перт-Грабовская** — председатель Общества бывших работников польской службы радио «Свободная Европа».*

ЧЕЛОВЕК, ПОСТИГШИЙ ПИСАНИЕ

Беседа с Матеушем Сродонем

— Вы научились писать иконы в Кракове?

— Нет, в Школе византийской иконописи Святейшей Пирейской митрополии. В краковской Академии художеств я получил солидные основы живописи, рисунка, графики шрифта. Все это мне потом очень пригодилось. Но научиться иконописи там нельзя. Впрочем, во время учебы я еще понятия не имел, что буду писать иконы.

— Что же вы знали?

— Немногое. У меня было лишь медленно нараставшее ощущение, что я хотел бы соединить свою профессиональную деятельность с христианской жизнью. Во время учебы эти два пути шли параллельно: я активно участвовал в работе студенческой общины у доминиканцев и учился в Академии художеств. Я не очень хорошо понимал, как можно соединить одно с другим.

Матеуш Сродонь

— Может, достаточно было писать картины на религиозные темы?

— Мне тоже так казалось. Путь Рембрандта был более очевидным следствием моих склонностей.

— Какие это были склонности?

— С самого начала я был естественным образом настроен на реалистическое изображение. Рисунок не был для меня путем от предмета к более абстрактной форме или деформации. У меня была сильная потребность быть верным реальности, — нечто такое, что я бы назвал желанием вникнуть в предмет. Меня интересовало его бытие, автономное существование. Я держался вдалеке от всяческих формальных экспериментов: искусство ради искусства было мне чуждо. Однако все попытки применить этот подход к религиозной тематике давали пагубные результаты. В результате я возвращался к изучению натуры.

— В таком случае откуда взялась тяга к иконе, типу живописи, далекому от натурализма?

— В самом деле, поначалу мир иконы был мне чужд. Как человек, воспитанный в западной культуре, я был чуток к вопросам пространства и перспективы, мне претили деформации, часто встречающиеся на иконах. Перелом наступил только благодаря встрече с искусством профессора Ежи Новосельского.

— Вы учились у профессора?

— Нет, я с ним даже не знаком. Дело было так: в студенческие времена я ходил на пешие прогулки по Кракову, по разным выставкам, и за короткий отрезок времени со мной несколько раз случилась любопытная вещь: когда я приходил на выставку, среди множества картин мое внимание обращал на себя какой-нибудь натюрморт или пейзаж. И каждый раз, когда я спрашивал, кто автор, оказывалось, что это работа Новосельского... Пожалуйста, не удивляйтесь — это был ранний Новосельский того периода, когда его было еще не так легко узнать с первого взгляда, а я был начинающим студентом Академии.

— Но вы уже знали его иконы?

— Слабо. Только познакомившись с его натюрмортами, я начал читать его тексты, смотреть картины. Наконец, я поехал в Весолу, в церковь, полностью расписанную Новосельским. Да, это он открыл мне икону. Интересом к иконописи и вообще к православной духовности я в огромной мере обязан встрече с проф. Ежи Новосельским — несмотря на некоторые моменты, с которыми я не могу согласиться.

— С чем, например?

— Я считаю, что он — гениальный художник. Но я не могу согласиться с его картиной мира как преисподней, ада. Новосельский прямо говорит, что ощущает себя манихеем. Он подчеркивает

присутствие зла и пишет, что рядом с милосердным Богом он чувствует субстанциальное присутствие «Бога злого». Тут наши мнения расходятся. Но, несомненно, он для меня интеллектуальный вызов. Я очень многим обязан ему.

— Насколько я понимаю, икона отвечает вашей религиозности. А как же склонность к натурализму?

— Это стало неожиданностью для меня самого. Оказалось, что переход от реалистического рисунка к иконе был для меня естественным, в то время как мысль о том, что я могу пойти в направлении, скажем, классицизма или реализма XIX века, вызывала у меня содрогание. В иконе меня восхищает ее правдивость. Икона — самое точное описание действительности. Не чувственной или психологической, а богословской. Самое точное — то есть скромное, не говорящее больше, чем можно сказать. Я понял, что схематизм, с которым изображаются на иконах скалы, одежды или черты лица, — решение верное. Верное, потому что правдивое. Икона не берет из внешнего мира тех элементов, которых нельзя вычитать в Священном Писании.

— Как вы попали в Пирей?

— Закончив Академию, я поехал в Грецию, где с 1939 года живет моя тетка. С ее помощью я и нашел школу византийской живописи. Сначала я поехал туда на три месяца, потом — надолго.

— Это была монастырская школа?

— Как правило, школы иконописи создаются при монастырях. В Румынии церковной живописи учат при богословском факультете, равно как и пению. Но школу, в которой учился я, основали иконописцы-миряне. Надо сказать, что икона всегда вырастает из опыта живой Церкви, и этот случай не был исключением. Школа действует под покровительством митрополита Пирейского и размещается прямо напротив церкви, а сидящая в коридоре секретарша Мария, «мама» всей школы, — одновременно активная прихожанка. В результате мы, студенты, соприкасались с жизнью прихода, но она не приобретала форм давления — скорее в ней были черты мудрого промысла.

— Сколько продолжалась учеба в этой школе?

— Учеба длится четыре года. Первые два года студентов учат исключительно технике рисунка и живописи, что благодаря диплому Академии художеств у меня было уже позади. Поэтому меня приняли сразу на третий курс, где учились 18 человек — главным образом греки, в том числе родившиеся на Западе: в Италии, Америке. Кроме меня, там учились еще двое католиков — датчанин и француженка.

— Как вас приняли?

— Удивительно хорошо. Что и говорить, это был лучший период моего образования. У меня было такое чувство, что я нахожусь среди людей, которые ведут поиски в том же направлении, что и я, — вдобавок настолько открытых, что с ними можно обмениваться опытом и мыслями.

— В Кракове этого не было?

— В Академии художеств каждый был сам по себе. Каждый шел своим путем и боялся других. Во взаимоотношениях чувствовалась напряженность. Я слышал, что где-то на Западе студенты художественных вузов просто строят себе боксы, чтобы другие не видели их искусства. А я приведу обратный пример. В Пирее я писал икону. Я уже почти закончил ее, но чувствовал: что-то не так. Мне никак не приходило в голову, что с этим сделать. Я сказал об этом товарищу, а он подошел, взял красную краску и — бац кистью по моей работе... В Академии это было бы немыслимо, а он сделал это без малейшего колебания. И вдобавок был прав — он нашел цвет, которого я сам не мог придумать, но которого недоставало, чтобы икона начала жить.

— А где в иконописи место для самого себя?

— Так ведь я вовсе не хочу выразить себя! Я хочу выразить истину. Истину, в которую я верю. Для меня основной критерий — это то, помогает ли написанная мною икона молиться.

— Кому?

— Тому, кто заказал мне икону.

— Вы пишете на заказ?

— Исключительно на заказ. Заказывает Церковь, а также частные лица, нуждающиеся в иконах для молитвы. Я никогда не писал икон для себя. Мне кажется, именно в этом заключается роль иконописца — быть в распоряжении Церкви, то есть верующих.

— И много у вас заказов?

— Очень много, поэтому заказы от частных лиц я принимаю только время от времени.

— Вы подписываете свои работы?

— Теперь уже нет.

— Вы полностью расписали церковь в Мендзылесье под Варшавой — католическую церковь. Не мешает ли верующим то, что стены польского храма покрывает восточная живопись?

— Мне кажется, что в западной Церкви идет процесс открытия ценности иконы. Икона перестала быть чем-то чужеродным — достаточно взглянуть на обложки католических книг и журналов. В церкви в Мендзылесье моя живопись тоже была принята очень хорошо.

— Есть ли в вашем проекте интерьера что-нибудь свидетельствующее о том, что вы «православный католик»?

— Думаю, не мне это оценивать. Надо бы спросить экспертов, то есть представителей восточной Церкви. Во всяком случае замысел был таков, чтобы создать как раз такой «православно-католический» интерьер.

— А конкретно?

— Например, Крестный путь. Это ряд изображений, типичных для западного христианства, которое делает сильный упор на сопереживание страстей Христовых. Восток, напротив, весь сосредоточен на Воскресении. Все ведет к Воскресению. Оно важнее всего.

— Вы дописали 15-е стояние?

— Нет, я сохранил классическую композицию из 14 стояний, заканчивающихся положением во гроб. Но над Крестным путем господствует очень светлая архитектурная доминанта. Это Воскресение, путь к небу, радостное пятнадцатое стояние.

Беседу вел ***Ярослав Миколаевский***

На фотографиях — фрагменты полихромии церкви в Мендзылесье

gazeta

ПЕРЕКОВАТЬ МЕЧИ НА ОРАЛА

Говорит отец каноник Хиероним Средницкий, настоятель прихода Пресвятой Девы Марии в Мендзылесье под Варшавой:

Когда я раздумывал, как построить церковь, кто-то подсказал, что можно купить самолетный ангар. Шел 1994 год, когда все ожидали, что американцы дадут нам много самолетов — а наши ангары были слишком узки для американских машин, поэтому армия их распродавала. Самолетов у нас до сих пор нет, зато есть церковь...

Храм уже почти готов, идет отделка фасада и интерьера. Главный неф — это ангар для российского МИГа-23, умело переделанный двумя молодыми талантливыми архитекторами: Стефаном Древичевским и Кшиштофом Мыцельским. Ангар был куплен у 1-го истребительного полка «Варшава» из Минска-Мазовецкого. Так что мы, по слову пророка Исаии, перековываем мечи на орала.

Ангар был почти новый. Снаружи здание напоминает романскую базилику, что подчеркивает использованный для отделки фасада песчаник, придающий церкви «теплый характер». Художественную концепцию храма разработал архитектор интерьеров Дариуш Хыц. Фрески, стояния Крестного пути и икону Милосердия Божия написал все более знаменитый иконописец Матеуш Сродонь.

Алиция Высоцкая

GOŚĆ

Тимотеуш Карпович

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Faux pas

я позвонил но сюда не звонят
я постучал но сюда не стучат
я вошел хотя сюда нет хода
я открыл но этого не открыть
я вытер ботинки да только зачем все это
я раскрыл рот но ведь здесь и рта не раскроешь
я вдохнул воздух но здесь никто не дышит
я спросил но здесь не задают вопросов
тогда я запел но здесь не поют
я повернул назад но отсюда нельзя вернуться
и вышел но как я мог отсюда выйти
что за место думал я но это не место
что за время но это вовсе не время
я говорю я был только этого быть не может

Суд

Судить невзошедшее зерно
неразумно

Судить нешумевшее дерево
смехотворно

Судить человека сломленного
бесчеловечно

Это вас облачённых в тоги вправе судить
зерно невзошедшее
дерево нешумевшее
сломленный человек

Paulina Zielona

Карабин

говорю напрямик
от сердца к мозгу

если заест
выбиваю зубы за слово

дело моей головы
чуять руку

мои глаза вне меня
я хорошо это вижу

Неприкосновенный запас

один меня убил во имя мира
другой во имя войны
третий не успел меня убить потому что я убил его
четвертого я не убил оттого что он уже был убит
пятый меня не убил потому что я был убит вместе с ним

все дальше спасательный круг любви
сердце смерти гонит волну отделяя горло от крика
вот-вот оно вытолкнет мир на поверхность
и выдаст ему сполна
неприкосновенный запас дна

P.S.
но пока:
разноцветье вечеров
множится вопреки
единому натиску
непроницаемого лика ночи
и рой огней улетает без матки

Эпитафия

он жил как человек
то плакал как ангел
то смеялся как дьявол

впрочем о дьяволе он не имел понятия
быть ангелом никогда не стремился
а до человечности ему и вовсе не было дела

ближе всего он был
к делам далёким и поэтому
не опоздал

должно быть
он верил в любовь
вот только поверил в неё слишком рано

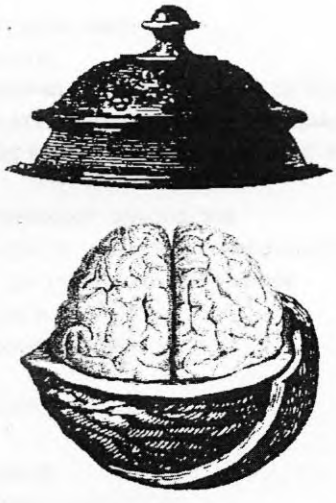
говорят
он не любил ненавидеть
только понял это слишком поздно

на всякий случай
подумайте в эту минуту
о чём угодно

и на всякий случай
преклоните
одно колено

Отсутствие знака альтернативы

несгораемый стыд воздуха:
факты содраны с кожей
с истины столь нагой
что нам всё больше есть
о чём не говорить



Все переводы приводятся по книге: Т.Карпович. «Урок тишины» Польская поэзия: XX век. Антология: В.Шимборская, Я.Твардовский, З.Херберт, Т.Карпович, Т.Глюзинский. М.: Вахазар, 1993. (Коллекция польской литературы; Поэтическая серия; Т.3).

Иоанна Мюллер

ПЕРВОРОДНЫЙ СЫН МИРА НА ULTIMA THULE

Утопия? Да! Но никакой реалист не выживет без утопии. И никакой народ тоже.
Т. Карпович. «Творческое отрицание»

В «Эпитафии древнеславянского поэта» Миодрага Павловича (в 1970-е, когда его переводил на польский Тимотеуш Карпович, он был еще «югославским поэтом») звучат слова, которые легко перевести из надгробно-прошедшего времени в регистр мрачного пророчества:

Тимотеуш Карпович

За наши старинные песни
эта новая вера
объявила меня изменником и врагом. (...)
В горе ушёл я и погребён во мраке,
меня колдуном объявили,
но не восстал я из гроба! (...)
Я останусь там, где я есмь,
в земле языка моего (...).
Пусть другие идут к богу за истиной,
а мне хороша и моя колдобина,
тут земля — как руно,
*кости мои в ней тайком прорастают песнями.**

Я заявляю, что это пророчество — схема дальнейшей судьбы Тимотеуша Карповича: оно сбывается в 70-е годы. Родившийся в 1921 г. Мастер Польской Речи (как назвал его Рафал Воячек в посвящении к книге «Бесконечный крестовый поход») к тому времени уже был автором многих поэтических сборников: «Живые измерения» (1948), «Горькие истоки» (1957), «Каменная музыка» (1958), «Знаки равенства» (1960), «Во имя смысла» (1962), «Трудный лес» (1964). В духе названия последней книги можно сказать: чем дальше в лес, тем труднее. Очередные книги Карповича — все более отчаянное и темное странствие к Праматеринскому началу, его автономия становится все более мучительной автохтонностью. Мягкий переход с этапа монодии через канон к фуге — как на музыкальный лад назвал Станислав Баранчак процесс нарастания многозначности в поэзии Карповича — вдруг ускользает от логических истолкований, когда в 1972 г. выходит сборник, неподвластный никаким терминологическим ухищрениям критики — «Возвращенный свет». Темный колорит поэзии Карповича год спустя был дополнен его восхитительно мрачным теоретическим трактатом — «Невозможная поэзия. Модели лесьмяновского воображения». Карповича, этого словесного чернокнижника (то есть автора черных книг), правда, не называли тогда «отщепенцем и врагом», однако среда читателей-критиков нанесла ему удар гораздо более ощутимый: о нем перестали писать. Вскоре после этого славянский поэт навсегда покинул родину, чтобы по сей день, до тех самых пор, когда я пишу эти слова, пребывать в своей «хорошей колдобине», где «земля — как руно» — в далеком Чикаго.

* * *

Какие же слова на его устах «в эту минуту» (если воспользоваться названием стихотворения из книги «Задревесные слои», изданной в 1999 году)? «В эту минуту» польской литературной общественности задан ряд вопросов от имени Мастера. Збигнев Махей в своих «Воспоминаниях о современной поэзии» (Вроцлав, 2005) записал их в форме «Анкеты Карповича». Слишком много времени прошло с тех пор, как поэт — якобы!!! — умолк и его произведения начала замалчивать критика, поэтому вопросы Махея вызывают удивление, непонимание, а то и смущение. «А как нынче читают нынешние стихи? / И как нынче пишут о нынешней поэзии? (...) О ком говорят высоким / тиражом? О ком говорят высоким стилем? (...) Кому дают «Нику» / а кому — фигу с маком и

* Павлович М. «Эпитафия древнеславянскому поэту». Пер. А.Базилевского «Антология сербской поэзии». М.: Вахазар; РИПОЛ классик, 2004.

пастернаком? / Любит ли Тимотеуш Карпович фиги с маком? / Читал ли он Пастернака? (...) Сколько строк в статье "Карпович" в "Новой / энциклопедии ПВН [Польского научного издательства]"? Отведено ли ему то количество строк, которого он заслуживает?».

Вопрос о количестве строк применительно к нынешнему восприятию творчества Карповича (в энциклопедии их 22 — гораздо меньше, чем в поэме Махея) следует заменить вопросом о горьких истоках отсутствия самого восприятия. Пророческий ответ дан самим поэтом, который в эссе «Невозможное искусство» («Одра», 1976, №12) описал творческие усилия доисторического художника и ошибки в позднейшем понимании его замысла. Тысячи лет назад на скале было изображено животное с восемью ногами. На эту картинку современный человек смотрит свысока — как на пример ошибки или беспомощности примитивного пещерного человека. Между тем Карпович видит в этом наброске, сделанном в незапамятные времена, когда культура только проклевывалась из натуры, первую попытку осуществления творческой утопии. Дикарь-художник хотел нарисовать бегущее животное, именно поэтому — сознательно фантазируя, а не по ошибке или недосмотру — наделил его четырьмя дополнительными конечностями. Доисторический художник немногим отличается от мифического Пигмалиона, который желал стереть грань между предметом и его изображением. Более того, согласно Карповичу, всякий подлинный артист обязан подчиниться извечному богоборческому стремлению, которое велит предпринимать всё новые попытки оживить то, что является лишь искусственным отражением жизни. Коснуться нарисованного, дотронуться до написанного — вот призвание каждого, кто понял, что творить — это значит вечно преодолевать Невозможное, во всяком творческом акте достигать новых пределов, завоевывать новые плацдармы.

Артист из первобытной пещеры оказывается неожиданно похож на поэта, который его описывает. Карпович знает, что к «Ultima Thule поэтических возможностей» можно приблизиться лишь отчаянным порывом, в одиночку, что охота на древние слова оплачена спуском в слепоту ясновидения, а за то, что ты «возвратил» свет, тебе грозит тюрьма, стены которой — спины отвернувшихся просвещенных людей. Поэт осознаёт и то, что вопреки пророчествам о сверхвыразимости, которая будто бы ждет нас в земле обетованной, мы найдем там лишь то, что ведали искони: первородный грех невыразимости. Он делится этим знанием с читателями, однако немногие из учеников соглашаются принять это горькое причастие. Карпович, как до него польский поэт Лесьмян или русские будетляне во главе с Хлебниковым и Крученых, жаждет привести поэтический язык к горьким словесным истокам, к точке уже даже не нулевой, а преднулевой. Как сам он пишет о Лесьмяне, дело в том, чтобы поэт хоть на мгновенье стал «первородным сыном мира», высказал «пренатальное заклятье» и наконец попытался «показать движение, предшествовавшее первому движению, форму, предшествовавшую первой форме, чувство, предшествовавшее первому чувству».

Эта «пренатальность» языка у Карповича весьма знаменательна. Здесь речь идет не об упрощении представления, а напротив — о его максимальном, прямо-таки невозможном усложнении. Подобно тому, как художник из первобытной пещеры был автором не грубых, неумелых штрихов, а образа животного — умноженного, усложненного и оттого, как в современном мультфильме, движущегося — Карпович не ищет первородного выражения среди таких форм, как «бедный театр» Гротовского, преддискурс Натали Саррот, предсмысловой язык Беккета и Ионеско или «смерть поэзии» Ружевича. «Возвращенный свет» лучше всего показывает, что прозрачность истока достижима лишь тогда, когда пройдены все замутнения. «Я хотел бы, — говорит Карпович, а книга 1972 года — ослепительное свидетельство того, какая творческая сила дремлет в этом стремлении — вернуться в тот день, когда родилось слово, но сохранить в слове память о том, что пережито им "по дороге". Максимум ассоциаций — надежда моего логоса».

* * *

Утопия поэтического слова у Карповича, где в слове (как в каббалистическом Алефе) сокрыты все свершившиеся или только потенциальные истории вселенной и потому-то оно есть слово изначальное, — одна из самых безумных грез польской поэзии. Поэтому неудивительно, что любая попытка описать это стремление и осуществить его в стихе обречена на неполноту и невнятность для других. Возможно, для того чтобы понять Карповича, следовало бы настроить критический язык так же, как настраивает свою речь чернокнижника сам автор «Задревесных слоев»? «Но как?» — спросят непосвященные, добавив еще одно сомнение к вопроснику Збигнева Махея. Подсказка приходит из уединения чикагской пещеры, где 84-летний поэт окружил себя штабелями картонных коробок с карточками, куда он записывает все использованные в польской поэзии (и изношенные ею) слова. «Зачем он это делает?» — вопрошает анкета в предчувствии еще более глубокого безумия. Быть может — и пусть это будет моим единственным ответом на анкету — он делает это ради того, чтобы изменить несправедливое восприятие важнейших достижений искусства, которые считаются самыми несовершенными. Быть может, это лишь страх попасть под влияние, попытка вырвать у чуждого свою оригинальность. А может быть (приди, о Невозможность!), на этом американском Патмосе сбывается одно из великих пророчеств? Первородное писание восполняется карточками последних смыслов. Так возвращается Свет, Призванный глотает Книгу, а Изначальное Слово обретает свое начало. Аминь, говорим мы, Алеф.

Тадеуш Зенкевич

СЕРГЕЙ КУЛАКОВСКИЙ — ПОПУЛЯРИЗАТОР ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В 1937 г. Польская Академия литературы, созданная распоряжением совета министров от 29 сентября 1933 г. и включавшая самых видных, в основном старшего поколения, писателей и литературоведов, подала министру религиозных исповеданий и общественного просвещения предложение наградить Сергея (по-польски Сергиуша) Кулаковского «Серебряными академическими лаврами». Эту награду, учрежденную в 1934 г., давали за выдающееся литературное творчество, опеку над польской словесностью, издательскую работу, за распространение любви к польской литературе, воспитание читателей и вообще за содействие интересу к польскому литературному творчеству. Ее получали писатели, ученые, переводчики, библиотекари, публицисты, издатели, книготорговцы, государственные чиновники, общественные деятели, граждане Польши и других стран.

В списке награжденных, помещенном в «Ежегоднике Польской Академии литературы. 1937-1938», говорится: «Господин министр РИиОП распоряжением от 4 ноября 1937 г. по предложению Польской Академии литературы наградил (...) „Серебряными академическими лаврами" (...)

8. За распространение любви к польской литературе за границей:

(...) Кулаковского Сергиуша, унив[ерситетского] доц[ента], лектора».

В этой группе награду давали обычно дипломатам, университетским профессорам, переводчикам. Живший в Польше с 1925 г. Сергей Юлианович Кулаковский с 1926-го был доцентом Польского свободного народного университета в Варшаве, читал лекции по русскому языку (а с 1928 г. и по литературе) в Варшавском университете и нескольких других высших учебных заведениях.

Его биография характерна для беженцев из России — поляков или людей, ощущавших связь с Польшей и польской культурой. Воспитанные зачастую в среде двух культур, польской и русской, и двух вероисповеданий, католического и православного, в Польше они становились польскими или русскими писателями, участвовали в русской (эмигрантской) и польской литературной жизни, писали на одном языке или на обоих. Жизненный путь Сергея Кулаковского был подобен пути Георгия (Ежи) Клингера, Льва (Леона) Гомолицкого, а в некоторой степени и русского прозаика Антона Домбровского, потомка повстанца 1863 г.; филолога-классика Фаддея Зелинского — так (а не польским именем Тадеуш) он подписывал свои статьи в русской прессе, выходившей в Польше в межвоенное двадцатилетие; Михаила (Михала) Хороманского, переводчика польской поэзии на русский язык.

До того как Сергей Кулаковский, сын профессора Киевского университета св. Владимира, прибыл в Польшу, у него уже была за плечами учеба в области славянской филологии в Киевском и Петербургском университетах, изучение медиевистики в Лейпциге и Париже, работа на кафедре древнерусской литературы в Киеве; он был доцентом в Москве, печатал первые литературные и публицистические опыты по-русски, одну научную работу напечатал по-французски. С самого приезда в Польшу он принимал активное участие в польской литературной и научной жизни.

В работах о нем и биографических заметках прежде всего перечисляют его работы по русской литературе, в том числе обзорный труд «Пятьдесят лет русской литературы (1884-1934)», готовившиеся монографии о творчестве Льва Толстого и Николая Лескова, напечатанные научные труды и статьи о русской литературе и ее восприятии в Польше; упоминают и о его сотрудничестве со многими польскими журналами и русской прессой, выходившей в Польше; пишут о его участии в I и II Съездах славистов (Прага, 1929; Варшава, 1934), в Съезде прибалтийских археологов (Рига, 1930); о лекциях, которые он читал в странах Прибалтики, а в Польше — об участии в Съезде в честь Яна Кохановского и о докладах, читанных на заседаниях научных обществ.

Францишек Селицкий, Рышард Лужный и другие авторы публикаций о польской русистике, в том числе о С.Кулаковском, справедливо сосредотачивают внимание на его достижениях и месте в этой науке. В меньшей степени предметом исследований становится его участие в польской литературной жизни и роль в популяризации польской литературы за границей, особенно среди русской эмиграции — это мы и избрали темой настоящей статьи.

Тадеуш Хростелевский, автор статьи в «Польском биографическом словаре», пишет, что С.Кулаковский опубликовал свыше 200 статей и научных работ на темы из области русистики, полонистики, литературы стран Прибалтики. Он печатался во многих журналах, активно сотрудничал с еженедельником «Вядомости литерацке» и еще активней — с журналом «Камена», о чем свидетельствует сохранившаяся переписка с главным редактором Казимежем Яворским.

В 1929 г. в Праге проходил I Съезд славистов. Из польских литературоведов активное участие в нем приняли, в частности, Мариан Шийковский (член президиума съезда), Ян Быстронь, Юзеф Голомбек и Сергей Кулаковский. На второй день съезда (7 октября), как следует из программы, помещенной в пражском журнале «Slavia», на заседании секции истории литературы С.Кулаковский прочитал доклад «Современные русские поэты» (на русском языке). В 1931 г. комитет пражского съезда издал отдельным оттиском доклад С.Кулаковского «О романтизме в современной польской поэзии» (тоже по-русски). На экземпляре, сохранившемся в Главной библиотеке Варшавского университета — автограф: «Глубокоуважаемому, любимому профессору Станиславу Шоберу в память о I Съезде славистов — искренне преданный С.Кулаковский».

Статью о польской поэзии Кулаковский начинает характеристикой «Молодой Польши»: «Польская поэзия наших дней глубоко коренится в эпохе „Молодой Польши"». «Молодая Польша», по мнению Кулаковского, была по сути романтическим течением, для которого родная земля был источником силы. «Поэты не были „народниками", они не шли к земле с „верхов"; они сами происходили из основных слоев населения и стремились обновить литературную речь путем приближения к народной». Кулаковский говорит о творчестве Яна Каспровича, Станислава Пшибышевского, Станислава Реймонта, Стефана Жеромского, Леопольда Стаффа, подчеркивая, что они продолжали романтический этос и мессианизм эпохи Мицкевича, Словацкого и Красинского, но испытывали dolor ingens ante lucem (благородную скорбь перед рассветом).

Из поэтов этого периода подробнее всего он описал творчество Казимежа Пшервы-Тетмайера, Яна Каспровича и Тадеуша Мицинского.

Работа Кулаковского содержит обзор группировок, течений, тенденций, творческих личностей в современной литературе: скамандритов и поэтов, связанных с этой группой (Юлиана Тувима, Казимежа Вежинского, Ярослава Ивашкевича, Антония Слонимского), других поэтов, в том числе Станислава Балинского, Казимеры Иллакович, Марии Павликовской-Ясножевской, поэтов группы «Чартак», среди них Эмиля Зегадловича и Эдварда Козиковского, а также поэтов, которых он называет «новаторами», включая в их число футуристов, краковский авангард, «революционно-общественную» группу (в первую очередь Владислава Броневского) и поэтов «Квадриги», с которой он сам был связан. В программах и творчестве отдельных поэтов он ищет следы традиций эпох романтизма и неоромантизма, даже когда говорит о поэтах «Квадриги», которые, нападая на скамандритов за их символизм и романтизм, сами, по мнению Кулаковского, писали стихи, переполненные романтическими настроениями.

Кулаковский был компаративистом и, когда писал о литературе «Молодой Польши» и межвоенного двадцатилетия, обращался к русской литературе. Но делал он это еще и потому, что имел в виду русского читателя, которого путем сравнения обеих литератур и явлений литературной жизни хотел лучше ознакомить с польской литературой. «Химеру» он сопоставляет с «Весами» и «Аполлоном»; говоря о творчестве Юлиана Тувима, не только писал о нем как о замечательном переводчике русской поэзии, но и называл «алхимиком», «магом стиха», сравнивая с Брюсовым, а сопоставляя с Бальмонтом — «волшебником музыки слова». Кулаковский высоко ценил поэзию Марии Павликовской-Ясножевской и Казимеры Иллакович — об этой последней он написал, что она «с чисто лермонтовской иронией, замкнутая в себе, с гордостью смотрит на мир», а в ее поэзии немало признаков романтической эпохи. В «Слове о Якубе Шеле» Бруно Ясенского он усматривал влияние есенинского «Пугачева». Говоря о Влодзимеже Слободнике из группы «Квадрига», Кулаковский вновь вспомнил Лермонтова, находя у поэта воистину лермонтовскую тоску и отчуждение — только в связи с землей, родной Мазовией, Слободник, по словам Кулаковского, находит утешение.

В 1929 г. в берлинском издательстве «Петрополис», существовавшем в 1922-1938 гг. и публиковавшим эмигрантскую литературу, вышла книга «Современные польские поэты. В очерках Сергея Кулаковского и в переводах Михаила Хороманского». Кулаковский сохранил то же, что в предшествующей публикации, деление на периоды, поэтические школы и группы. Книга включает разделы: «Молодая Польша», «Скамандр», «Вне группировок», «Чартак», «Футуристы и новаторы», «Революционно-общественная группа», «Квадрига».

В книге 248 страниц, она содержит обзор творчества 45 поэтов (41 современного и четверых — периода «Молодой Польши») от Яна Каспровича до Влодзимежа Слободника и переводы стихов (тоже сорока с лишним поэтов). Кулаковский напечатал здесь очерки о «Молодой Польше» и об отдельных поэтических группах. Некоторые очерки о поэтах довольно обширны (4-6 страниц) — о Я.Каспровиче, Т.Мицинском, К.Вежинском, А.Слонимском, Ю.Тувиме, К.Иллакович, М.Павликовской-Ясножевской; другие — покороче (1-2 страницы), а иногда информация о поэте составляет несколько строк в очерке о данной группе или поэтическом поколении.

Очерки носят откровенно информационный характер (хотя иногда автор отступает от этого принципа) в согласии с принципами, сформулированными в предисловии: «Русский читатель почти совсем незнаком с современной польской литературой. Вот почему мною была задумана информационная книга о современных польских поэтах». Объясняя содержание книги, он говорит, что она посвящена поэтам после 1918 г., а из поэтов предыдущей эпохи учтены лишь те, что связаны с современной поэзией. Во вступлении Кулаковский предупреждает, что переводчик отбирал стихотворения независимо от содержания его очерков. Он отмечает также, что столкнулся с немалыми трудностями, так как до конца 1920-х, кроме давно уже написанной работы Яна Ляма, не появилось ни одной работы, охватывающей современную польскую литературу в целом, в связи с чем ему пришлось проводить исследования, собирать материал, находить сведения у самих авторов. Помощь в этом ему оказывали главный редактор «Вядомостей литерацких» Мечислав Грыдзевский, издатель Якуб Морткович и Мариан Штайсберг.

Как и в предыдущих работах, Кулаковский, желая ознакомить русского читателя с польской литературой, обращался к российскому периоду жизни ряда поэтов (Вежинского, Лесьмяна, Иллакович), писал о контактах польских поэтов с русскими (например, Каспровича и Бальмонта); говоря о творчестве отдельных поэтов, доискивался разнообразных художественных связей, сходной тематики, мотивов, черт поэтики и т.п. Так, он соотносил стихи Каспровича с Тютчевым, Мицинского — с Врубелем, Скрябиным и Пастернаком, Стаффа — с Брюсовым, Ясенского — с Пастернаком и Эренбургом, Волошиновского — с Лермонтовым, Тургеневым, Блоком... Сообщал также, кто любимые русские поэты Тувима, Вежинского, Ивашкевича и других, какие произведения появились в переводах Тувима или Броневского.

Примеров такого компаративистского подхода в книге немало. Например, в очерке о Яне Каспровиче Кулаковский писал: «Самая замечательная книга лирики его посвящена этой любви к земле; это – „Книга убогих" (1916) или „смиренных", как перевел Бальмонт». В «этой исповеди взыскательного к себе художника» Каспрович преодолел «эпоху бури и натиска в своем творчестве» и нашел «простоту, тайну которой знал Тютчев и которая была единою целью русских поэтов-акмеистов (1910-1925 гг.)».

Тадеушу Мицинскому Кулаковский посвятил целых пять страниц. Анализируя его «Чернобыльские дубы», он отметил: «Подлинный Мицинский — свыше вдохновенный пророк, точно сошел с иллюстрации Врубеля к стихотворению Пушкина. Да и весь облик Мицинского-поэта совершенно Врубелевский. Быть может, обоим были доступны те же видения; только одному — в линиях и красках, другому — в ритмической речи. (...) Точно такое же впечатление, как „В сумраке звезд", производит поэма А.Скрябина (напечатанная десять лет назад), если читать ее, забывая о музыке. Кстати, и Мицинский, и Скрябин – необуддисты и теософы — по своему миросозерцанию близки друг другу».

О Казимире Иллакович Кулаковский пишет: «В поэзии Иллакович слышен явственно голос „гордого человека" романтической эпохи, сердце которого облито было „горечью и злостью" — Лермонтова. Поистине горькой отравой была для Иллакович некогда поэзия Лермонтова; от него, быть может, поэтесса давным-давно отошла; но есть ведь родство душ, и от этого родства никуда бежать нельзя».

Надо, однако, констатировать, что эта попытка ознакомить русского читателя с польской литературой в целом оказалась неудачной. Вместо того чтобы сосредоточиться на творчестве нескольких выдающихся поэтов, Кулаковский охарактеризовал, и не всегда верно, больше сорока поэтов, не проводя никакой иерархии, нагромождая массу сведений. Ничего удивительного, что Кароль Заводзинский резко раскритиковал эту работу — прямо назвав ее книгой, вредной для пропаганды польской культуры. Он выдвинул целый ряд упреков, даже в чисто языковом отношении, и заключил: «Языковая сторона не может повлиять на благоприятный прием книги у русской публики».

В 1930 г. в связи с 400-летием со дня рождения Яна Кохановского в Кракове прошел посвященный ему съезд, в котором принял участие и Сергей Кулаковский. В том же году в берлинском издательстве «Петрополис» вышла на русском языке его книга «Ян Кохановский. 1530—1930» с репродукцией гравюры, изображающей поэта, и с посвящением «Фаддею Францевичу Зелинскому — провозвестнику Славянского Возрождения». На экземпляре, находящемся в собрании библиотеки Варшавского университета — дарственная надпись: Ясновельможному пану редактору д-ру Станиславу Ляму с изъявлениями глубокого уважения от автора. 4 VI 1930».

Целью этой брошюры в 31 страницу было ознакомить русского читателя с творчеством Яна Кохановского, позволить читателям осознать его место в европейской литературе. В начале очерка автор пишет: «Четыреста лет прошло со дня рождения польского поэта Яна Кохановского. Общеславянское значение Кохановского заключается в том, что он первый из славянских поэтов стал участником в развитии общеевропейского поэтического творчества и, к тому же, в блестящую эпоху возрождения традиций античного мира». Говоря об отдельных произведениях поэта, Кулаковский особенно подчеркивал их связь с античностью. Столь же умышленно он весьма подробно представил жизнь и творчество Кохановского на фоне европейской литературы его времени (что же до польской литературы, то он ограничился упоминаниями о ней).

Путеводной нитью очерка стало подчеркнутое значение творчества Кохановского для всего славянского мира. Кулаковский напоминал, что в ту эпоху в Москве, в царстве Ивана Грозного, не могло быть и речи о развитии поэтического творчества, польской же литературе появление Кохановского позволило войти в орбиту развития всеевропейской литературы.

Неслучайно в заключительной части очерка автор говорит о переводах Кохановского в XVII-XVIII вв. на немецкий язык, а в XX-м — на французский, итальянский, английский. Очерк кончается словами: «Так романские и германские народы почтили своим вниманием выдающегося славянского гуманиста и поэта». Здесь, быть может, содержится ответ на вопрос, почему Кулаковский не упомянул о переводах поэзии Кохановского на русский язык в XIX и начале XX века.

К очерку приложены сделанные Кулаковским переводы нескольких стихотворений поэта из Чернолесья — трех фрашек («На свои книги», «Надгробная речь коту», «Горам и лесам») и двух тренов — VIII и XVIII. Название жанра «фрашка» (эпиграмма) ввел в польский язык Кохановский. Кулаковский использовал не вполне адекватный перевод — «шутка». Свои траурные песни, написанные после смерти малолетней дочери Уршули, Кохановский назвал древнегреческим словом «трены» (threnos) — Кулаковский заменил его названием аналогичного жанра, известного в фольклоре и древнерусской литературе — «плач».

Как и в очерке о современной польской поэзии Кулаковский старался разъяснить русскому читателю поэзию Кохановского, характеризуя, например, стих этой поэзии. Под текстом фрашки «Надгробная речь коту» Кулаковский пишет: «Оригинал — сплошь в женских рифмах, столь однообразных для русского читателя; Кохановский вообще иных рифм не признавал». А говоря о «Псалтири», ссылается на русскую литературу: «Известно, какой популярностью пользовалась „Псалтирь" в средние века и как часто на всех языках перелагали псалмы и стихи, вплоть до XIX века (и в русской литературе и в других)». Характеризуя придворную поэзию Кохановского, он указывал, что ее примеры можно найти в русской литературе XVIII-XIX веков. Иногда это желание как можно удобнее передать знание о временах Кохановского вело к упрощениям: например, описывая тогдашний Вавельский замок в Кракове, он называет его Кремлем.

В 1934 году Кулаковский участвовал во II Съезде славистов в Варшаве, но читал доклад о русской литературе («Ложнонародная поэзия в русской литературе XIX века»).

Кулаковский переводил и стихи других польских поэтов. В посвященном Мицкевичу номере «Камены» (1934, №10), он поместил перевод отрывка из главы XVI «Книг польского народа и польского странничества». Это аллегорический рассказ о путниках, которые попали в волчью западню. Выбор этого отрывка был удачным, в нем можно было отыскать актуальные нравственно-политические ассоциации и отнести к русской эмиграции. Такого мнения был и сам Кулаковский. Во вступлении к переводу он обращает внимание на универсализм произведения, на то, что не только польская, но и любая эмиграция может услышать в нем голос своего вожатого. «Книга странничества», по его мнению, особенно близка и понятна современникам. Рассказ начинается словами: «Вы — в чужой земле, среди бесправия, как путники, которые в неизвестном краю попадут в яму».

После войны Кулаковский заведовал кафедрой русского языка и литературы в Лодзинском университете. Продолжал заниматься польско-русскими литературными связями, в частности, продолжил начатое до войны исследование творчества Лескова и печатал отдельные статьи о нем, а также о Тувиме — переводчике русской поэзии.

Умер Сергей Кулаковский в 1949 г., похоронен на православном кладбище в Варшаве.

В настоящей статье рассмотрен лишь вопрос популяризации польской литературы среди русских — рассмотрения ждет участие Кулаковского в польской литературной жизни, его роль в ознакомлении польского читателя и слушателя с русской литературой — с творчеством Пушкина, Лескова, Есенина, Волошина, Блока, Ходасевича, Брюсова, Маяковского и других. Следует вспомнить и его заинтересованность культурой прибалтийских стран, статьи об эстонской, латышской и финской поэзии в польской печати.

«Acta Polono-Ruthenica»

Тадеуш Зелиховский-Войниллович

ИОСИФ БРОДСКИЙ В ПЕРЕИМЕНОВАННОМ ГОРОДЕ

На названия городов Америки можно взглянуть с точки зрения исторической политической географии, если только такая дисциплина существует. Что касается названий городов, то здесь, разумеется, доминирует английская (вернее, британская) ономастика. Именно поэтому так часто первой частью названия является слово «Нью-» Очень красиво звучат названия испанского происхождения; многие из них известны во всем мире — например, Лос-Анджелес или Сан-Франциско. Однако мало кто знает, что большинство названий штатов, составляющих США, было взято из языков индейских племен, на которые наталкивались в своем продвижении на Запад пионеры «цивилизации белого человека». И тогда, распивая вместе «огненную воду» или куря «трубку мира», они узнавали, как звучит название земли, которую они только что захватили. Вслушиваясь в такие названия, как Монтана, Дакота, Орегон или Аризона, мы сразу понимаем, что у них чисто индейская этимология. Ну а названия таких штатов, как Коннектикут, Мэн или Массачусетс, лежащих в регионе, который называется Новой Англией? Они тоже индейского происхождения, только написание приспособлено к английской фонетической системе.

Иосиф Бродский жил в двух переименованных городах. Родился он в городе, жестоко пострадавшем от жестокости «инженеров человеческих душ» и советской новейшей истории, которые превратили город Святого Петра в Ленинград. Когда он доживал свои дни здесь, в другом переименованном городе, в Нью-Йорке, он дождался возвращения прежнего имени городу его рождения и молодости. А Нью-Йорк в самом начале своей истории назывался Новым Амстердамом, потому что его основали голландцы. Когда поэт был вынужден найти себе новое жилище, он из Манхэттена перебрался в Бруклин, а это снова голландское название. Однако в переименованном Нью-Йорке даже ономастические перемены подчинялись типичным рыночным колебаниям: названия менялись не по приказу сверху, а в результате сложившегося соотношения влияний в местном масштабе. Когда британцы постепенно вытеснили голландцев, Новый Амстердам превратился в Нью-Йорк, хотя множество местных названий эти перемены не затронули. Манхэттен (название индейского происхождения) остался Манхэттеном, а голландский Бруклин — Бруклином.

Так что для Бродского Нью-Йорк был вторым переименованным родным городом. Представляется, что здесь есть и более глубокие аналогии, которые осознавал русский гений. В свое время, заинтересовавшись феноменом Петербурга, я прочел толстый том авторства Людвика Базилева, посвященный его истории. Все знают, что город был основан по указу Петра I. И там тоже смешались пришельцы самых различных национальностей, языки и культуры; туда приглашали выдающихся лиц той эпохи — но город притягивал к себе и целые толпы странных персонажей, мечтающих о головокружительной карьере. Петербург — это город на краю России, обращенный на Запад, с затаенным комплексом европейской цивилизации. Петербург — это город, стоящий на воде и на островах, связанных между собой мостами. Здесь, в Нью-Йорке, воды тоже хватает, как и островов, только вот соединяющим их мостам далеко до той красоты и великолепия, и все, что может в них восхищать — это инженерное искусство, размах и смелость конструкции. Нью-Йорк тоже находится на краю американского континента, обращен к Европе и испытывает явный европейский комплекс. Здесь тоже нетрудно наткнуться на авантюристов, стремящихся к немедленному осуществлению «американской мечты». Как здесь, так и в Петербурге можно встретить определенный тип людей, которых русская (петербургская) литература XIX века называла «лишними»: это неврастенические интеллигенты, измученные повседневностью, бессильные пред всевластием денег и политики, неоднократно выброшенные за пределы социальных структур или ни в одну из них не вписавшиеся. А где же аналогия с монументом, который

будет преследовать их во сне или наяву? В Петербурге это, разумеется, «медный всадник», сам Петр I, а здесь, в Нью-Йорке, где ты оказываешься лицом к лицу с фроммовской дилеммой «Быть или иметь», то можешь оказаться и перед быком — заряженным первобытной энергией, готовым к нападению, стоящим напротив здания бывшей биржи на Нижнем Манхэттене (там теперь находится Музей культуры американских индейцев). Хватит ли у тебя сил, чтобы схватить его за рога?

Среди выдающихся русских писателей, посетивших Нью-Йорк: Горького, Есенина, Маяковского, Набокова, — кажется, только Бродский признал этот город своим. С другой стороны, если ты живешь здесь 20 лет и не одурманен мифом «матушки-России», то у тебя несомненное преимущество перед всеми остальными. В том числе и по языковым причинам: Бродский мастерски владел английским языком, как в прозе (эссе), так и в поэзии. О других известных русских в Нью-Йорке я напишу в свое время отдельно, а особое внимание позволю себе уделить Владимиру Маяковскому, который иногда представляется мне такой ранней ласточкой нью-йоркской атмосферы альтернативных субкультур эпохи 50-70-х годов. То, что Бродский так давно и прочно осел в Нью-Йорке, было по вкусу далеко не всем — особенно владельцу жилого дома в Гринвич-Виллидж, который хотел сдать квартиру Бродского за гораздо бóльшую квартплату какому-то «яппи» с Уолл-стрит. И в конце концов добился-таки своего, о чем свидетельствует это по-английски написанное стихотворение, названное многозначным американским словом «Блюз»:

Восемнадцать лет я провел в Манхэттене.
Хозяин хороший был человек.
Теперь ненавижу я гада этого.
Зелены деньги, а тают как снег.

Похоже, пора переехать за реку.
Годы несносны, пока идут.
Нью-Джерси манит меня серным заревом.
Зелены деньги, а не растут.

Заберу свой диван и другую мебель.
Но что мне делать с видом в окне?
Я будто женат на нем, в самом деле.
Зелены деньги на черном дне.

Тело-то знает, куда оно катится.
Молишься именно что душой,
Пусть даже сверху — одна «Люфтганза».
Зелены деньги, а я седой.

(Пер. Н.Беленькой)

Это вполне реальное место, хотя из стихотворения Бродского не вытекает, где оно в точности находится — кроме того, что на Манхэттене. Название улицы и номер дома я нашел в полезном путеводителе Уильяма Корбетта «Литературные светила Нью-Йорка» («NewYork Literary Lights», St-Paul, 1998), а еще больше узнал из книги Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» (М., 2000). Это дом №44 по улице Мортон-стрит в Гринвич-Виллидже. На этом своем отрезке она очаровательна тем очарованием, которое прекрасно описал... комиссар Мегрэ. Его создатель Жорж Сименон приводит нас в этот уголок Манхеттена, который называют «городом в городе». Однако в Нью-Йорке нет ничего «от и до», и после очередного перекрестка Мортон-стрит меняет свое название на Хадсон-стрит, направляется к реке Гудзон и начинает выглядеть совсем иначе: по ее краям появляются тяжелые, массивные строения явно торгового или промышленного назначения. Когда-то, десятилетия назад, здесь располагался центр приема трансокеанских пассажирских судов, привозивших заодно и товары, которые нужно было держать на каких-нибудь складах или в пакгаузах.

И вот я вижу на документальном кинокадре, как именно там, по набережной, уже освобожденной от толкотни океанских лайнеров, от всяческой торговли и коммерции, вдоль Гудзона прогуливается Иосиф Бродский. Он в кепке, на шее шарф, пуговицы на пальто аккуратно застегнуты: над рекой Гудзон нередко дует студеный, пронизывающий ветер — совсем как в Петербурге. После чего мы вместе с автором этого не слишком профессионально сделанного фильма (тем он и мил) перескакиваем куда-то в Новую Англию, где Бродский преподавал в колледже и куда одной прекрасной осенью пригласил «к себе на дачу» другого нобелевского лауреата, поэта Дерека Уолкотта. Там за бокалом вина великие стихотворцы рассуждают на метафизические темы. Только вот нужно еще найти эти бокалы, и Бродский, роясь в заваленной кастрюлями кухонной раковине, находит пару подходящих стаканчиков (по-русски в тексте — *Пер.*). Интересующийся гостями кот пытается войти в поле камеры, но при самом крупном плане его голова уже не умещается в кадре.

Он был крупной личностью, и даже принадлежавшие к враждебному лагерю иногда умели в его присутствии «оказаться на высоте». Правильно написал Станислав Баранчак, живущий в США польский поэт и переводчик, друг Бродского, что ленинградская судья Савельева, приговорив Бродского к ссылке, спасла его тем самым от более серьезных неприятностей, зная, что в переименованном городе над его головой сгустилось уже слишком много туч. Если величие поэта измеряется хотя бы тем, что он умеет посмотреть со стороны на свою нелегкую судьбу и еще иронизировать на эту тему, то Бродскому удалось это просто гениально, ибо он сумел показать, что в СССР даже самая обыкновенная евклидова геометрия уже не работает:

Там хмурые леса стоят в своей рванине,
уйдя из точки «А», там поезд на равнине
стремится в точку «Б». Которой нет в помине.

Бродский умер в январе 1996 года, когда на Нью-Йорк свалились кучи снега. Глядя на эту белизну из окон своей (уже бруклинской) квартиры, быть может, он мысленно вернулся в еще раз переименованный город, снова ставший Санкт-Петербургом, где снега тоже хватает. А где его нет? В Италии, в этой стране сна, «который возвращается до конца ваших дней» — по словам Ахматовой, ментора поэта. Да только для Бродского, как сострил поэт и его друг Лев Лосев, «это был сон, в который он возвращается по крайней мере ежегодно».

И вот в нью-йоркском кафедральном соборе святого Иоанна Богослова на заупокойной службе по Бродскому (в соответствии с православной традицией это было в сороковой день) я обнаружил бумажный лист, последнее духовное завещание, выражавшее волю поэта организовать в Риме Русскую академию по образцу академий других стран. По его замыслу, такая академия дала бы русским писателям, художникам и ученым возможность проводить какое-то время в Риме и заниматься там творчеством и исследовательской работой. Они не приезжали туда в течение последних десятилетий, но благодаря наследию, застывшему в камне, в архитектуре, живописи и других искусствах, благодаря знаковым местам и символике петербургского культурного наследия они как бы находились в Риме с тех пор, как железная рука Петра подписала указ: здесь, на болотах, разливах и островах, на краю России, должен был стоять город, целиком обращенный к традиции средиземноморской культуры.

Но вот вопрос: кто глубже проникся этой традицией? Я рискну высказать догадку: англичане, немцы и русские. Быть может, из чисто климатических или пейзажных соображений? Быть может, причина кроется в тоске по высокому голубому небу и свежему воздуху? В России существует давняя и прочная традиция, в которой Италия занимает особое место. Русские умеют писать об Италии: достаточно вспомнить «Образы Италии» Павла Муратова. Но вот парадокс: Бродский глубже проник в эту традицию благодаря польскому языку. Мы, наверное, никогда не узнаем, кем была эта молодая полька, студентка Ленинградского университета, которая учила его «панскому» языку, привозя для него польские переводы западной литературы. Десятилетия спустя Бродский вернул свой долг памяти, выбрав для изучения со студентами Колумбийского университета стихотворение У.Х.Одена «1 сентября 1939 года».

Минула уже девятая годовщина со дня смерти Иосифа Бродского, который, как и звезда голливудского кино Стив Маккуин, смолил сигареты пачками и заплатил за это ранней смертью. Прах Бродского перенесен из Нью-Йорка в Венецию. Его поэзия и эссеистика полна отсылками к мифам, знакам и символам средиземноморской традиции; мне они понятны не больше, чем известна эта традиция. Бродский написал одно сжатое произведение, посвященное одному итальянскому городу. Известно, что «Watermark» (русский перевод несколько менее полного варианта носит название «Набережная неисцелимых». — *Пер.*), небольшое и сардоническое в своем содержании эссе, посвященное Венеции. Мне тоже когда-то довелось читать творение одного из лучших наших графоманов, Вацлава Кубацкого, «Грустная Венеция». Это нечто вроде романа, где мой тезка бродит по городу и как только что-то попадется ему на глаза, то сразу выскакивает какой-нибудь символ, метафора, скрытый Логос, размышление о смысле истории и т.п. Разумеется, это был еще один венецианский Тадзио, из рассказа Томаса Манна «Смерть в Венеции» и одноименного фильма Лукино Висконти, подросток ангельской красоты. Однако роскошную картину Висконти, князя-аристократа, симпатизировавшего коммунистам, Бродский считал неудачной, а Манна вообще не любил. У Бродского венецианская игра — это игра всевозможных наблюдений, он хочет увидеть всё и объединить это в рамках своеобразной неоромантической идеи «гармоничного соответствия искусств» — музыки, архитектуры, поэзии, пейзажа. Как трудно выложить мозаику из сотен элементов, чтобы в конце концов выявился узор, образ, иконография... Но Бродскому это удается. Я думаю, что его глаз наблюдателя был уже натренирован раньше, в отражениях на сетчатке видов родственного Венеции города — Санкт-Петербурга. У нас, поляков, тоже был свой венецианец, писавший виды Варшавы эпохи последнего польского короля Станислава Августа — Каналетто. Если бы не он и не его тщательная забота о деталях и перспективе, сегодня нам было бы трудно реконструировать исторические места нашей столицы.

Бродский был частью русской диаспоры, живущей в Нью-Йорке, ее гордостью и надеждой, а иногда и «кассой взаимопомощи» для множества русских, которые, наверное, знали, что «Америка — этот страна для быка», да вот тореадорами оказались не слишком способными. Быть может, они-то и есть «лишние люди» из петербургской литературы XIX века? Как знать, как знать... Мне выпало подлинное счастье встретиться с Бродским здесь, в переименованном городе Нью-Йорке, один-единственный раз — на поэтическом вечере местного ПЕН-клуба. Его чтение собственных стихов было непередаваемым — чем-то между плачем пророка и заклинанием Логоса. После вечера он оказался совершенно нормальным человеком, прикуривавшим сигареты одну от другой, попивая слабенькое калифорнийское винцо из пластикового стаканчика. Потом, через несколько лет, меня пригласил к себе его друг Соломон Волков — хроникер жизни Бродского и систематизатор его мыслей. Жена Волкова Марианна показала мне альбомы со снятыми ею фотографиями, запечатлевшими поселившихся в Нью-Йорке русских мастеров пера и кисти. Когда в августе 2001 года я сидел в славяно-балтийском отделении Нью-Йоркской публичной библиотеки и еще раз перелистывал необходимые мне книги, в одном из фотоальбомов я обнаружил снимок Милоша, сделанный во время «сороковин» в кафедральном соборе Иоанна Богослова (считающемся крупнейшим собором в мире), где встречаются священнослужители и приверженцы нескольких вероисповеданий. Есть там и Уголок Поэтов — их фамилии выбиты на каменных плитках, покрывающих пол бокового нефа собора.

Лешек Шаруга

ПРОЧТЕНИЕ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Книга Виктории Тихомировой посвящена польской прозе о II Мировой войне в новом контексте, созданном общественными и культурными переменами 1989-2000 годов. Речь идет о своего рода реинтерпретации военной литературы, уже не подвергающейся, как некогда, давлению цензуры, в обстоятельствах, позволяющих рассматривать вместе произведения писателей, творивших в Польше и в эмиграции. Совершенно очевидно, что в читательском пространстве ПНР литература, посвященная военному опыту, охватывала почти исключительно историю немецкой оккупации, комплекс же переживаний в зоне оккупации советской был из нее исключен. Особенно это касалось целой плеяды «лагерных» произведений, таких, как «Иной мир» Густава Герлинга-Грудзинского, «На бесчеловечной земле» и «Старобельские воспоминания» Юзефа Чапского, «Дорога в никуда» и «Не надо говорить вслух» Юзефа Мацкевича, «Казахстанские ночи» Херминии Наглер, «Титус, теперь соловьи» Мариана Чухновского, «В доме рабства» Беаты Обертынской (кстати говоря, написавшей превосходные стихи об Урале) или — остановимся на этом примере — «Засыплет все, заметет» Влодзимежа Одоевского. В польской неэмигрантской литературе II Мировая война была почти полностью сведена к описанию опыта нацизма. Преступления второго тоталитаризма рассматривались как своего рода табу. Этот факт был широко известен. Можно сказать, что попытка ампутировать у поляков память не только не удалась, но и до сих пор, как бы ни старались ее затушевать виновники, затрудняет взаимные контакты поляков и россиян.

Тихомирова справедливо обращает внимание на то значение, которое имел для дальнейшего развития польской литературы (в том числе военной) факт слияния после 1989 года обоих течений, базирующихся на историческом опыте того периода. После публикации написанной в эмиграции лагерной литературы появился целый ряд новых произведений, таких как романы Чтибора-Пётровского или Петра Беднарского. Вообще глава, посвященная этой прозе, заслуживает особого внимания, и мне немного жаль, что автор не попытался проанализировать отдельные произведения, написанные уже после обретения Польшей независимости — разумеется, соблюдая необходимые пропорции. Это освобождение от страха перед «запретной» темой (первым произведением из этого цикла был напечатанный в самиздате «Великий страх» Юлиана Стрыйковского) стало любопытным показателем перемен, происходящих в польском историческом мышлении. Думаю, что внимательно читая «Ненасытные вещи» Чтибора-Петровского (в том числе и ради формальных поисков автора), можно заметить усилия, направленные на поиски языка, позволяющего передать специфику этого опыта. Жаль также, что в приведенной автором плеяде книг, описывающих столкновение с советским режимом, не нашлось места для «Империи» Рышарда Капустинского, которая, строго говоря, не относится к категории «лагерной литературы», но описывает своеобразие явления, которое коммунистическая пропаганда именовала «нашим лагерем».

О значении, которое Тихомирова придает этой теме, свидетельствует тот факт, что лагерную прозу она выделила как отдельный подраздел военной литературы, — хотя, кажется, логично было бы включить ее в подраздел «Война и национальные судьбы», в котором важное место занимает описание литературы, посвященной Катастрофе. В самом деле, в новейшей польской литературе эта тема занимает отдельное место. Произведения, описывающие опыт Катастрофы после 1989 года (хотя о ней писали и раньше — например, Ханна Краль в «Квартирантке» и Ярослав Марек Рымкевич в романе «Умшлагплац»), пытаются прорвать психологическую блокаду в стремлении говорить о ней и в то же время очистить язык от навязанных ему в прошлом стереотипов. В качестве примеров достаточно привести сборник рассказов Михала Гловинского «Черные сезоны» или замечательный сборник эссе Петра Матывецкого «Межевой столб».

Третья из выделенных Тихомировой тем, которые доминируют в литературе, посвященной войне и ее последствиям — это вопрос утраты восточных земель Второй Речи Посполитой, называемых в Польше «кресами». Это тоже одна из тем табу в литературе ПНР. Иногда она появлялась (как в романах Конвицкого), но при этом в ней всегда преобладали недосказанность и умолчания. Придуманный послевоенной пропагандой термин, определяющий людей, вынужденных покинуть веками принадлежавшие им «малые родины» на востоке Польши, как «репатриантов», т.е. «возвращающихся на родину», был несомненным языковым подлогом. Писателям, жившим в ПНР, он не давал возможности

описать одно из самых болезненных переживаний миллионов поляков, переселенных на культурно и цивилизационно чуждые им западные и северные земли.

Боль от утраты этих восточных земель стала для поляков своеобразной «фантомной болью» (впрочем, эта проблема появляется и в послевоенной немецкой литературе — взять хотя бы данцигский цикл Гюнтера Грасса), особенно мучительной оттого, что выражать ее было запрещено. Поэтому ничего удивительного, что после 1989 г. интерес к этой проблематике — как в самой литературе, так и в литературоведении — вспыхнул с удвоенной силой, одним из выражений которой стало присуждение премии Чеслава Милоша книге Александра Юревича «Лида». В этом подразделе Тихомирова занялась скорее научными работами и эссе, посвященными роли «кресов», нежели самой литературой. Жаль — ведь целый ряд книг этого течения, написанных как до переломного 1989 года (главным образом в эмиграции, как «Долина Иссы» Милоша, экранизированная после 1989 года Тадеушем Конвицким, или творчество упоминаемого автором Юзефа Мацкевича), так и после него, сыграло довольно значительную роль в восприятии литературы. Так было, к примеру, с романом Терезы Любкевич-Урбанович «Божья подкладка», по мотивам которого снят популярный телесериал Изабеллы Цивинской. Я обращаю внимание на экранизацию прозы, посвященной «кресам», ибо она свидетельствует о значении и популярности этого тематического течения.

Наконец — что с польской точки зрения заслуживает особого внимания — Тихомирова анализирует целый ряд книг, посвященных судьбам немцев в послевоенной Польше. Вопрос этот особенно важен потому, что после Ялты значительное число поляков оказалось на территориях, которые в обиходном языке получили название «оставшихся от немцев» («понемецких»). Можно сказать, что литература, избравшая эту проблематику, занялась не только судьбами самих немцев, но и вопросом «освоения» поляками того, что от них осталось: так обстоит дело в произведениях Павла Хюлле, Стефана Хвина, Артура Д. Лисковацкого или Анджея Завады. Быть может, именно литературные произведения, которые открыты к былым врагам и тем самым взваливают на себя тяжесть сопереживания, ведут к отказу от стереотипов и враждебности (это касается и «кресовой» литературы). Они сильнее всего подтверждают тезис Тихомировой о том, что литература, посвященная войне и ее последствиям, продемонстрировала огромное богатство эстетических возможностей и взялась за темы, имеющие первостепенное значение для гражданского самопознания.

В этом контексте особое значение приобретает концепция обучения послевоенной литературе — особенно той, которая затрагивала военную проблематику. После 1989 года открытость к наследию эмигрантской литературы, отказ от пропагандистской интерпретации исторического процесса и, наконец, появление новых стилей повествования (хотя бы в таких произведениях, как «Умшлагплац» Рымкевича, «Черные сезоны» Гловинского или «Ненасытные вещи» Чтибора-Петровского; похоже, что в изменениях, наметившихся в искусстве повествования, эти книги играют такую же существенную роль, как когда-то «Дневник Варшавского восстания» Мирона Бялошевского) привели к отказу от прежних, идеологически сформированных учебных программ. Освобождение этих программ от корсета идеологического принуждения привлекло внимание автора в двух следующих главах ее труда.

Книгу Тихомировой завершает глава, посвященная успеху польских «военных» книг в Польше и за рубежом. Действительно, многие из этих произведений (хотя бы «Пианист» Шпильмана, экранизированный Полянским) были переведены на многие языки мира — прежде всего на немецкий. Это касается в первую очередь литературы, созданной после 1989 года. Существенным изменением в восприятии польской военной литературы (особенно старых произведений эмигрантов), стало ее распространение на территории бывшего «соцлагеря», особенно в России. Разумеется, здесь на первый план выходят книги, посвященные лагерному опыту. Однако — что представляется важным импульсом в нашем культурном диалоге — в довольно быстром темпе издаются и переводы более молодых авторов, таких как Хюлле или Хвин.

Конечно, труд Виктории Тихомировой заслуживает более тщательного, подробного анализа. Я отметил лишь те вопросы, которые показались мне особенно интересными. Ее книга — это компетентное, хотя по-прежнему слишком краткое исследование интересной темы. Интересной тем более, что, как это видно с российской перспективы, независимо от течения времени военная проблематика продолжает оставаться одной из главных тем, формирующих самосознание польской культуры.

В.Я.Тихомирова. «Польская проза о Второй мировой войне в социокультурном контексте 1989-2000». М., 2004.

Томаш Фиалковский

ВЗГЛЯД НА РОССИЮ

Последним, пожалуй, эпизодом карнавала свободы времен первой «Солидарности» была сессия, организованная в Кракове русистами из Ягеллонского университета. В течение двух дней в битком набитом актовом зале Collegium Novum говорили на запрещенные прежде темы и о запрещенных прежде авторах; фамилии Солженицына, Шаламова и Зиновьева, слова типа «лагерь» или «зона», наверное, впервые звучали в столь уважаемых стенах, среди позолоты и лилий Анжуйского графского дома. Сессия завершилась в субботу 12 декабря 1981 года, а ночью было введено военное положение...

Одним из докладчиков был Гжегож Пшебинда, в то время студент отделения русского языка и литературы краковского Ягеллонского университета; он говорил о «Раковом корпусе» Солженицына — романе, судьба которого предопределила политические события и отход от хрущевской оттепели.

Теперь Гжегож Пшебинда, профессор того же университета и директор Института восточнославянской филологии при университете, опубликовал свою новую книгу. «Ад с видом на небеса» — продолжение изданной пять лет тому назад книги «Переулки Мастера Воланда». Обе книги отражают «встречи с Россией», которые происходят через идеи и пейзажи, историю и современность, книги и живых людей. Самые разные формы встреч, дополняя друг друга, служат лишь одному: пониманию, освобождающему нас от стереотипов.

***

«Россия нас не только ужасает, но и завораживает. И поэтому мы так упорно ищем ответ на вопрос о смысле ее истории, ведем в Польше споры о формах существования и о характере „русской души", изучаем литературу и философскую мысль России», — пишет Пшебинда во вступительной статье. Он напоминает о словах Рышарда Капустинского, который заметил, что не знает в Польше никого, кто бы так самозабвенно увлекался американской или испанской общественной мыслью, зато многих, кого захватывает изучение тайн русского духа и мировоззрения. Когда подобный интерес превращается в мономанию, трудно ожидать объективности; к счастью, Гжегож Пшебинда сочетает в себе глубокие знания и объективный подход.

Сам о себе он говорит так: «Я отношусь к тем людям, которых, пожалуй, в Польше совсем немного и которые, с одной стороны, невероятно радуются распаду Советского Союза, но с другой — не отрицают права российских граждан быть нормальным обществом и государством в Европе начала XXI века». И тут же добавляет, что «к Европе будет принадлежать лишь та часть России, которая этого пожелает», и замечает — а это было написано им за несколько месяцев до «оранжевой революции», — что одно из условий победы проевропейской тенденции — способность русских отказаться от имперских притязаний на Украину. Впрочем, украинскому вопросу он посвящает отдельно написанные тексты: исходный пункт одного из них составила повесть Гоголя «Тарас Бульба», где речь идет о польско-казацких конфликтах, а во втором, на который его вдохновило эссе Миколы Рябчука, Гжегож Пшебинда посвятил свое внимание сегодняшнему дню украинского государства и самосознанию его граждан.

Не уклоняясь от оценок чисто политического характера (см. очерк, посвященный событиям на Дубровке и чеченской проблеме) и не скрывая своих опасений относительно направления, в котором эволюционирует внутренняя политика кремлевских властей, Пшебинда, однако, вовсе не стремится приумножать предостережения насчет «плохой России». Кассандр, которые этим занимаются, у нас предостаточно — он же предпочитает сосредоточиться на том, что открыто в российской культуре для диалога с другими и что меняет наше представление о человеке и мире. Последнее касается прежде всего автора «Идиота».

Ибо если в центре «Переулков Мастера Воланда» стояли — в соответствии с ее названием — Москва и воспевающий ее Булгаков, то среди главных героев «Ада с видом на небеса» — Достоевский и его Петербург. Эссе «Князь Мышкин и бесы», «Великий Инквизитор — легенда или поэма?», полемическая рецензия на работу Павла Евдокимова о Гоголе и Достоевском и очерк о новом переводе «Братьев Карамазовых», осуществленном Адамом Поморским, складываются в единое целое, которое не случайно озаглавлено: «Достоевский — pro et contra». Ибо гениальный писатель притягивает и отталкивает одновременно; поражает своей проницательностью и прозорливостью пророчеств, вызывает неприязнь «мистическим национализмом» и однобокостью в критическом подходе к наследию европейской мысли.

Петербург, «манихейский град святого Петра», предстает у Пшебинды не только как фон «Преступления и наказания», но и как современный город с прекрасными книжными магазинами, на полках которых можно найти произведения польских писателей, и как город возрождающейся традиции сосуществования великих религий — христианства разных обрядов, иудаизма, ислама и даже буддизма. Мы слышали о католическом храме св. Екатерины, в подземельях которого были погребены останки нашего последнего короля, но кто из поляков, посещающих Петербург, знает, что в Петербурге есть буддийский дацан, возведенный перед самым началом I Мировой войны для живших на берегах Невы бурят и калмыков и возвращенный верующим в 90-е годы минувшего века?

***

Путешествие, в которое приглашает нас с собой Гжегож Пшебинда, включает обширное пространство. С точки зрения географии оно простирается от метрополии на берегах Невы до Татарстана и его столицы Казани — места несостоявшегося визита Иоанна Павла II. Если говорить о дифференциации с точки зрения художественной и идеологической, то и здесь мы имеем дело с явлениями друг от друга далекими: от Достоевского до Герцена, Белинского и Бакунина (в очерке о «Русских мыслителях» Исайи Берлина), от Пушкина до самых молодых писателей (в очерке о «Скептике в аду» Адама Поморского). И с точки зрения временно́й оно отсылает нас к далекому прошлому — по поводу книги «Святые древней Руси».

Изданная семьдесят лет тому назад и переведенная теперь на польский работа историка и богослова, эмигранта Григория Федорова (1886-1951) дает автору возможность не только раскрыть смысл понятия святости в православии и историческую эволюцию канонизации в русской Церкви, но и показать, какие личности служили образцом и таким образом пропагандировались в отдельные эпохи, вплоть до новейшего времени, когда возводятся алтари жертвам Революции. А заодно мы узнаём, при каких обстоятельствах принималось спорное решение о канонизации последнего царя и его семьи. Я остановился на этом очерке не только потому, что в его небольшом объеме содержится много информации, зачастую неизвестной рядовому поляку, но и потому, что этот текст позволяет познакомиться с методом автора. Любое высказывание, будь то в рецензии, репортаже или полемике, может служить ему поводом для развернутых выводов и эрудированных отступлений.

***

В галерее личностей, с которыми мы встречаемся в книге Пшебинды, наряду с Солженицыным, Шаламовым, Булгаковым, Берберовой или обоими Ерофеевыми, совершенно особое место занимают две фигуры: Владимир Соловьев (1853-1900) и Ирина Иловайская-Альберти (1924-2000). Великого христианского мыслителя и выдающуюся журналистку, главного редактора выходившей в эмиграции «Русской мысли», объединяет смелость в преодолении барьеров между нациями и религиями. Иловайская-Альберти, русская и европейка, воспитанная в православии, со временем выбрала католичество. «Не было никакого обращения, — пишет Пшебинда, — она, подобно Владимиру Соловьеву, считала, что по сути нет между нами никакого раскола». Экуменические идеи Соловьева навлекли на него неприязнь православных, а у католиков не нашли понимания. Иловайской-Альберти дано было действовать более прямо ради наведения мостов между католичеством и православием, а также Польшей и Россией. Она, в частности, организовала встречи Иоанна Павла II с Солженицыным и Сахаровым.

Здесь мы прикасаемся к сюжету, который Гжегожу Пшебинде, автору книги «Расширенная Европа. Папа, Россия и Украина», весьма близок. Речь идет об отношениях между Ватиканом, с одной стороны, и Россией и русским православием — с другой, об отношéниях, описываемых не только в контексте сегодняшних споров, корни которых уходят в «плохую историю», но рассматриваемых и через призму экуменического взгляда Иоанна Павла II и его пророческого ви́дения взаимной правоты восточного и западного христианства. Такой взгляд позволяет сохранить надежду — даже если нарастающие конфликты не дают для нее оснований. Но надежда, символически выраженная уже в названии, никогда со страниц этой книги не исчезает.

Grzegorz Przebinda: «Piekło z widokiem na niebo. Spotkania z Rosją 1999-2004». (Гжегож Пшебинда. «Ад с видом на небеса. Встречи с Россией. 1999-2004». Краков, «Знак», 2004, 262 с.). Многие статьи, вошедшие в эту книгу, в русском переводе печатались в «Новой Польше».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Правду говоря, я сижу теперь несколько беспомощный над грудой ежедневных газет и еженедельников: все переполнены фотографиями Иоанна Павла II, воспоминаниями о нем, репортажами о похоронах, комментариями. Среди комментариев нет недостатка в сожалениях о холодности Русской Православной Церкви и российских властей по отношению к Папе. Думаю, не будь поляком этот Папа, совершавший многочисленные паломничества, ему все-таки удалось бы побывать в Москве: сплетение польскости и католичества оказалось, как мне кажется, непереносимым, что, разумеется, имеет свои глубокие корни, исторические и политические. И об этом следует говорить, а не делать вид, что соединение этих двух факторов не имело никакого значения. Имело. И наверное когда-нибудь мы сможем свободно об этом поговорить. Пока что я читаю в газетах о том, что во взаимоотношениях появились трудности, связанные с «миссионерской деятельностью католического духовенства, которое приезжает к нам из-за границы, стараясь всех обратить в свою веру», а также с «агрессивной деятельностью греко-католиков на Украине». Эта «заграница» — не что иное как Польша: мы прекрасно помним трудности польского духовенства в России, продолжающие влиять на взаимные отношения. Удивляться нечему, однако стоит по некоторым вопросам все договорить до конца, назвать по именам.

Иоанн Павел II никогда не скрывал, что выступает и как глава вселенской Католической Церкви, и как сын своей родной земли. Побывать в России он хотел и как Папа, и как поляк — это вроде бы ясно, и замалчивание этого факта выглядит имеющим значение. Разумеется, такое паломничество имело бы как исторический, так и символический аспект — но не только в отношениях между Церквями. Оно имело бы огромное значение и для польско-российских отношений: аспект этого рукопожатия православным верующим было бы трудней объяснить, чем экуменический аспект, который не должны им объяснять главы других православных Церквей. В газете «**Жечпосполита**» (2005, №83) об этом говорится в интересной статье Тересы Стылинской и Марека Суховейко «От равнодушия к сердечности»:

«Православные Церкви юга Европы, хотя и с недоверием относящиеся к католикам, не так непримиримы, как русская Церковь. Варфоломей I, патриарх Вселенский и Константинопольский, бывал гостем в Ватикане. А неприязнь Церквей Греции, Румынии и Болгарии в значительной мере растаяла. Произошло это в результате паломничеств Иоанна Павла II в эти страны, когда впервые со времен разрыва между Восточной и Западной Церквями Папа побывал на православной земле. (...) есть такая страна, где Иоанн Павел II проехал по улицам столицы не в „папамобиле", а в обычной машине, где его встретили не радостные толпы, а в лучшем случае равнодушие, где значительная часть местного духовенства забрасывала его оскорблениями (одним из самых мягких было „ватиканский волк") — и где пребывание Папы несмотря на это оставило самое лучшее впечатление. (...) Эта страна — Греция, где Иоанн Павел II побывал в мае 2001 г. во время паломничества по следам апостола Павла. (...) Это был совершенно особый визит, визит ожиданий и неожиданностей. „Мы ждем от Папы одного — жеста любви и смирения", — говорил тогда пресс-секретарь [архиепископа] Христодула. В этом загадочном определении таилось совершенно недвусмысленное ожидание: Папа должен просить прощения за обиды, веками наносившиеся католиками и их Церковью православным. И Папа сделал такой жест, прося прощения за грехи Церкви. (...) В десятимиллионной Греции католиков мало — 50 тысяч и еще примерно сто тысяч иммигрантов. Папа отслужил для них Божественную литургию, но центр тяжести его пребывания в Афинах был не тут, а в том, что яснее стал вопрос о единстве Церквей. Это наступило только благодаря жесту Папы, так как в его афинской программе не было ни одного экуменического богослужения, ни одного диспута или богословской встречи. То, что подход Христодула смягчился, особенно выразительно. Глава греческой Церкви всегда был непримиримым в отличие от более откры-

того к католикам Варфоломея I, патриарха Вселенского и Константинопольского. (...) на похороны Папы приехали оба — Варфоломей и Христодул. Это лучшее доказательство того, как сильно за время понтификата Иоанна Павла II изменились отношения с православием в его греческом варианте».

Однако не везде такое сближение оказалось возможным:

«Паломничество в Болгарию в 2000 г. должно было стать еще одним шагом на пути сближения католичества с православием. Однако дистанция между Ватиканом и болгарской Церковью, находящейся под влиянием Московского Патриархата, осталась весьма заметной. Папа получил приглашение не от Церкви, а от представителей интеллигенции. Часть иерархов во главе с Патриархом Максимом старалась ограничить доброжелательные жесты протокольным минимумом. И хотя накануне приезда Папы уже не веяло холодом и перестали говорить, что „Папе тут нечего делать", однако Патриарх не колеблясь напомнил Иоанну Павлу II, что истинная вера — это православие. Но болгарская Церковь — это не только Патриарх Максим и сильное промосковское лобби. „Преграды между нами, будучи делом человеческим, не доходят до неба", — сказал, принимая Папу, игумен знаменитого Рильского монастыря Иоанн. Там Папа говорил об огромных заслугах монастырей восточной Церкви как мест, где сохранялась вера».

А Павел Смоленский в статье «Папа вас любыт» (в польской транскрипции приведена украинская фраза), помещенной в «**Газете выборчей**» (2005, №78), напоминает о паломничестве Папы на Украину:

«За несколько месяцев до того, как папский самолет приземлился на киевском аэродроме Борисполь, митрополит Владимир, глава самой крупной на Украине УПЦ Московского патриархата, направил в Рим резкое и сухое письмо с просьбой-требованием отложить приезд. Против паломничества выступило русское духовенство. В Киево-Печерской лавре (...) самые ярые сторонники Владимира устраивали антипапские демонстрации. Однако уже после первых слов Папы Евген Сверстюк [бывший политзаключенный, председатель Украинского ПЕН-клуба и издатель православного журнала «Наша вира»] не колеблясь заявил: „Письмо Владимира оказалось голосом чиновника, а не священника. Категорические заверения, что Папу плохо примут на берегах Днепра, противоречат украинской традиции терпимости и многоконфессиональности. (...) На мой взгляд, митрополит получил текст этого письма из Москвы, что открыло истинное лицо его Церкви"».

Смоленский отмечает:

«Украинские комментаторы подчеркивали, что папское паломничество „прибавило доверия к украинскому суверенному государству, существование которого после десяти прошедших лет не всякому очевидно". Некоторые даже намекали, что встреча Иоанна Павла II с тогдашним президентом Украины Леонидом Кучмой была [со стороны президента] щелчком по лбу Москве (против приезда Папы на Украину были как Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, так и националист Владимир Жириновский и лидер российских коммунистов Геннадий Зюганов) и что Кучма рассчитывает, что получит за это своеобразное отпущение грехов. (...) Отпустил ли Кучме грехи Иоанн Павел II — неизвестно. Но верно, что Папа неоднократно поздравлял Украину с независимостью и подчеркивал ее европейские и христианские корни. Люди, обладающие чувством истории, отметили, что Иоанн Павел II молился в Бабьем Яре, где гитлеровцы уничтожили сотни тысяч украинских евреев, и в роще возле Быковни, где НКВД захоронило тела ста тысяч жертв сталинского террора, что он говорил о нескольких миллионах „великого голодомора" 1933-1934 гг. А беатификация 28 украинцев, членов Украинской Греко-Католической Церкви, осужденной советским режимом на небытие и катакомбную жизнь, кроме своего религиозного аспекта стала [вместе с вышеназванными событиями] своеобразным приговором обоим тоталитаризмам прошлого века».

Заканчивая статью, Смоленский напоминает слова проповеди Иоанна Павла II:

«Во Львове тоже прозвучала История. На первой Божественной литургии Папа сказал: „Я испытываю глубокую внутреннюю потребность признаться в различных проявлениях неверности евангельским принципам у христиан, как поляков родом, так и украинцев. Пора уже оторваться от горестного

прошлого (...). Да прольется прощение (...) словно благодетельный бальзам в каждое сердце. Да будут все готовы благодаря очищению исторической памяти ставить выше то, что единит, нежели то, что разделяет". На следующей литургии Папе отвечал львовский епископ восточного обряда, кардинал Людомир Гузар: „Некоторые сыновья и дочери Украинской Греко-Католической Церкви, к нашему огромному сожалению, сознательно и добровольно причинили ущерб ближним среди своего народа и других народов". Кардинал Гузар просил за них прощения. Львовские дни Иоанна Павла II прочно вписались в историю польско-украинского примирения».

Все эти статьи и заметки — разумеется, только вступление к будущей широкой дискуссии. Но дело в том, что эта дискуссия будет запоздалой хотя бы с одной точки зрения. Я глубоко убежден, что раньше или позже взаимопонимание между Церквями обязательно наступит — чем скорее, тем лучше, ибо духовное состояние Европы, довольно гнусное — по крайней мере в религиозном отношении — от этого только выиграет. Преемнику Иоанна Павла II придется взять на себя труд этого диалога, наверняка нелегкого. Но то-то и обидно: Иоанн Павел II мог при этом вдохновить также и польско-русское сближение и примирение, тоже нелегкое, как сделал шаги в польско-украинском примирении. Мне кажется (хотелось бы ошибаться!), что был упущен какой-то важный и, пожалуй, неповторимый исторический шанс.

В фундаментальном труде Нормана Дэвиса «Европа» я нашел замечание, которое сегодня кажется мне необыкновенно злободневным, хотя касается событий, происходивших больше полутора тысяч лет назад:

«Константин посеял зерно, из которого выросло одно из исторических убеждений: христианскую религию не удается согласовать с политикой. Сам Христос категорически отвергал всякое вхождение в сферу политики; до Константина христиане тоже не стремились завоевать власть как орудие в борьбе за свое дело. Со времен же Константина христианство и политика шли рука об руку. В глазах пуристов это был как раз тот момент, когда началась коррупция».

Похоже, что в отношении Иоанна Павла II к политике произошла знаменательная перестановка акцентов: религия была поставлена перед политикой. Обращаясь к верующим в 1993 г., во время дня молитв за мир в Европе, он говорил:

«Орудиям разрушения и смерти, жестокости и насилия мы можем противопоставить только наш призыв к Богу, доносимый словами, идущими от сердца. Мы не сильны и не могущественны, но знаем, что Бог не оставляет без ответа мольбы человека, который обращается к Нему с искренней верой, особенно тогда, когда решаются нынешние и будущие судьбы миллионов людей».

Искренняя вера вместо политики?

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Конец марта и начало апреля прошли в Польше под знаком болезни и смерти Иоанна Павла II. Об этом написано уже достаточно много (в том числе и в этом номере «Новой Польши»), поэтому ограничимся цитатой из некролога, опубликованного польскими властями: «Он был одним из величайших людей эпохи. Его слова и дела оказывали влияние на судьбы Речи Посполитой, Европы, всего мира. Будучи неутомимым поборником мира, диалога и примирения, он способствовал преодолению многих барьеров, разделяющих народы и религии». Напомним, что Кароль Войтыла был еще и человеком культуры. Он начинал как артист театра и режиссер. Написал шесть драм, из которых самой большой популярностью пользовались «Брат нашего Бога» и «Лавка ювелира» — обе они ставились не только в Польше и обе были экранизированы в международном составе. «У него были прекрасные данные и огромный диапазон актерских возможностей, — пишет о Войтыле его товарищ по дебютантской сцене, впоследствии прекрасная актриса Рапсодического театра Данута Михаловская. — У него была интересная внешность, хотя он не был типом героя-любовника. Обычно он играл героические, драматические и — временами — характерные роли (...) В 1942 году он поступил в духовную семинарию, в результате чего ушел из театра, но поэтом остался навсегда». Во всей Польше скончавшемуся Папе были посвящены многочисленные музыкальные и театральные мероприятия, а его книги моментально исчезали с полок магазинов. Друзья Иоанна Павла II уверены, что в папских ящиках в Ватикане найдется еще немало неопубликованных произведений. В заключение — цитата из фельетона Адама Михника: «Это был Папа, который учил нас отваге и героизму, но в то же время хорошо понимал смысл компромиссов в общественной жизни и предостерегал от смертоносной логики возмездия». И слова, взывающие к нам с молниеносно развешенных по всей Польше плакатов — цитата из папской проповеди под фотографией Иоанна Павла II: «Не бойтесь!»

• В день 60-летия издающегося в Кракове католического еженедельника «Тыгодник повшехный» Ярослав Курский написал: «На протяжении 45 лет с трехлетним перерывом Турович [многолетний, ныне покойный главный редактор «Тыгодника повшехного»] и коллектив „Тыгодника" (...) приоткрывали закрытую дверь, впуская в сталинскую ночь и гомулковскую серость немного света. Они не позволяли нам бездельничать в период герековского благополучия и впадать в интеллектуальный маразм времен Ярузельского».

• Присуждены премии журнала «Пшеглёнд всходний» («Восточное обозрение»). Среди лауреатов — главный редактор «Новой Польши» проф. Ежи Помяновский, получивший премию им. Александра Гейштора за книгу «К востоку от Запада». Награждена также Богумила Бердыховская за издание «Ежи Гедройц — украинская эмиграция. Переписка 1950-1982». По словам Анджея Менцвеля, эта книга «доказывает, что в середине XX века ни у кого в мире не было плана политической независимости Украины, Литвы и Белоруссии, сравнимого с идеей Гедройца ».

• В варшавском Королевском замке состоялось вручение премий Большого фонда культуры. Премий удостоились замечательный актер и режиссер Густав Холубек — одна из самых выдающихся фигур польского кино и театра, а также перформер, создатель инсталляций и видеофильмов Павел Альтамер.

• Главными героями открывшегося в России Польского сезона будут писатель Витольд Гомбрович и композитор Генрик Венявский. Предусмотрено также множество других мероприятий. «Надеемся, что эта инициатива положит начало новым культурным отношениям между нашими странами», — сказал во время презентации сезона посол Польши в России Стефан Меллер. Сезон открылся выставкой «Москва-Варшава/Warszawa-Moskwa. 1900-2000», ранее представленной в Польше в рамках Русского сезона. «Начало сезона пришлось на период большой напряженности

между Польшей и Россией, — сказала заместитель генерального директора Третьяковской галереи Лидия Иовлева. — Выставки не разрешат споров об оценке II Мировой войны, но дадут нам возможность дискутировать не только об исторических конфликтах».

• «Это самая интересная выставка сезона в варшавском Национальном музее», — написала Моника Малковская об экспозиции «Бретань и польские художники в Бретани». На выставке представлены прежде всего живопись и графика польских художников, творивших в Бретани. «Поляки ездили в Бретань как к себе домой, — говорит куратор выставки Барбара Брус-Малиновская. — Там они проводили каникулы, туда приезжали на натуру. Оказывается, Бретань напоминала им Польшу. Для людей из Польши свет юга труден, а в Бретани небо хмурое. Бретань исполнена очарования и в то же время родной привычности». Во второй части выставки представлены костюмы и керамика, а также народная графика, картины и рисунки из Кимпера.

• Другим знаком французского присутствия в Польше стала открывшаяся в варшавском Королевском замке выставка «Свет и тени», на которой собраны шедевры французской живописи 1600-2000 годов.

• Неизвестный Вит Ствош стал героем выставки «Вокруг Вита Ствоша», которая продлится в Кракове до середины июля. Ствош был швейцарцем, бóльшую часть жизни прожил в Нюрнберге и создал самый известный шедевр польского Средневековья — Мариацкий алтарь в Кракове. «Выставка дает хорошую возможность представить несколько более богатый образ этого необыкновенного средневекового мастера, — пишет Петр Сажинский. — Организаторы решили показать произведения Ствоша на так называемом широком фоне. В связи с этим со всей Малопольши были свезены фигуры, созданные до приезда Ствоша в Краков, и — для сравнения — более поздние, ваявшиеся уже под его влиянием. Очередные части выставки показывают, как создатель Мариацкого алтаря влиял на творчество других скульпторов — от Поморья до Силезии». Однако самые интересные экспонаты выставки — это два недавно открытых произведения Ствоша: барельеф «Гефсиманское борение» из костела в Пташковой и распятие из костела в Ивановицах.

• «После открытия Музея Варшавского восстания все другие музеи кажутся допотопными», — пишет Дариуш Бартошевич, сообщая об ожидаемом запуске двух других мультимедийных объектов: Музея истории польских евреев и Музея коммунизма. «Современный музей, — пишет далее Бартошевич, — не просто собирает материальные памятники и реликвии, но, пользуясь новейшими технологиями, реконструирует историю. Он не поучает, а воздействует на чувства, эмоции, воображение, приглашает к участию. Если традиционный музей напоминает скорее библиотеку, то современный подобен театру, где фабулу помогают воспринимать сценография и актеры».

• «Подводя итоги IX Пасхального Бетховенского фестиваля, Яцек Хаврылюк пишет: «После перенесения [фестиваля] из Кракова в Варшаву столица приобрела фестиваль международного ранга с универсальной и доступной программой, которая может удовлетворить вкусы слушателей, не слишком посвященных в тайны серьезной музыки (...) Что касается художественного уровня, то, как на каждом крупном мероприятии, было то лучше, то хуже (...) Кроме меломанов фестиваль привлек большую группу ВИПов, поэтому на концертах „играли" мобильники, а зрители аплодировали между частями (...) торжественность и помпа (...) Одно можно сказать наверняка: Бетховенский фестиваль занял свободное место на культурной карте столицы. А поскольку его организует сильная, умелая рука, у него есть шанс остаться здесь надолго». Добавим, что организатор и директор фестиваля — Эльжбета Пендерецкая, которая два года назад поссорилась с краковскими властями и перенесла «свой» фестиваль в Варшаву.

• В этом году лауреаткой вроцлавского Смотра актерской песни стала Наталья Сикора из Слупска, продемонстрировавшая, как пишет пресса, «традиционное понимание жанра». Фурор произвел заключительный концерт — полный невероятных постановочных идей спектакль «Ветры из мозга или столярка из кабаре», который, как пишет Рафал Бубницкий, стал «манифестом поколения 30-40-летних, вышедших на польские сцены в последнее десятилетие. Их идея — это вариации на тему: какое кабаре берет за живое польского зрителя? Ответ представляет собой дадаистическую игру, черпающую вдохновение в реальности, где господствует смешение понятий и

ценностей». В этом году смотр назывался «Новая волна», а на гала-концерте пели лауреаты последнего десятилетия, включая замечательную Катажину Гронец.

• За шлягеры прошлых лет нужно будет платить тантьемы — таково прецедентное решение суда по иску, предъявленному фирме «Польске награня» («Польские звукозаписи») некогда популярной группой «Алибабки», которая получит высокую компенсацию за незаконное использование ее старых записей.

• Главной темой VI кинофестиваля «Перепутья Европы» (см. статью в прошлом номере «Новой Польши») стала история и отношение к прошлому. В числе многих других документальных картин были показаны российский фильм Варвары Кузнецовой «Беслан. Свидетели» — о двух мальчиках, взятых в заложники — и киноленто «Нас не одолеть» Галины Черняк об украинской «оранжевой революции». Фестиваль сопровождался многочисленными культурными мероприятиями, а самая горячая атмосфера царила в Студенческом культурном центре при Люблинском университете им. Марии Кюри-Склодовской на дискуссии «Несведенные счеты с ПНР».

• Проходившая в Варшаве Ярмарка католических издательств совпала по времени со смертью Иоанна Павла II. Ярмарка была прервана, отменены были также многие сопутствующие мероприятия, в том числе дискуссия о последней книге Папы «Память и идентичность».

• Книга «Память и идентичность» вышла тиражом 600 тыс. экземпляров и безоговорочно лидирует во всех польских списках бестселлеров. В категории документальной литературы второе место занимает книга Камиля Дурчока «Выиграть жизнь», а третье — «ГУЛАГ» Энн Эпплбаум. На первые позиции художественного списка вернулись женщины. На этот раз первое место заняла Моника Швея со своей книгой «Степенность и сумасбродство», о которой Анджей Ростоцкий пишет: «Ассоциации с „Разумом и чувством» Джейн Остен вполне уместны, ибо одна из героинь — несомненно, степенная, а вторая — шальная. Это оптимистическая история о возможности жизненного выбора (...) Поэтому, прежде чем прибегнуть к ингибиторам обратного захвата серотонина в борьбе с депрессией, прочти эту книгу!». На втором месте — последний роман Иоанны Хмелевской «Меня убить».

• Однако, по последним данным, в целом ситуация с чтением выглядит в Польше скверно. Книга считается предметом роскоши, а в руки ее берут лишь 60% поляков.

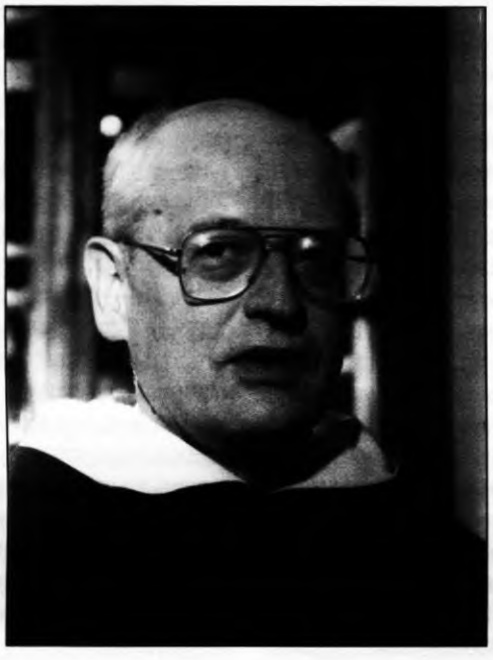
• Большой успех имела V Варшавская встреча с комиксом, главным хитом которой стал комикс сценариста Гжегожа Януша и рисовальщика Кшиштофа Гавронкевича «Хитроумное следствие Отто и Ватсона: эссенция». В 2003 г. этот комикс победил в конкурсе на лучший европейский комикс-альбом. В условиях конкурса говорилось, что действие должно быть связано с конкретными реалиями конкретного города. «Эссенция» — это небанальный детектив, действие которого происходит в Варшаве. «Его главные герои — частный детектив Отто Герой и его партнер — крыса Ватсон, — пишет Михал Войтчук. — Вместе они ведут следствие по делу о таинственной смерти одного комика. Вскоре оказывается, что смертей гораздо больше, а в дело замешан некий аптекарь, который изобрел метод конденсации книг». Только бы это не стало комментарием к ситуации с чтением в Польше...

АНГЕЛЬСКИЙ ЛИК РОССИИ

Беседа с о. Яном Анджеем Клочовским спустя месяц после смерти Папы Иоанна Павла II

— Смерть Иоанна Павла II потрясла человечество. Что же произошло в эти дни — в Церкви, в Польше, в мире?

— Умер глава Церкви, это самое важное. Но, может быть, еще существеннее — *как* это произошло. Папа для католиков, а думаю, и для многих других людей был проводником. Тем, кто вел по дорогам, которые до сих пор были не всем известны и даже самим верующим иногда казались неожиданными. Для всех было шоком, что он — больной, старый и все более погружающийся в смерть, он, которому мы, казалось бы, должны помочь, проводить его нашей молитвой в дом Отца — сам нас туда привел. Этим своим спокойным, достойным умиранием. Наша культура стыдится смерти, пытается скрыть ее и, когда человеку приходит время умирать, запирает его за больничной ширмой, где он борется в одиночестве. Папа же был на виду у всех. Некоторые говорили, что это даже неприлично. Смерть в нашей культуре неприлична, так примерно, как в викторианские времена неприличен был секс. Папа умер, и вдруг очень многие стали серьезно думать о себе, о своей жизни и о своей смерти. О том, что совсем не все равно, каким будет конец, будет ли он концом столь же прекрасной, зрелой жизни, как жизнь Иоанна Павла II.



— Польша уже второй раз переживала смерть своего Папы...

— Покушение на Папу в 1981 году мы ощутили гораздо трагичнее. Из-за сознания, что тут действует не естественный закон, как это бывает, когда уходит старый человек. Тут что-то молодое, очень динамичное — понтификат, несший большие надежды — могло быть прервано злыми силами, о которых мы в сущности ничего не знали. Тогда это ожидание исхода, ожидание в атмосфере смертельной опасности было очень драматично. Сейчас же все переживалось спокойно. Более зрело. Это было видно по лицам людей, молившихся под папским окном [краковской] курии, на Блонях...

— Их было так много, они были так сосредоточены, что казалось — произошла катастрофа космического масштаба.

— В самом деле? У меня не было такого впечатления. Нормальный уход старого человека, отца, который провел нас и через свою смерть. Была печаль, но мирная.

— Смерть сама по себе обладает сильным символическим потенциалом. А эта смерть оживила множество сакральных символов. Некоторые из них были довольно неожиданны для иностранца, как, например, желание поляков похоронить в Польше сердце Папы.

— Это была такая мимолетная идея, из польских романтических архетипов: сердце Шопена находится в Варшаве, хотя тело покоится в Париже,

сердце Пилсудского — в Вильнюсе, в могиле матери. Никто серьезно об этом не думал. Вся тема быстро исчезла.

— Раз уж мы заговорили об архетипах и об отцовстве... Тогда все думали о смерти Папы как об утрате отца. Поляки чувствовали себя потерянными, дезориентированными, не знали, куда теперь идти, как справиться с опасностями дороги. Не свидетельствует ли это о некой общенародной инфантильности?

— Но ведь это не только польское явление. Везде, где появлялся Папа, была молодежь. Пресса писала, что Церковь кончилась, что к Папе придут только старые бабки. А приходила прежде всего молодежь. Феномен отцовства Папы — это не феномен польского инфантилизма, а гораздо более важный: феномен кризиса отцовства в современном мире. Это означает, что почти в каждой семье самое слабое звено — отец. Когда появляется кто-то, кто очень добр, легко устанавливает контакт с другим человеком и в то же время силен и решителен — это дает чувство безопасности. Ответ на вопрос об архетипе отца есть в психологии Юнга. Этот архетипичный отец исчез из семьи, а необходимость в нем не отпала. Папа очень тесно связывал функцию священства с функцией отцовства, он и в своей поэзии писал об «излучении отцовства». Поэтому так велика была сила его влияния. Впрочем, в Польше, на фоне слабости политических и культурных элит, Иоанн Павел II действительно был звездой огромного масштаба, и многие почувствовали себя без этого проводника осиротевшими. Как многие тогда формулировали: умер отец, нужно быть взрослыми.

— Поляки повзрослели?

— Чтобы повзрослеть, нужно дорасти хотя бы до восемнадцати лет. Взросление, конечно, займет некоторое время.

— Сможет ли Бенедикт XVI быть таким же отцом, как Иоанн Павел II?

— Надеюсь, что нет. Люди разные, и было бы нехорошо, если бы новый Папа пытался влезть в шкуру своего предшественника, искусственно повторять его жесты. Ведь и отцы бывают разные. Папа Бенедикт — богослов, интеллектуал. Он будет в меньшей степени действовать при помощи эмоций, а в большей — глубиной интеллекта. Он еще немного смущен эмоциональностью своей паствы, но это очень трогательно. Святой Дух взял его как бы с другой полки, он готовил себя к чему-то другому — у него ведь нет большого пастырского опыта. Вероятно, пришло время богословского углубления и время этой его смущенной улыбки.

— Смерть Иоанна Павла II так сплотила католиков, что стал очевиден ее экклезиальный смысл: мы видели общину верующих, объединенную искренней любовью к своему пастырю, столь же слабому и столь же сильному, как Христос на Голгофе. Открылось ли вам в эти дни какое-то новое лицо Церкви?

— Эта смерть показала, что Церковь молода. Я не имею в виду только католическую Церковь — молода вообще христианская Церковь, потому что она — надежда мира. И эта богословская истина, объединяющая всех христиан, в какой-то момент стала в психологическом и социологическом смысле осязаема. Это удивительное чудо воплощения.

— Вы тоже почувствовали себя моложе?

— Я почувствовал себя сильнее, потому что молодые поставили передо мной высокие требования. Я ощутил, что я не чиновник организации под названием Церковь, которая предоставляет религиозные услуги. Нет, ко мне пришли, стучали в двери, говоря: «Открой, мы возьмем то, что здесь наше. Помоги нам это пережить, скажи нам что-то, сядь в исповедальне». Я почувствовал себя моложе, потому что молодые меня обратили.

— Увидели ли вы также новое лицо Польши?

— Не новое, а скрытое. Экономически Польша вроде бы неплохо справляется, но политически — уже нет, все время какая-то возня, драки. Словом, лицо Польши было печальным. Словацкий написал, что в Польше ангельская душа скрывается под «черепом грубым». Когда умирал Папа, мы увидели это ангельское лицо. Впрочем, манера прятать его под таким «грубым черепом» — это общеславянское. Русские, наверное, тоже такие.

— На общечеловеческом уровне в России тоже пережили смерть Иоанна Павла II. Телевидение уделяло ей больше внимания, чем того хотели бы некоторые политические силы. Что могло тронуть русских? Ведь они не знали Папу...

— Русским свойственна особая духовная интуиция. Был в Папе тот духовный свет, к которому русские так чутки. Например, я с большим волнением прочел письмо российской интеллигенции

из ПЕН-клуба о пакте Риббентропа—Молотова и о Катыни. Я вижу в нем настоящую Россию, ту, которую мы так любим. Это ангельский лик России.

— И все же польские СМИ говорили в эти дни о России довольно агрессивно — в связи с несостоявшейся поездкой Иоанна Павла II, в связи отсутствием президента Путина на похоронах Папы.

— Поляки имеют некоторое недоверие к российской иерархии любого порядка. Впрочем, мы всегда отделяли российскую систему власти от русских людей. У нас, вопреки расхожему убеждению, нет закодированно-негативной реакции на все русское. Мы восхищаемся русской литературой — например, Достоевским, который не любил поляков, но за свои христианские убеждения мог бы — я всегда это говорю своим студентам — называться Отцом Церкви. Наша общая история очень мучительна, болезненна, но близка! Мы ссоримся, но понимаем друг друга.

— Все признают огромное влияние Папы на мир. Мы не ошибемся, если скажем, перефразируя его знаменитые слова о Польше, произнесенные во время паломничества 1979 года, что он «обновил лицо земли». Можно ли сказать, что каким-то необъяснимым образом он изменил также Россию?

— Я верю в то, что действует его молитва за Россию, молитва у иконы Божией Матери Казанской, которая находилась в его личных апартаментах. Папа, как известно, молился около пяти часов в день, молитва была его главным занятием. Он прислал эту икону в Россию как такую духовную бомбу. Его молитва у этой иконы продолжается, я в это очень верю.

— С другой стороны, такой бомбой была «Солидарность», к успеху которой Папа Иоанн Павел II был причастен.

— Оказалось, что в духовном смысле у коммунизма нет оснований для существования. «Солидарность» была революцией «non violence», без насилия. Советские войска уже были на границе Польши, и кровь не пролилась — в значительной степени благодаря ходатайству Папы в России.

— Что касается духовной бомбы, то, возможно, некоторые православные восприняли бы эту военную метафору настороженно.

— Но помилуйте!.. Ведь все эти подозрения в том, что католики хотят обращать православных, переманивать паству — поверьте, этого в действительности нет. Сейчас век экуменизма, и католики слишком хорошо понимают, что их задача — помочь братской Церкви, пережившей страшный исторический опыт. Ни одна Церковь не была так преследуема, как православная Церковь в России. Сколько верующих, сколько священников-мучеников, отдавших жизнь за веру! Причем священников с целыми семьями, а ведь женатым людям идти на смерть в каком-то смысле труднее, чем человеку без семьи. Сколько епископов! Все это нужно помнить. Православная Церковь — мученическая Церковь. Католики тоже понесли страшные потери, но их масштаб несравним с потерями православных. Действительно, поляки иногда помнят только то, что русские на нас нападали: разделы Польши, Катынь, 39-й год и т.д. Но ведь большинство отправленных в ГУЛАГ были именно русскими...

— Русская Православная Церковь хотела бы, чтобы католики сосредоточились именно на помощи — отдельным приходам, православным вузам...

— И мы помогаем. Деньги в Россию идут большие. Но финансовая помощь может даже унижать, если за этим не идет духовное сотрудничество. Это как подачка. Ведь главное для христиан — это Христос. Почему не молиться вместе? Смешно слышать, когда говорят, что для русских буддизм более традиционен, чем католицизм. Мне кажется, проблема в другом — в отсутствии пастырской реформы в православной Церкви. Православие создало прекрасное богослужение и теперь, можно сказать, сосредоточилось на аспекте сакраментализации, а не евангелизации. Мы учимся у православных этой великолепной литургической культуре, нам уже удалось научиться петь, как они. Может быть, и православным стоило бы присмотреться к тому, что есть у нас. Ведь сколько людей приходит к католикам только из-за того, что там есть хоть какая-то евангелизация, что можно о чем-то узнать, спросить... Вот если бы православные последовали интуиции о. Александра Меня — это не была бы католицизация, Мень развивал именно православное миссионерство. Церкви — не враги друг другу. Речь идет о людях, об их спасении.

— Если на секунду предположить, что вина за неудавшийся диалог лежит только на России, то в чем, по вашему мнению, причина непонимания? В специфической российской ментальности? В столь же особом православном сознании?

— Причина связана с властью. Я имею в виду понятие «канонической территории», совершенно новаторское, не древнее. В католической Польше есть православные. Есть они и в Риме, во Франции есть прекрасный интеллектуальный центр, Свято-Сергиевский богословский институт. А сколько французов переходит в православие! Мы так многому научились от православных, стали читать греческих Отцов Церкви, открыли совершенно иную духовную литературу. Понятие «канонической территории» — это понятие имперское, не церковное.

— Русское космологическое сознание склонно видеть в России* весь *космос, а в своем народе —* всего *Адама,* все *человечество. Поэтому понятно, что кесарь Востока, как назвал кто-то Владимира Путина, не может пойти на поклон к римскому императору. Но и православной ментальности мешает мощь Папы из-за ее глубокой экклезиологической чуждости. Может быть, ради диалога стоит спрятать, уменьшить эту мощь?

— Это что, снова вопрос из серии: «Сколько дивизий у Римского Папы»? *(смех)*

— Мощь, о которой речь, возможно, несущественна для католиков. Но она очень мешает русским. Когда умер Иоанн Павел II, я встретила в толпе у курии русскую женщину. Она была растрогана, но и испугана. Сказала мне: «У нас такое в последний раз было, когда умер Сталин».

— Возможно, это явление стало одной из причин того, что Папу не пригласили в Россию. Он мог бы собрать такие толпы, какие не способен собрать сегодня ни один российский политик. Это была бы компрометация. С другой стороны, ведь люди, обращенные Папой, пошли бы в церкви, а не в костелы. Поэтому вопрос очевиден: действительно ли во всем этом речь идет о Христе? Впрочем, есть и еще одна чрезвычайно важная вещь. Сам Иоанн Павел II говорил: нужно изменить способ функционирования примата римского епископа. В более коллегиальную сторону. Это путь к воссоединению, но не под знаменами католической Церкви. Обе Церкви должны оставаться собою. Важно воссоединение на более глубокой основе, каковая есть Христос.

— Об этом уже говорил II Ватиканский Собор...

— Конечно. Но — парадокс! — Иоанн Павел II усилил мощь римского епископа. Не в каноническом смысле, а психологически, личностно. Он был очень яркой личностью. Ни один шоумен не добился такого успеха в СМИ.

— «Медийность» Папы тоже была непонятна. Раздражала его слава, которой, по мнению православных, не достоин ни один смертный. И его «светскость». Это был первый Папа, который играл в футбол, встал на лыжи.

— На лыжах он ездил еще в молодости, в Татрах. Многие католические священники тоже были этим обеспокоены. В Закопане старый священник за обедом сказал кардиналу Каролю Войтыле: «Ой, кардинал, кардинал! Не пристало кардиналу, да на лыжах!» На это Войтыла ответил с улыбкой: «Кардиналу не пристало ***плохо*** ездить на лыжах». В самом деле, было бы негоже, если бы кардинал каждые две минуты валился в сугробы.

— Словом, Папа заботился о своей «медийности»?

— Он был к ней готов, так его Бог подготовил. Войтыла ведь был актером. Он был «медиен», еще не будучи Папой.

— Польские СМИ подхватили чье-то замечание, что московскому Патриарху будет легче договориться с Папой-немцем, чем с Папой-поляком. О чем тут речь? О национальных конфликтах прошлого? Или о славянском темпераменте, слишком «политически некорректном» для россиян?

— Позвольте съязвить: поляки всегда подозревают, что русские договариваются с немцами за их спиной. Разделы, война, 1-е и 17-е сентября, совещание в Закопане и уничтожение интеллигенции в Катыни... Кроме того, между этими народами существует некое взаимное восхищение. Немцев всегда увлекала Россия — своим величием, мощью. В немецких университетах каждое поколение тот или иной профессор пишет работу на тему «Ницше и Достоевский». Впрочем, именно немцы сочинили жутковатый анекдот о Папе Бенедикте XVI: «Почему Папа не поедет в Москву? Потому что он уже был там с Вермахтом!» Это, конечно, неправда. Но сами немцы очень не любят нового Папу. Как раз потому, что он не политкорректен.

— Есть ли у сдержанного по характеру Бенедикта XVI шанс найти общий язык с Патриархом Алексием II?

— Думаю, да. Православная Церковь чувствовала себя шантажируемой этой постоянно протянутой рукой католиков. Президенту Путину тоже политически выгодно поддерживать хорошие отношения с Ватиканом. Избрание нового Папы может оказаться предлогом для того, чтобы диалог наконец начался, чтобы достойно выйти из конфликта.

— Что бы мог изменить приезд Папы Бенедикта?

— Может быть, подход к «канонической территории». А может, и вопрос греко-католической унии.

— Почему Россия была так важна для предыдущего Папы?

— Потому что он отдавал себе отчет в том, какие потери понесла эта страна в период коммунистического режима. Как разрушена вера, сколько людей не знают Христа.

— Может ли случиться, что Папа Бенедикт XVI не заинтересуется Россией?

— Нет. Русский вопрос — это одна из самых серьезных проблем современной Церкви. Россия — огромная страна, значительная часть которой — это все же Европа. Уже известно, что в свой понтификат новый Папа должен будет сосредоточиться на евангелизации Европы в ее целостности, Европы, у которой есть правое и левое легкое.

— Отличаются ли задачи, поставленные перед католической Церковью современными Европой и Россией? Будет ли отличаться язык, которым католики заговорят с той и с другой?

— Может показаться парадоксальным факт, что коммунизм привел к радикальному «озападниванию» русской культуры. Ведь марксизм — это изначально западная идеология. Кроме того, коммунизм стал причиной глубокой секуляризации общества. Что мы видим в Европе? Процесс ресакрализации, но не в лоне Церкви: уход в секты, в движение «Нью-Эйдж». В России, на Украине, в Литве это новое течение часто сочетается с возвращением к древнему язычеству. Специфика России и Европы немного разная, но общая проблема одна: необходимость новой евангелизации. Это самая важная задача для всех Церквей. Нужно помогать в этом друг другу, иначе наша паства уйдет от Христа.

— Иоанн Павел II был очень связан с Фатимским откровением. Он считал, что во время покушения Божия Матерь Фатимская спасла его от смерти. В 1917 году трое детей передали миру тайны, полученные, как верят католики, от Божией Матери. Было там и о России, которая должна обратиться. Это сбылось?

— Россия обращается. Именно поэтому Иоанн Павел II и хотел ей помочь. Не обращать в католицизм, не переманивать паству, а помочь. Для того, чтобы в России окрепло прекрасное русское православие, возродилась чистая и сильная Церковь.

Беседу вела ***Мария Рогинская***

О. Ян Анджей Клочовский *— доминиканец, профессор Папской богословской академии, специалист по философии религии и автор нескольких философских книг, один из самых известных пастырей краковской интеллигенции.*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В нескольких польских городах были отменены запланированные выступления прекрасных российских артистов, неверно представленных публике как труппа московского Большого театра — одной из лучших оперных и балетных сцен мира. Слабую продажу билетов организаторы объяснили зрительским бойкотом. Эта ложная интерпретация, распространенная СМИ, дает результаты, равноценные политической провокации.

Польские зрители не переносят на российских артистов коллективную ответственность за высказывания и жесты политиков. Культура сближает народы и общества, а не разделяет их. Творческое общение польского и русского искусства, взаимный интерес, уважение к независимости и восхищение художественными достижениями определяют пространство наших отношений, свободное от варварства. Если бы предпринимаемые со злым умыслом действия разрушили эту живую ткань и вызвали раздор между нашими обществами, произошло бы историческое несчастье.

Мы призываем польских зрителей сохранять достоинство перед лицом манипуляций. Мы хотим иметь дело с великой русской культурой, а не с языком политических оскорблений.

Мы призываем журналистов к особой осмотрительности и профессиональной осторожности по отношению к шагам в сфере польско-российских отношений, стихийность которых весьма сомнительна.

Выражаем российским артистам наше глубокое уважение и сожаление в связи с возникшей ситуацией.

Польский ПЕН-клуб,
Общество польских писателей,
Общество польских музыкантов,
Союз артистов польских сцен,
Союз польских композиторов,
Союз польских художников,
Совет неправительственных организаций
при министре культуры Республики Польша,

а также

Владислав Бартошевский, Ежи Бернат,
Яцек Бохенский, Михал Бристигер,
Кристина Захватович, Анджей Вайда,
Антоний Вихерек, Петр Войцеховский,
Игнаций Гоголевский, Генрик Миколай Гурецкий,
Кшиштоф Занусси, Збигнев Запасевич,
Эугениуш Кнапик, Кшиштоф Кнittель,
Ежи Корнилович, Ольгерд Лукашевич,
Януш Мацеевский, Барбара Мечницкая,
Мартин Наленч-Несёловский, Ян Новицкий,
Кшиштоф Пендерецкий, Адам Поморский,
Ежи Помяновский, Мария Янион

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

70-летие смерти Юзефа Пилсудского
Я.Бохенский «Тринадцать упражнений»
Я.Станиславский «Мои русские»
Русский язык в польше
Я.Ивашкевич о И.Эринбурге
Я.Куманецкая о Владиславе Копалинском
Д.Шевионков-Кисмелов о выставке Исаака Цельникера
З.Флорчак о творчестве Яна Лебенштеина
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Д. Сосновская, К.Модзелевский о новых книгах Д.Бовуа
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с М.Комаром, В.Копалинским, М.Ягелло

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта, Криницкого и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:
www.novpol.ru

PKO BANK POLSKI
ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»
главный спонсор
деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

BIBLIOTEKA NARODOWA

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK **ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA *na świecie*

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

ISSN 1508-5589

Cena 6 zł w tym 0% VAT